

Библиотека англо-американской классической фантастики

Пирс
Энтони

ЧЕЛАНДР

Пирс
Энтони

Том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ЧЕЛАНДР

Библиотека англо-американской классической фантастики

ЧЕЛАНДР

Пирс Энтони

том 2

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2019

БААКФ-42 (2019)

Клубное издание

Пирс Энтони (2). ЧЕЛАНДР.

Сборник фантастики.

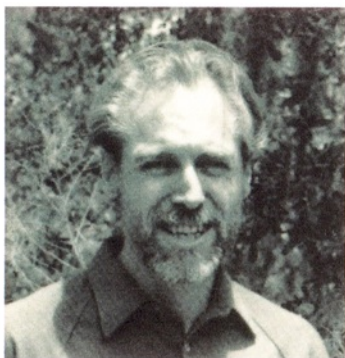
(а.л.: 9,57)

Составитель Борис Толстиков.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Толстиков Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

Пирс Энтони
(Piers Anthony Dillingham Jacob, (1934-))

WORLDS OF

SCIENCE FICTION

JUNE 1966
50¢

THE WEAPONS THAT WALKED by D. M. MELTON

*Plus thrilling science-fiction stories and features
by KEITH LAUMER and ROSEL G. BROWN and many more!*

ЧЕЛАНДР

(В соавт. С Робертом Э. Маргроффом
и Эндрю Дж. Оффуттом)

I

ОНО ДОЛГО не переставало стонать. Оно – изломанная масса расколотых костей, сочившаяся кровью и мозгами, спутанные пряди светлых, почти человеческих волос. Но Билл Джексон продолжал бить, ломать, кричать. Кричать непрерывно, на одной ноте, до тех пор, пока не выбился из сил.

Медленно наступило отрезвление.

Тони Бейкера, бывшего капитана ВВС США, Техасский корпус, стошнило. Сейчас, он, изнуренный и трясущийся, приходил в себя. Второй мужчина медленно поднялся с колен, пытаясь унять дрожь в окровавленных руках. Безумное выражение его лица сменилось на осознанное. Потом его тоже вырвало.

Не сказав ни слова, они принесли бензин, взятый из разбитого самолета, сине-серебристого «Скаутера» S-195. Вылили на остатки последнего андроида. Молча, дрожащими руками, Билл Джексон чиркнул спичкой и бросил вспыхнувший огонь на землю. Защищая лица от жара, вспыхнувшего с ревом огня, они подняли руки и отступили. Они смотрели.

Посреди пламени что-то пошевелилось.

Тони Бейкер зажал рот и отвернулся. За его спиной медленно поднималась рука, совсем как человеческая. Прозвучал последний, агонизирующий стон, совсем как человеческий. «Оно не было мертвым».

Тони обернулся, чтобы увидеть, как в огне бьется замученное существо. Наконец движения прекратились.

Оно стало мертвым.

Двое мужчин смотрели в оцепенении и ужасе.

– Ненавижу их, – сказал Билл Джексон. – Я рад, что оно мертво. Но я бы не желал вот так... чего-то в этом роде. Но мы должны были удостовериться...

Он вспомнил ужасный способ, которым он *удостоверился* и содрогнулся.

Он был старшим из двоих мужчин. Большой смуглый человек с вечной щетиной на лице с грубыми чертами. В черных волосах

*The Final War had left few
survivors . . . just enough
to carry it on endlessly!*

MANDROID

by ROBERT E. MARGROFF,
PIERS ANTHONY
and ANDREW J. OFFUTT

Illustrated by GAUGHAN

проглядывали немногие седые пряди. Ему было приблизительно сорок один или сорок два года. Он похлопал Тони по плечу, оба повернулись и пошли по небольшой поляне к ручью на востоке от их лагеря. Присев на корточки, они умылись в смеющейся, беззаботной воде.

— Билл, — сказал Тони, освещенный лунным светом.

— Да?

— Теперь все кончено, верно?

— Да, — сказал Билл Джексон. Он потрогал свои бакенбарды, вытер попавшую на них кровь. — Да, Летяга, думаю, да.

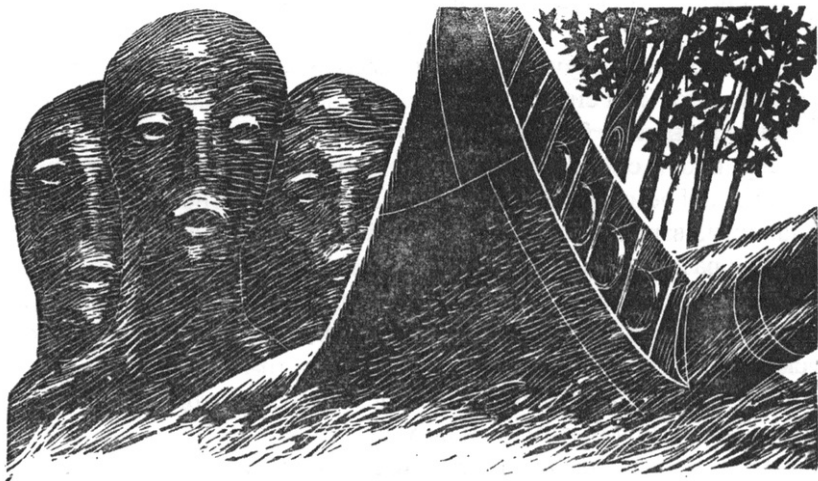
— Билл... может, нам надо похоронить это?

Джексон уставился на него.

— *Похоронить!* Похоронить *что?* Тони, эта штука... — он смолк, но в темноте заговорили их глаза. — Да. Да, думаю, да. Идем.

Они вернулись с берега ручья обратно на поляну. Обратно, к остаткам костра на их стоянке... и того, другого, костра.

Билл прикрепил саперную лопатку к своей винтовке. Он вырыл неглубокую яму и спихнул туда обугленные останки. Они утрам-

бывали землю, заколебались, думая об одном и том же... потом отбросили эту мысль и, не сотворив молитвы, ушли от высокой ели, похожей на рождественскую.

Бездумно Билл подошел к костру и подбросил три полена, поправил, чтобы они быстрее сгорели. Он повернулся.

– Идем, – сказал он.

Они вместе перешли поляну, дойдя до ручья, перепрыгнули его и взобрались на невысокий берег на другой стороне. Поток служил своего рода границей с восточной стороны лагеря, на севере границей был разведывательный самолет, хижина и частокол закрывали южную сторону. Крутой склон холма напротив ручья защищал поляну с западной стороны. Они почти очистили холм от годных деревьев и скатили стволы вниз, чтобы сделать барьер.

Билл Джексон сел и Тони Бейкер медленно опустился рядом с ним.

– Сколько сигарет осталось, Тони?

– Две.

Билл вздохнул.

– Ну, не могу придумать лучшего времени, чтобы разделить одну. Мы не можем сохранять их вечно.

Тони кивнул и закурил сигарету. Он глубоко, медленно, с наслаждением затянулся и передал сигарету соседу.

– Тони...

– Да?

– Давай не будем об этом. Давай не будем думать об этом, давай поговорим о чем-нибудь другом.

Билл выпустил клуб дыма и вернул сигарету.

– Ладно.

Тони смотрел на луну, висящую высоко над деревьями, пухлую и серебристую. Они сидели молча.

Никто из них не был уверен, сожалеет ли он о том, что сделано, все случилось слишком внезапно. Они устроили ловушку, и она сработала. Гремучая смесь возбуждения и опасности, страсти и ненависти, возвращенной многолетней войной – все толкало их к ужасной развязке. И они повиновались – яростно и, одновременно, нерешительно. А теперь все кончено, их энергия выплеснулась – и пришло время для воспоминаний, размышлений... и, возможно, раскаяния.

– Ну, черт возьми, давай же о чем-нибудь *говорить*! – сказал Билл. – Я думаю об этом – а я *не хочу* думать!

– Э-э... Как все это началось, Билл? – спросил Тони.

Тони было двадцать три года, он был стройнее Билла – тонкокостный, но с накаченными мышцами – и ниже на три дюйма. Он стал активным участником войны уже на третий день после его семнадцатилетия. Тони медленно выпустил клуб дыма и вернул белый цилиндрик человеку, который вытащил его из разбившегося самолета.

Билл быстро ответил, переключившись на новую тему.

– Мы сделали их, Летяга. Мы создали их. Точнее, их сделали ученые типы в своих лабораториях. Они хотели вывести племя сильнее для шахт и заводов, поэтому они смешали химикалии и ДНК, и бог весть, что еще, и сделали андроида. – Он покачал головой. – Боже! *Сделали*!

Его посетило видение горящих лабораторий, горящих ученых, повешенных химиков, взрывающихся химикатов.

– Они были жестче, сильнее, дольше жили. Ученые сделали так, что они могли размножаться.

– И это стало ошибкой, не так ли? – тихо, ровным голосом спросил Тони.

– Нет. Ошибкой было создавать их. Все те вопиющие проповедники оказались правы. Довольно скоро выросли маленькие андры, считающие, что они умнее людей и во всем их превосходят.

– Разве нет?

Билл покачнулся и уставился на него.

– Ты что, веришь в это?

Тони взглянул в глаза, внезапно ставшие угрожающими, взглянул и посмотрел в сторону, на колышущееся отражение луны в проточной воде.

– Не знаю. Мой отец и братья сражались с андрами с тех пор, как я себя помню. Это было просто естественно. Такова была жизнь. Я никогда толком не знал, почему. Все сражались и сражались, и все погибали в сражениях или возвращались калеками и в конечном счете тоже умирали. Билл, я не был... я недостаточно взрослый, чтобы помнить. А они и в самом деле? Я имею в виду, они и правда превосходили людей?

– Ну, они были умными, – неохотно признал Билл.

Он вручил Тони последнюю четверть дюйма сигареты, наколотую на булавку и, как и Тони, посмотрел на серебристое мерцание в воде.

– Но нет, черт возьми, они не были *людьми*! Им нельзя было быть такими умными!

Он вонзил штык в мягкую землю.

– Но они оказались умнее, хитрее, они скрыли свою настоящую численность, собрали оружие, тайно встретились... устроили заговор...

– Но мы не дали им равноправия, – сказал Тони. – Когда они передали прошение в правительство.

– Прощение! *Требование*! – Билл сплюнул. – Но мы не могли им этого позволить. Господи, ведь выбора не было – мы сделали их. Они не были *людьми*. Они или мы – и они попытались захватить власть. Нам пришлось бороться. Пришлось. В этой войне пощаде не было места. Ни пощады, ни уступок. Мы дали андрам способность *мыслить*, рассуждать, а их разум говорил им, что они стали рабами; что они всегда будут рабами... если только *они* не станут хозяевами *людей*. Поэтому мы боролись... и боролись, и боролись. И вот мы здесь.

Тони Бейкер вздрогнул.

– Какие потери!

– Да, потери. Потеря случилась, когда мы впервые их изготовили, – сказал Билл, выплевывая слова. – Кстати, о потерях...

Он взял оставшийся окурок, осторожно затянулся, обжег губу, выругался, вытащил булавку. Прижал остатки мокрым большим пальцем и вернул булавку на лацкан рубашки.

Тони посмотрел на него, потом на луну в воде.

– Э-э... Билл. Правда, что случались... Скрещивание между человеком и андроидом?

Билл тряхнул головой и уставился на него.

– Конечно, нет! Мы ненавидели друг друга. С чего ты взял?

Тони пожал плечами. Ему следовало быть осторожнее с Биллом и дважды подумать, прежде чем спрашивать.

– Просто интересуюсь. Это было возможно, не так ли? Их хромосомы смоделированы по нашим...

– И что? – сказал Билл Джексон с непоколебимой уверенностью.

– Все это полная чушь! Бред!

– Но...

Лицо Билла исказилось, в лунном свете глаза сверкали, как стеклянные. Линии от его ноздрей до уголков рта стали резкими и глубокими.

– Как ты думаешь, человек смог бы? Смог бы ты спать с одной из них?

Тони подумал о покрытом бородавками создании, которое они убили, вздрогнул и покачал головой.

– Нет, Билл, не думаю. В любом случае, теперь это не имеет значения. Мы убили его. Никого не осталось. Только ты и я.

Над его головой насмешливо захохотал большой рогатый филин, преисполненный самодовольной уверенностью, что он не последний в своем роду.

ЩЕЛК

#Мы терпим неудачу/потерпели неудачу/потерпим неудачу!#

Они так ненавидят, и их так сильно извращает их первобытная биология. Но мы (сможем) легко перезагрузить и начать заново.

#Мы сможем?

#Глупый вопрос. Поразмышляй перед тем, как вещать. Ответ присуц нашему бытию – ты существуешь. Я существую.#

#Конечно. Тогда давайте сделаем это. Но осторожно...#

#Сначала стираем, перепрограммируем...#

Кнопки нажаты, диск-указатель повернут, калибратор установлен, настроен, переключатель переброшен.

#Вот. Теперь мы заменили одну мощную блокирующую команду.#

#Ты уверена, что это можно сделать?#

#Это сделано: мы существуем. Одна команда: главное превыше всего: спариваться и воспроизводиться.#

На экране замерла женщина-андроид, потрясение на лице, похожем на портреты Хогарта*.

#Ты и я знаем, как только те, кто знает/знал/будет знать прошлое/настоящее/будущее как ЗдесьСейчас, что Человек и андроид (могут) спариться. Ибо только благодаря такому спариванию мо-

* Уильям Хогарт (William Hogarth, 1697–1764) – английский художник, автор сатирических гравюр. (Прим. перев.)

жет быть то, что последовало за Человеком и андроидом; иначе ничего и никого. #

Переключатели установлены, калибраторы и диски-указатели установлены, рычаг нажат, кнопка нажата.

#Тогда осуществится форма жизни, превосходящая любую другую. Только тогда осуществимся мы.

#Но... но если мы снова потерпим неудачу? #

#Тогда мы должны попытаться еще раз. Мы должны пробовать снова и снова, пока не добьемся успеха... #

#...или что? #

#Ты знаешь/знал/узнаешь это не хуже меня. Если мы потерпим неудачу, мы не узнаем; нас не будет. Ты и я, все мы, не существовали, следовательно, не существуем и не будем существовать. Мы теряем существование. Но только до тех пор, пока мы не исчерпаем все возможности: изменение и переизменение, программирование и перепрограммирование. Это не эксперимент. Это выживание. Неудача недопустима. И при этом возможности не бесконечны, каждый раз мы повреждаем ткань ВремяПространства. Наблюдай за порванными нитями... в конце концов, наступает момент, когда дальнейшие настройки невозможны.

#Но... нам удалось! Мы Здесь/Сейчас. #

#Пожалуйста, вспомни, кто из нас является учеником, и, пожалуйста, подумай, прежде чем вещать. Нет «сделано» или «было», нет «нам удалось». Все происходит сейчас; если мы добьемся успеха, мы есть/были/будем. Если мы потерпим неудачу... #

Последнее реле щелкнуло/щелкает/будет...

ЩЕЛК

II

ПОСЛЕДНИЙ ВЫЖИВШИЙ андроид вышел из тени леса и теперь стоял перед костром, разожженным двумя оставшимися в живых людьми.

Его лицо было отвратительной пародией на человеческое женское – широкое, бородавчатое, достойное худшей сатиры Хогарта. Тонкие и искривленные губы не закрывали пожелтевшие зубы. Некоторое время оно смотрело на два тела лежащих ничком в спальных мешках у вспыхивающего костра, потом подошло к ним с нечеловеческой скрытностью. Его большие, почти человеческие руки свободно качались по бокам, пустые, без оружия – и Билл Джексон атаковал из-за сине-серебряного труп разбитого самолета-развед-

чика. Предпоследний на Земле выживший из уничтоженных миллиардов напал со штыком, прикрепленным к винтовке без патронов.

Он быстро понял, что андроида не обманули набитые травой манекены, лежащие у костра. С рефлексами, разработанными Человеком, чтобы он стал быстрее, чем люди, андроид развернулся, замер на мгновение и побежал. Он проломился сквозь неширокую стенку кустов чертополоха и с шумом помчался через хвойный лес.

Билл Джексон недоуменно уставился вслед.

— Ну, будь я проклят! Впервые вижу, как кто-то из них убегает!

Он подошел к высокой ели, глянул сквозь изломанные ветви на бледное лицо, смотрящее вниз с платформы.

— Не сработало. После всех этих усилий, не сработало!

Тони Бейкер, бывший пилот самолета-разведчика, участвовавший в ужасной войне, которую андроиды называли «Гражданской», а люди «Война против андров», сполз по веревке с платформы на землю.

— Этого я и боялся, Билл.

Он был моложе и стройнее, его лицо еще не покрылось морщинами, подобными тем, что возраст, ненависть и опыт оставили на темном лице Билла.

— А должно было сработать! — воскликнул Билл. Он вел себя, как маленький мальчик. — Все тренировки с веревкой, вся обрезка веток и расчистка, вся проклятая трава, которую мы нарезали, чтобы набить чучела... проклятье! Все это зря!

— Не зря, — сказал Тони Бейкер.

Он посмотрел через костер на почти законченную хижину в северной части лагеря, покрытую только сегодня, снова на два манекена, раскинувшиеся в спальных мешках и, наконец, опять на Джексона.

— Мы выяснили, насколько они умны.

— Ага. Черт, но мы же *люди*?

— Да, — сказал Тони Бейкер.

Он подтянул веревку, по которой он должен был съехать вниз, на андроида, обратно к стволу ели, слегка закрепив на гвозде, который они там забили. Потом обратил взгляд своих бледно-голубых глаз на крупного мужчину.

— Билл, смотри. Я знаю, что ты старше, но я видел больше действий против этих существ, чем ты; меня взяли, когда мне исполнилось семнадцать и недели на меня форму.

Он набросил поверх сине-серебряной рубашки куртку — ночи были холодными.

– Мне дали оружие и сказали: «Иди, парень, иди убивать андронидов». Что я и делал в течение трех лет, пока не узнали о том, что я учился пилотированию – а я ведь *пытался* рассказать об этом – и быстро прогнали меня через летную школу и засунули в вон ту старушку Бригитту.

Тони махнул рукой в сторону самолета-разведчика S-195 ВВС США, крушение которого и привело к встрече с Биллом Джексоном.

– Я был в дивизии Аламо, участвовал в третьей битве при Джонсон-Сити. Неуязвимая, иммунизированная дивизия, помнишь? Да уж, неуязвимая. Андры выпустили свой бактериальный газ и через шесть дней остались только Джек, Крис и я. Потом...

– Не грузи *меня*, парень! Я повоевал и сам.

И Билл продолжил, когда Тони усмехнулся. Он не собирался ворошить прошлое, но оба мужчины были напряжены, и хотя война могла казаться адом, люди никогда не перестанут говорить о ней.

– ...Но потому, что я знал здешние места и здесь мне нравилось, меня назначили начальником рабочей команды. Мы тоже были иммунизированы. Я похоронил их всех. Потом я начал очищать эту поляну... и бах! Сверху валится летающий мальчик, весь блестящий, серебристый и синий. Очень мило с твоей стороны. Этот маленький игрушечный самолет создает хороший барьер на южной стороне поляны. Чертовски хорошо и для тебя тоже. Если бы я не вытащил тебя, ты бы умер, Летяга. Этот андроид нашел бы тебя... думаю, именно так он нас и нашел. Господь знает, где андр был, но он добрался до нашего дома из-за твоего самолета.

В устах Билла Джексона слово «андроид» звучало как самое отвратительное проклятие.

Тони поднял руку к затылку с мальчишеской улыбкой, он снял повязку только сегодня.

– Ты прав, Билл, – он оглянулся на маленький лагерь. Дом. – И ты знаешь, что я ценю твою помощь.

– Я не напрашиваюсь на похвалу.

– Я знаю. Я думал о нас – о поляне, хижине, ловушке. Пусть даже она не сработала. Творческий подход. Это единственное, чего нет у андров – творческого мышления. Отравленные дожди, которыми они травили нас, излучение, мутировавшие паразиты – все это человеческие изобретения. Мы сумеем обыграть этого андра. Мы дали им все, *кроме* творчества.

Билл подошел и наклонился, чтобы поднять полено и осторожно положить его на слабый огонь.

– Творческий подход... он нам определенно понадобится, Летяга. Ты понимаешь, что, возможно, мы – это все, что осталось? Ты, и я, и этот андроид?

Он посмотрел на Тони. Высказанная им мысль поразила его самого и Билл быстро сел.

Тони подошел к огню и присел на корточки, потом с хриплым вздохом сел на землю. Он расстегнул карман рубашки и достал измятые остатки последний на Земле пачки измятых сигарет, заглянул внутрь, должно быть, с такой же надеждой мамаша Хаббард обыскивала кухонный шкаф*.

– Две, – сказал он Биллу. – Давай одну разделим.

Билл кивнул и Тони, продолжая думать о творчестве, творении, претворении, сотворении, порождении, вытащил из костра горящую щепку и медленно зажег сигарету, стараясь не сжечь понапрасну ни миллилитра табака. Он сделал длинную, глубокую затяжку, как человек, который знает, что ему недолго осталось тешить свою привычку и передал «тигра» Биллу.

– Ох уж эти летуны и их тигры, – пробормотал Билл. – Если бы вы курили сигареты с фильтром, не пришлось бы пользоваться булавкой**.

Но он ухмыльнулся, давая Тони понять, что шутит. Тони расшнуровал и снял ботинок, наклонился, разглядывая ногу. Билл тоже согнулся, чтобы посмотреть.

– Все еще думаешь о багах?

Тони улыбнулся. О багах! Что ж, произносить «бактериологические агенты» заметно труднее.

– Да, о некоторых. Но прошло почти три года с тех пор, как распространялось что-то новенькое. Просто мне повезло подцепить стригущий лишай или грибок.

– Не-а, – сказал Билл, разглядывая сморщившуюся кожу ноги. – Просто волдырь, не парься. Слишком много полетов и слишком мало прогулок. Думаю, что ты и я можем считать, что сейчас мы имунны вообще ко всему. Выжили сильнейшие – и это мы.

Тони обнаружил, что не в состоянии улыбнуться, снял другой ботинок и пошел босиком к самолету за кроссовками. Идти по земле было хорошо, приятная прохлада ласкала горячие стопы. Он вер-

* *Мамаша Хаббард* – героиня английского детского стихотворения. Стихотворение начинается с того, что мамаша Хаббард безуспешно пытается найти в шкафу кость для своей собаки (*Прим. перев.*)

** *Tiger* – марка сигарет без фильтра, популярная в США в середине XX века, позднее выпускались и с фильтром (*Прим. перев.*)

нулся, чтобы натянуть белые кроссовки у костра. Когда Билл протянул сигарету, Тони поднял глаза.

— Вот. Я тебе должен — сделал затяжку, пока ты ходил за тапочками. Тони глубоко затянулся.

— Ну, мой доктор все равно не одобрил бы. Он является... являлся членом Американской медицинской ассоциации, рак легких и все такое... Билл? Ты понимаешь, что та, кого мы прогнали сегодня вечером, сильнейшая среди *своих*?

— Та? То, — прорычал Билл, рыча. — То!

— Ладно. Ты понимаешь, что мы поставили ловушку, все спланировали и, как два тигра, ждали, чтобы убить? А оно пришло без оружия.

— Конечно. Ночью, крадучись. И вспомни — андроид вдвое сильнее нас. Ему не нужно оружие.

— Ну, все-таки странно, что у него не было дубинки или чего еще, — хмуро сказал Тони. — Может, оно хотело мира, — добавил он. — Может, мы не должны его убивать.

— Что это значит — «не должны»? Кто здесь устанавливает правила? Это делаем мы, Летяга.

Тони Бейкер хорошо подумал, прежде чем снова заговорить.

— Билл, здесь только ты и я, и этот андроид. Андроид-самка. С фаллопиевыми трубами. Человек уходит и, может быть, Мать Природа снова получила контроль и собирается поддержать старика.

Билл фыркнул.

– Хочешь надеть свой костюм-для-важных-встреч-по-воскресеньям, отыскать андра и выкурить с ним трубку мира? Обещаю, что похороню тебя – или то, что от тебя останется, если, конечно, найду.

Он встал и отвернулся; выражая насмешку даже плечами и прямой спиной.

Тони знал, что спорить бесполезно. Было бессмысленно спорить с Биллом Джексонсом в любое время, особенно когда тот считал, что прав. Как тогда, когда он придумал план с веревками. Они потратили часы на то, чтобы подрезать ствол большой ели, построить платформу, закрепить веревку и потренироваться, а Билл беспрестанно говорил, насвистывал и напевал, как Орвилл Райт*, затягивающий последнюю гайку на своей придумке, появившейся в результате мозгового штурма.

Тони взглянул на свой бесполезный «Скаутер» и вздохнул.

– Ладно, Билл, я беру первую вахту.

– Да... надо выспаться, а завтра можем пойти на охоту. Согласен, – отозвался Билл.

Он вытряхнул влажную бурую траву из своего спальника и заполз в него, не снимая ботинок и всего остального. Билл захрапел, как медведь, еще до того, как Тони добрался до самолета. Открытый дверной проем в кабине служил отличным местом для наблюдения.

Тони остановился.

Движение? Отблески от костра? Он слушал, затаив дыхание и всматривался до рези в глазах, потом крепко зажмурился и, снова открыв, оглянулся на огонь. Он подошел к конструкции барьер-ограда-поленница, чтобы принести побольше дров к огню, и снова остановился.

Отблеск? Или движение, там, возле S-195? Рука Тони крепко схватила винтовку, он посмотрел на Билла, на огонь. Потом подошел к поленнице, все время глядя на самолет. Не отводя глаз, он присел на корточки, прислонил винтовку к куче дров, вслепую потянулся, чтобы положить на сгиб левой руки одно... два, три не слишком больших полена. Прижав их к груди, он снова поднял винтовку с примкнутым штыком, медленно поднялся и нерешительно шагнул к костру. Еще шаг...

И его горло зажала рука. Тони дернулся назад, его голос пресекался, а дрова рассыпались, больно ударив по пальцам ноги. Вин-

* *Орвилл Райт* (Orville Wright, 1871-1948) – младший из братьев Райт, изобретателей первого самолета (*Прим. перев.*)

товку вырвали у него из рук и бросили на землю. Он поднял обе руки к давящей помехе на шее и схватил ее.

Блям!

III

ОН ОЧНУЛСЯ, тряхнул головой, нахмурился и попытался пошевелить руками, пока не понял, что они связаны у него за спиной. Он сидел на куче неприятно пахнущей старой травы, в темноте. Голова пульсировала... Билл! Андроид! Это он, он схватил его сзади и, должно быть, ударил по голове! Сейчас, когда Тони огляделся, морща нос и напрягая глаза, чтобы заставить их побыстрее привыкнуть, он понял, что находится в пещере.

Оно его не убило!

Когда глаза привыкли к темноте пещеры, слабо освещаемой луной, Тони обнаружил *это*, присевшее на корточки у каменной стены, справа от травяной подстилки, на которой он лежал. Оно двинулось в его сторону, встало рядом, успокаивающие жестикულიруя мозолистой рукой и растягивая губы в гротескном подобии улыбки. Взгляд был успокаивающим и вопросительным. Оно медленно наклонилось вперед и подняло руку. Медленно вынуло кляп из рта.

Тони закричал.

Звук громко отразился в пещере. Он снова закричал, когда андроид присел на корточки рядом, молча глядя на него и никак не реагируя на шум. Потом протянул руку – медленно, осторожно, как обращаются с нервными животными, успокаивая их, прикоснулся к горлу Тони, ко рту. Нахмурился и поднес руку к собственному рту, затем к горлу. Его губы зашевелились, словно он вспоминал. Сначала из его горла раздалось булькающее рычание, затем голос. Голос звучал знакомо, но Тони Бейкер не понял, что это его голос.

– Звук не выходит из пещеры, Человек. Мы завернули за угол. Смотри – лунный свет отражается на нас.

Тони перестал кричать.

– Человек. Ты и тот другой Человек – последние в вашем роде. Самые последние. А я... я – последний андроид.

Он уставился на андроида. Тони знал, он и сам это сказал Биллу. Но теперь, когда кто-то – *что-то* – сказала то же самое, это звучало ужасно. Эта мысль захватила его, крутилась в его мозгу, с пронзительным криком носилась по коридорам его разума. Он высунул язык, чтобы смочить губы.

– Мне надо держаться подальше от... другого Человека. Извини, что пришлось причинить тебе боль. Мы должны поговорить. Андроид и Человек не должны уничтожать друг друга. Не должны сражаться. Оба вида ушли – они уничтожены, потому что они не разговаривали, не думали. У нас троих нет причин ненавидеть, убивать.

Андроид смолк в ожидании ответа. Когда Тони ничего не сказал, он продолжил, тем же голосом:

– Другой человек – Билл? – никогда не станет разговаривать. А мы должны. И меня не интересует Билл Джексон.

Оно подслушивало, понял Тони. Оно было там, слушало наши разговоры, это бедное искреннее существо. Тони сочувствовал – нет, сопереживал – ему и его усилиям, его искренности. Он поморщился и моргнул, шевельнул головой, и та сообщила, что не желает, чтобы ею двигали. Не вполне человеческая рука андроида поднялась и коснулась его лба, там, где завивались рыжевато-коричневые волосы. Тони постарался не вздрогнуть.

– У тебя болит голова... Прости. Я не хочу причинять тебе боль или страдания. Я принесла тебя сюда не для того, чтобы мучить.

– Да неужели?

Немного слов, да и прозвучало, как Тони понял, довольно глупо, но, по крайней мере, *он хоть что-то сказал*.

– О, нет! – асимметричная голова качнулась. – Нет! Андроиды не садисты.

– Слушай, я сражался с андроидами семь лет. И слышал совсем другое.

– Пропаганда, – сказал андроид. – Наши лидеры лгали нам. Ваши лидеры лгали вам. Враги не говорят правду друг о друге. Нет, мы не садисты, мы даже не жестоки. Человек и андроид – мы во многом похожи. Но не во всем.

Ох, подумал Тони Бейкер, отвел взгляд и сглотнул.

– Слушай, я же сказал, что сражаюсь семь лет. На войне я был солдатом, потом пилотом. Я убивал андроидов. Я убил много андроидов. Если ты собираешься убить меня, давай, действуй.

Андроид снова покачал головой.

– Я тоже убивала людей. Так тяжело убивать богов. Но не сейчас. Я не убью тебя, хотя могла бы. Помни, я могла убить тебя прямо там, а потом другого... Билла.

Достаточно верно, подумал Тони Бейкер.

– Ладно, как тебя зовут?

– У андроидов нет имен. Я СА-562-0.

Андроид коснулся надписи на кармане зеленой униформы-блужки. Люди выяснили, что бесполезно клеймить андроидов, их фантастический контроль над телом позволял избавляться даже от татуировок.

— Ладно, пусть будет СА. Это не имя, но мы побеспокоимся об этом позже. Может быть, Салли. Ладно, мы на войне. Наши лидеры объявили войну. И ни ты, ни я не были демобилизованы.

Тони нахмурился. Он чувствовал себя глупо, но, казалось необходимым что-то сделать.

— Как представитель правительства Соединенных Штатов и Земли — *единственный* представитель, не считая еще одного — я объявляю перемирие. Нет, я объявляю *мир*.

Ответная улыбка была ужасающей, и он снова пытался не выказывать отвращения к жалкому суррогату женщины.

— Как единственный представитель расы андроидов на Земле, я тоже объявляю мир.

Глаза встретились на мгновение — небесно-голубые человеческие глаза и зеленоватые почти человеческие. Затем андроид протянул руку и развязал его. Тони потер запястья и сел, выгнув спину.

Андроид откинулся назад, наблюдая за ним. Как собака, подумал он. Нет, собаки взглядом выражают обожание. А кошки смотрят. Мы — кошки.

— Знаешь ли ты, Человек, как больно было нам воевать с Людьюми? Мы всегда преклонялись перед людьми. Живые боги, которые создали нас. Мы не могли это забыть.

— И все же вы сумели развязать войну и убивали людей. Стремясь уничтожить нас.

Он подавился словами, опасаясь, что его слова прозвучали как обвинение.

— Не мы начали. Мы боролись, потому что так было нужно. Человек начал бояться нас и попытался ограничить, сделать рабами. Но он дал нам возможность размножаться, подобно ему самому. Верь мне, Человек, пожалуйста, поверь мне — андроиды не хотели уничтожить Человека. Думаю, если бы мы подозревали, что такое может случиться, мы бы не воевали. Мы испугались, осознав, что стали причиной гибели людей.

И существо вздрогнуло. Тони пристально смотрел на него.

— Люди — создатели, — сказала оно тем же тихим голосом, печальным голосом Тони Бейкера.

Внезапно он это осознал.

— Мой голос!

Оно кивнуло.

– Мы не творцы, мы имитаторы. Человек не смог дать нам творческие способности... или не захотел. Ты предпочел бы, чтобы я использовала голос нашего создателя?

– Нет... и называй меня по имени – Тони Бейкер. Ты же женщина, используй женский голос.

Андроид нахмурился, и Тони понял, что тот пытается вспомнить.

– Э-э, фильмы... телевидение... Стелла Стил! Ты знаешь Стеллу Стил?

Андроид посмотрел на него, нахмурился, потом просиял и кивнул.

– Да, – сказал чувственный, почти детский голос Стеллы Стил и Тони едва не задохнулся.

– Господи! Это ее голос.

Он подумал о том, о чем пытался не думать. Женщины. Стелла Стил. Он вспомнил ее сказочную одежду, ее улыбку, ее великолепную фигуру, вспомнил и то, как она выглядела в форме по вечерам, когда появлялась на каждом экране – наследница славы американских кинозвезд Бара и Харлоу, Монро и Лорен, Никель и Винчи. Форма, золотистые волосы, выпадающие из-под фуражки, призывающая всех мужчин мира – ее поклонников – сражаться и биться за своих девушек, жен и матерей – и за Стеллу Стил, девушку их мечты. Тони яростно тряхнул головой, пытаясь стереть этот образ, стараясь не думать о печальном объявлении, сопровождаемом боем барабанов на черном фоне, объявления о том, что Стелла Стил убита в битве при Пало-Альто. Это было хуже, чем смерть президентов; Тони Бейкер и его соратники сражались не за президентов. Он снова покачал головой, сморгнул слезу и грустно сказал:

– Вместе мы могли бы построить прекрасную цивилизацию.

Не успев произнести эти слова, он уже о них пожалел.

– Мы все еще можем это сделать, Тонибейкер, – прозвучал в пещере голос призрака Стеллы Стил.

Молчание. Молчание, прерванное, наконец, не-совсем-человеческим-творением Человека, когда она сложила руки под женской – и все же непривлекательной – грудью.

– Мужчины... и андроиды... мы... мы можем... скрещиваться.

Снова молчание. Тони моргнул.

– Вот почему ты притащила меня сюда.

– Да.

В ее взгляде читались отчаянный призыв и мольба.

– Нет, – он покачал головой. – Нет. Мне жаль... но нет, я не могу.

Андроид с голосом мертвой богини любви откинулся назад, его бугристое тело и внушающее жалость лицо выражали разочарование и печаль.

– Теперь ты последний мужчина. Боже, Человек, разве ты не видишь то, что вижу я? Мы делаем одно из трех. Мы или убиваем друг друга или живем врозь, а потом умираем и оставляем Землю птицам, насекомым и животным. Или мы сочетаемся – чтобы вернуть Человека на Землю.

Ее голос слегка повысился, когда Тони попытался прерывать.

– Возможно, наше потомство будет таким же сильным, таким же умным, как андроид... но с творческим потенциалом человека. По-прежнему Человек – но новый Человек. Человек Совершенный!

– Нет.

– Андроиды, – она, наморщила лоб, подыскивая слова. – Андроиды лишены и другого. Мы не обладаем эстетическим чутьем, которым обладает Человек. Обычно это нас не интересует. Но – из-за этого?

Деформированная рука указала на деформированное тело, деформированную голову и женоподобное лицо.

– Вот это отвращает от мысли о спаривании со мной? Что означает – отвращение только из-за внешнего, из-за поверхности?

– Из-за внешности, – сказал Тони Бейкер, отворачиваясь. Он чувствовал, что так неправильно, ему было ужасно стыдно, но не мог с собой совладать. – Можешь сказать, что из-за поверхности, но это так. Да. Вот почему этого не может случиться.

Теперь его голос был таким же грустным, как и у нее.

– У людей была пословица о красоте, – сказал удивительный голос за его спиной, и Тони вздрогнул. – «Вся красота – только кожи толщина», гласила она. Как и уродство, Тонибейкер.

Он кивнул своей больной головой, стыдясь повернуться лицом к опечаленному существу. Тони слышал шаркающие звуки его шагов. Нерационально, подумал он, неразумно, сказал он себе, да, он сказал себе, но знал, что это не поможет. И снова, не в силах сдержаться, он содрогнулся всем телом.

– Ты не сможешь забыть?

– Забыть? Возможно, будь я слепцом... Нет, даже тогда – нет. Я могу ощущать, прикасаться. Эстетическое чутье, о котором ты упоминала, относится ко всем чувствам человека. Мы можем видеть, и чувствовать, и слышать, и... прямо сейчас я слышу Стеллу Стил. Я знаю, что она мертва, но я слышу Стеллу Стил. Слух доволен. Господи, это изумительно – смотреть на стену и просто слушать

такой голос. Но я еще могу видеть, чувствовать, трогать, я все еще чувствую запах...

– Тогда, если ты не сможешь изменить свое отношение, мы пропали, мы сами и обе наши расы. Но если все поверхностно, Тони-бейкер... если все, как ты говоришь, зависит от ощущений...

Ее тон заставил его повернуться.

– Боже мой! – вырвалось у него, ошеломленного увиденным и Тони, отшатнувшись, больно ударился о каменную стену.

Она улыбнулась, слегка изогнув кончики розовых губ, сморщив небольшой носик, вокруг широких зеленых глаз на гладкой коже появились складочки. Блондинка склонила голову и в воздухе заструились волосы цвета соломы и меда и заходящего солнца. Она подняла руку – изящную, узкую ладонь с гладкой, бессмертной, плотью, к ткани блузки, натянутой на ее груди, к ткани блестящей и гладкой, туго сдавливающей холмики под ней. Она шевельнула ногой и оказалось, что форменные брюки плотно охватывают крутые бедра и икры, словно взятые у девушек Варгаса*.

Она стала Стеллой Стил.

IV

БИЛЛ, МИРНО лежащий на спине у костра, все еще спал, похрапывая. Тони встал рядом с ним, глядя на великолепную спину Стеллы Стил, скрывающуюся за деревьями. Она исчезла, и Тони посмотрел на Билла. Сжимая обеими руками винтовку с примкнутым штыком, Тони наблюдал, как вздымается и опадает накаченная грудь Билла.

Он никогда не поймет, подумал Тони. Я должен либо убить его, либо просто уйти. И, боже, как мне решиться? Этот парень спас мне жизнь!

Дрожащими рывками он отбросил оружие и упал на колени.

– Билл.

– Угум?

Билл проснулся мгновенно и, широко распахнув глаза, закрутил головой в поисках опасности. Наконец он посмотрел на Тони.

– Ты не разбудил меня на дежурство! – обвинил он. – Уже почти рассвет.

Он завозился, выползая из спального мешка.

* *Варгас* – Хоакин Альберто Варгас -и-Чавес (исп. Joaquín Alberto Vargas y Chavez; 1896–1982), американский художник перуанского происхождения, рисовавший полуобнаженных игривых девушек в стиле пинап (*Прим. перев.*)

– Я думал, Билл.

– Ну да, конечно. Думал так, что костер погас, – Билл потянулся всем своим большим телом, пока Тони проверял огонь, который еще теплился. – Думал о чем?

– Билл, остался ты, и остался я... и это все. За исключением андроида.

– Слушаю тебя, Летяга.

В голосе Билла прозвучало предупреждение. Давай потихоньку, означало оно и Тони начал потихоньку.

— Мы оба знаем — мы все трое знаем, что мужчины и андроиды могут дать потомство. И...

— Ага. Полукровка. Маленький монстр, не человек и не андр. А какой процент, Летяга? Они, возможно, будут стерильными гибридами!

— Билл, мы не знаем. Либо человеческая раса умирает вместе с нами, либо мы пытаемся продолжиться — через этого андроида. Предположим, будет ребенок. Или десяток детей. Предположим, что они станут людьми, обладающими силой и скоростью мышления антроидов. Они стали бы лучшими людьми, чем мы с тобой.

— Я же сказал — чушь! И снова спрошу, Тони: кто из нас решится оплодотворить этого бородавчатомордого монстра, а кто из нас решится проткнуть ее штыком? Видишь ли, мне по душе последняя роль.

Проклятье! Билл рассматривал те же возможности, о которых думал Тони, но он предпочел бы убить.

— Билл, разве лучше жить в безлюдном мире и знать, что когда мы умрем, то умрут все? Людей больше нет. Как и антроидов.

— Ты ратуешь за того гоблина, а? Ну уж нет. И будь я проклят, если позволю тебе. Не пытайся пичкать меня бреднями о человеческой расе. Ты просто хочешь бабу — или какую другую тварь. Ту тварь.

Он махнул в сторону леса.

— Это неправда, черт побери! Я...

Билл сбил его с ног одним ударом. Тони посмотрел на него снизу вверх.

— Какого черта!..

Билл Джексон поднял винтовку, перехватил ее левой рукой, а правой рукой потянулся к карману рубашки.

— Вот, смотри.

Он бросил Тони маленький кожаный бумажник.

Тони открыл. Там были две фотографии, два улыбающихся лица — женщина и Билл. Тони снова посмотрел вверх.

— Мама, — сказал Билл тихо и сурово. — Моя мама. Папа умер, когда мне было семь лет, и она сама меня вырастила. Она была сильной женщиной, благослови ее Господь. Сильнее, чем папа. Я любил ее... Я обязан ей всем. Тони, тебе интересно узнать, как она умерла?

Тони похоронил это откровение в глубине своего разума.

– Нет, но, Билл...

– Поймешь ли ты, почему я никогда не примирюсь? Почему я, если смогу, убью последнего проклятого андроида – и убью тебя прежде, чем ты осквернишься?

– Билл, я... Нет! Берегись!

Поздно. Тяжелый камень в изящной руке красавицы с тупым хлюпающим звуком врезался в затылок Билла Джексона. Его глаза удивленно распахнулись, он дернулся и начал падать в сторону Тони. Тело рухнуло на землю и Тони увидел, что кровь и серые мозги вытекают из затылка, как из расколотого арбуза.

– Проклятье!

Тони встал на колени в поисках выпавшей из рук Билла винтовки, слезы слепили глаза. Он схватил винтовку и красавица отпрянула.

– Прости, – сказала она. – Ты сам сказал, что он никогда не сдастся. Зачем тебе было возвращаться?

Она плакала, как плачут женщины.

– Ты же слышал, что он сказал! Он бы убил нас обоих!

– Будьте вы прокляты! Будь ты проклят, Билл, будь ты проклята, Стелла...

Тони глубоко вздохнул и очень тихо сказал:

– Иди сюда, андроид.

Его голос был низким и неприятным. Она покачала головой – и он бросился к ней.

Она ускользнула от него – рефлексy андроида по-прежнему управляли телом кинозвезды, помчалась через поляну. Внезапно Тони остановился; она повернулась и посмотрела на него, на ее щеках блестели слезы.

– Ты передумашь. После того, как похоронишь своего злейшего врага, ты передумашь. И когда это случится, сможешь найти меня.

– Никогда! Убирайся и держись подальше! Если будешь держаться от меня подальше, может, я уговорю себя не искать и не убивать тебя.

Она кивнула, и взметнулись светло-золотые волосы. Слегка улыбнулась.

– Ты передумашь, Тонибейкер.

И она исчезла. Исчезла красавица-андроид, исчез Билл... Остался рыдающий Тони.

V

ОНА ВСТРЕТИЛА его у входа в пещеру три дня спустя. Они молча смотрели друг на друга.

Тони не хотел приходить. Он и сейчас этого не хотел. Но он мужчина. Билл мертв. Он должен жить, и думать, и действовать как мужчина. Медленно она подняла свои женские руки, прекрасные, безоружные руки. Он медленно поднял свои, ладонями вверх и тоже пустые.

– Я пришел, – сказал Тони. – Для нового начала.

Она кивнула.

– Я ждала нового начала.

Она сверкнула улыбкой королевы красоты и Тони сглотнул.

– Как мне тебя называть?

Она пожала плечами, колыхнулись великолепно очерченные груди.

– Тебе нужно имя... СА означает «синтетический андроид»... дурацкая избыточность... может быть, Салли... нет, Синти. Синтетическая Синти.

Она улыбнулась.

– Звучит лучше, чем Синни, – сказала она и рассмеялась прекрасным девичьим смехом, льющим из ее горла как серебристый горный ручеек.

Тони Бейкер поднял руку, чтобы коснуться ее лица.

Она отскочила назад. Он нахмурился, помедлил, затем шагнул вперед, его глаза смотрели вопросительно.

– Я... Я изменилась, помнишь? Я больше не СА-562-Q, но я и не Стелла Стил. Я... Я девушка... словно я только что родилась. Извини. Подожди. Пожалуйста, подожди... сосчитай до десяти. Потом входи.

Она скрылась в пещере. Тони смотрел, как она идет и вздыхал, думая о ней, о себе, о Билле и о том, что значит быть мужчиной. Быть Человеком.

Он, для гарантии, досчитал до двадцати, вошел в пещеру и повернул за угол в ту маленькую каменную комнату, где она перестала – внешне – быть тварью. Он споткнулся. Ухватился одной рукой за холодный камень и посмотрел вниз. Он споткнулся об ее одежду. Он остановился, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Она стояла на коленях на той же травяной постилке – нет, теперь здесь была свежая трава, не гнилая и бурая – там, где он лежал связанным три ночи назад. Ее волосы струились по обнаженным плечам. Она была изящна и прекрасна. Она подняла руки, и он подошел к ней, опустил на колени и обнял теплую мягкую талию.

Он откинулся и вытащил штык из ботинка и очень ловко воткнул его ей между лопаток.

В его ушах звучал крик, переходящий в бульканье, когда она бросилась на него, выгнув спину, пытаясь избавиться от жгучей стали, уносящей ее жизнь. Ее руки обвились вокруг него, она хваталась за него, хваталась и тянулись к его горлу... потом она вздрогнула и упала, притягивая его к себе. Он почувствовал, как сломалась его рука, и почувствовал, как нечеловеческие пальцы начинают сжиматься.

Он вскрикнул. Один раз.

ЩЕЛК

#Они... они наслаждаются кровопролитием, убийством! Молодой человек собирался убить другого, старший бы убил его; молодой хотел его смерти и желал ее, но убил ее. Безумие, безумие!

#Цыц! Ты понимаешь, о ком вещаешь? Они – дикари, варвары, дети. Они во главу угла ставят свои процессы размножения и уничтожения и вырабатывают кодексы чести и справедливости. Они примитивы. Теперь прекрати вещание, я делаю изменения, попробуем еще раз... мы допустили ошибки, не отрицаю. Мы не приняли во внимание их примитивные представления о внешности. Глупая ошибка.#

Кнопки, реле, рычаги; циферблат.

#Вот. Теперь андроид сохранит форму, которой только что обладала; и она будет воспринимать человеческие побуждения. И еще: тщательно разработанный запрет на убийство Человека.#

#Лучшие бы нам изменить их мозги.#

#Святотатство! Ты знаешь/не буду сообщать о тебе, но тебе следует научиться контролировать свое вещание и даже твои мысли. Да, признаю, что это было бы эффективнее и облегчило бы работу. Ты заметила, как думает крупный мужчина? Он раз подумал и уверился, что прав. Он неизменен. Как только он что-то решил, у него появляется упрямство, присущее низшим животным, шоры из смеси предрассудков и неправильных мыслей. Но вмешательство в Людей невозможно, как и в их воспоминания; когда ВремяПространство сдвигается, они забывают. Потому что то, что случилось до сдвига – не случилось. Хотя остаются паразитные нити памяти. Это так же неизбежно, как определенные изменения; можно заметить, что их лагерь был немного другим. То, что мы делаем, опасно. Если ткань разрывается...#

#Она цела? Мы попробуем снова?#

#Мы пробуем/пробовали/попробуем снова. Но утечка энергии при восстановлении огромна, и происходят сдвиги... так! На этот

*раз только небольшое изменение... более длительные опасны. Ткань
ВремяПространства может так сильно порваться, что мы не
сможем ее восстановить. #*

#И если это произойдет...#

*#Мы это уже обсуждаем (обсуждали). И не беспокойся о том,
что они называют нас по имени, это ничего не значит. Они не
знают. Вот!#*

ЩЕЛК

VI

– **ПОЙМЕШЬ ЛИ ТЫ**, почему я никогда не примирюсь? Почему я, если смогу, убью последнего проклятого андроида – и убью тебя прежде, чем ты осквернишься?

– Билл, я... не возражаешь, если я встану?

Он пожал плечами, и Тони встал.

– Билл, я тебя понимаю, но мы два разных человека. Мы думаем по-разному.

Тони прошел через поляну, затем повернулся и поднял руку.

– Думаю, я сейчас уйду, Билл.

– Ты – *что*? Ты с ума сошел?

Тони Бейкер пожал плечами.

– Хотел бы я знать. Оставайся и занимайся самоедством, Билл. А я собираюсь помириться с тем андроидом. Если получится.

Тони решил больше ничего не говорить о ней, о том, какой она стала.

Билл наклонил винтовку.

– Я не отпущу тебя, Летяга.

– Собираешься убить меня?

Билл колебался.

– Тебе придется, Билл. И в чем выгода? Ты будешь один... и чего ты добьешься?

– Я спасу тебя.

– Билл, не думаю, что ты так уж хочешь спасти меня. Во всяком случае, не от чего-то этакого. У тебя просто слепое пятно, как у некоторых людей в прошлом веке, там, на Юге.

– Вздор! Ты мужчина, мой друг! Я просто не могу позволить тебе...

– Позвольте мне что? Попытаться сделать что-то разумное?

Билл Джексон прищурился и слегка повернул голову, глядя на Тони краем глаза.

– Ты видел ее, верно? Пока я спал. Вот почему ты не разбудил меня на дежурство. Тебя здесь не было.

Тони молча кивнул.

– Тони, я этого не допущу!

– Ты не сможешь меня остановить, Билл. Бывай, Билл.

И тогда здоровяк, нацелив штык, прыжками помчался через поляну. Тони нырнул в сторону и подставил Биллу подножку. Тони первым вскочил на ноги и прижал ногой ствол винтовки. Какое-то время оба были неподвижны, упавший мужчина смотрел на стоящего.

– Ты неплохой парень, Билл, – сказал Тони. – Но...

– Я убью тебя, – перебил его Билл Джексон, очень тихо, не пытаясь подняться.

Он не был глупцом, гибкость и скорость молодого человека компенсировали большую силу Билла, и он это понимал.

Тони Бейкер покачал головой.

– Ты справишься с этим.

Потом, когда Билл шевельнулся, красивая блондинка, которая на самом деле была андроидом, быстро оплела виноградной лозой его ноги. Они оставили рядом с ним штык, воткнутый в землю, как сигнальный флажок, зная, что Билл может добраться до него, чтобы освободиться.

– Конечно, она прекрасно выглядит, Тони! Конечно, она прекрасна! – крикнул Билл и в его голосе почти звучали рыдания. – Но она все еще не *она*; она – это *оно*, андроид! Она обманывает тебя! Она хуже, чем женщина!

Потом, когда они ушли, его голос понизился и он очень тихо сказал:

– Я тебя достану. Я достану вас обоих.

И он сделал это три дня спустя, поймав их в ловушку, которую устроил неподалеку от пещеры.

ЩЕЛК

#Нет ли способа отменить ненависть этого больного Человека к андроидам?#

#Нет. И это далеко не единственная проблема. Молодой человек понял это или, по крайней мере, начал понимать. Разве ты не помнишь о подавленной сексуальности этих Людей? Билл Джексон ненавидит/ненавидел/будет ненавидеть андроидов, да; но он также не может допустить, чтобы Тони оставил его. Но сейчас нет возможности изменить его. Достаточно невероятно и то,

что мы сознательно влияем (влияли) на Людей. Такое воздействие необратимо и непростительно еретично. #

#Но ткань натянута так, что стала опасно тонкой. Разве нет способа? #

#Я верю, что такой найдется. Способ, который не слишком опасен для ткани или не расходует слишком много энергии. Мы сейчас находимся/были/будем в опасной точке. Некоторые вещи могут измениться. Возможно, там могут возникнуть некоторые... перекрытия. Не память. Но приобретенные знания. Мы должны помнить о тонком ментальном балансе этих примитивов. Но... #

Циферблаты, реле и кнопки, а также рычаг и последняя кнопка.

ЩЕЛК

VII

ТОНИ СНОВА взял винтовку, медленно поднялся, осторожно шагнул обратно к костру... резко повернулся, услышав звук позади него. И мышцы его челюсти расслабились, рот раскрылся, а мускулы руки обмякли.

Он увидел лицо – рядом с самолетом, хорошо различимое в бледном лунном свете. Прекрасное девичье лицо, обрамленное массой светлых волос. Она улыбнулась, потом снова улыбнулась и молча поманила его. Он оглянулся на Билла: храпит. Держа винтовку с уродливым стальным носом наготове, Тони подошел к ней. Она, должно быть, андроид. Но перед ним была девушка. Красивая девушка! Если оно... она?... могла ли она...

Она сняла его сомнения с помощью простого вопроса:

– Теперь я тебе нравлюсь, Человек?

Он спросил через шесть футов разделяющего их пространства:

– Теперь? Ты андроид?

Она кивнула и взметнулись светло-золотые волосы.

– Нам не надо сражаться. Ты последний Человек. Я последняя... женского пола. Когда мы умрем, ничего не останется. Нет Людей... нет Андроидов. Ты хочешь этого?

Чудовищная правда обрушилась на него. Не в первый раз, нет, но полное осознание – да, впервые. Насколько ему было известно, она... оно? Она была права. Других не осталось. Остался Билл Джексон, остался Тони Бейкер и остался андроид... которая к тому же оказалась красивой и чрезвычайно желанной девушкой. Он никогда не видел таких андров, трудно поверить, что она одна из них. Где же ужасные различия, из-за которых умерли миллиарды?

Он спросил хриплым шепотом.

— Как... как тебя зовут?

— Синти, — сказала она на этот раз, вспомнив то, чего он не мог помнить.

Имя зацепилось за его мысли, отправляя вопрошающие нити в его банки памяти — почему оно показалось знакомым?

Она осторожно шагнула к Тони.

— Ты можешь приставить острие штыка... — еще один шаг, — точно сюда, — сказала она, и, подняв палец, коснулась изумительной груди. — Я умру, не сопротивляясь, — еще шаг. — Или ты можешь уйти со мной, подальше от него, — и она снова шагнула.

Теперь она стояла, ожидая, в паре футов от него, руки прижаты к бокам, ее легко можно было достать полосой стали, прикрепленной к концу винтовки. Он поднял штык, глядя на смертоносный отблеск, глядя, как соблазнительно поднимается и опускается ее грудь.

Он поставил приклад винтовки на тропинку. Потом, когда девушка повернулась и пошла, не оглядываясь, последовал за ней.

Тони Бейкер изучающе разглядывает спящую рядом с ним девушку, волосы которой расплескались на траве — вот что увидело солнце. Тони пожевал губу.

Он смотрел на нее, в смятении от осознания, кто она, кто она на самом деле, но в смятение его приводило не столько это, сколько осознание того, что ему, мужчине, требуется женщина. Эта потребность, однажды удовлетворенная, возникнет снова — сегодня, днем, вечером, завтра, будет, формируя зависимость, усиливаться. Андрониды, сказала она, умеют переплавлять свою податливую плоть. Их лица и даже тела не обладали постоянными чертами. Созданные из человеческой плазмы, они были своего рода мутантами, чуть ближе к Человеку, чем к Кроманьонцу — крепче, адаптивнее, чем их создатели и, подобно им, изобретательны.

Его доблестная попытка спрятаться за ученой беспристрастностью и крошки из умных фраз не сработала. Он смотрел на спящую красавицу, прекрасную и стройную девушку. Ее единственный недостаток заключался в том, что она, возможно, была слишком совершенна. Даже сейчас, когда она, расслабленная, мирно спала на спине, фантастические мускулы андроида поддерживали ее грудь почти в вертикальном положении. И, он знал, они останутся такими же упругими еще долгие годы. Странно... ее бесчеловечность проявилась именно в ее чрезмерном совершенстве. Ирония от него не ускользнула.

Что они будут делать? Будут ли они просто уходить, оставляя Билла, оставляя это место, забывая или притворяясь, что забыли? Будут ли они, смогут ли они жить в идиллии и растить детей? Он не знал. И если она зачала, если это возможно, какую форму примет их ребенок? Возьмет ли он лучшее от человека и андроида? Или худшее? Может быть, от человека он унаследует инстинкт убийцы, а не творца? Будет он Человеком, Андроидом или Челандром? Тони не знал. Будет ли это концом творения?

Но, с другой стороны, все равно наступил конец всему. Тони привстал на колени, продолжая изучать ее и к нему пришла еще одна мысль.

Может ли человек доверять андроиду?

И очевидное следствие, тоже не имеющее ответа: может ли Андронид доверять Человеку?

Оба страшно рисковали. Она, как и я, должна понимать это, подумал он. У каждого из нас была возможность убить другого. Может это измениться? Он встал и нахмурился.

Она проснулась. Ее глаза распахнулись, голова повернулась, и широко раскрытые глаза заглянули в него. Она улыбнулась и протянула мягкую ладонь, женскую ладонь. Тони наклонился, взял ладонь и помог ей подняться. Он притянул ее к себе и, удерживая руку, смотрел на нее, смотрел на лицо, смотрел, стараясь заглянуть еще глубже. Потом шагнул назад, отступая на расстояние вытянутой руки. Она поняла (предвидение? женская интуиция, унаследованная почти женщиной?) и отодвинулась. Она встретила его взгляд, молча, не двигаясь, не прерывая его размышлений.

Темное пятно появилось на ее обнаженной левой груди в тот же миг, когда громкий трескучий звук ударил по его барабанным перепонкам. Ее отбросило назад, она рухнула и из внезапно появившейся черной дыры начала пузыриться кровь.

— Пря... прямо в сердце, — сказала она тихим, напряженным голосом. — Поразительная меткость или поразительная удача. Мужская удача. Я... — я не смогу жить. Извини... очень жаль. Я хотела любить тебя... у нас могли бы быть...

Ее губы замерли, глаза перестали видеть.

Он повернулся, чтобы увидеть, как Билл Джексон бежит к нему из леса с винтовкой в руках, готовый сделать еще один выстрел. Он взобрался на травянистый холм, на этот холм прошлой ночью Тони и Синти поднимались, взявшись за руки.

— Черт, по краешку прошел, Летяга! Тебе повезло, что я нашел тебя... И что сохранил в кармане эти три патрона. Сам я не смог

бы поспеть сюда вовремя. Господи, до тебя ей оставалось меньше менее десяти футов!

Он подошел к Тони и глубоко вздохнул.

– Послушай, когда в следующий раз решишь прогуляться рано утром, не взяв меня с собой – *не делай этого!*

Он усмехнулся усмешкой героя-спасителя, посмотрел на тело девушки, лежащее на спине, подогнув одно колено.

– Уф! Есть сигарета? Мне точно одна бы не помешала.

– Нет, Билл. Кончились, мы выкурили последнюю.

– Значит, оно изменило свою форму, а? Попыталось обмануть тебя. Но сила андроида у него оставалась. – Билл покачал головой. – Ты в этом убедился бы, мальчик! С таким обжиматься – все равно, что обниматься с удавом! – Билл снова покачал головой. – Да уж, они могут меняться... какая-то женщина, а? Жаль, что мы не смогли найти *настоящую* женщину, такую, как этот... как этот мерзкий притворщик-андроид!

Внезапно он шагнул вперед и, сделав выпад, вонзил острое штыка в мягкий живот и пропахал в нем окрасившийся красным канал.

Тони смотрел на широкую напряженную спину, слушал проклятия второго человека. Так что, Билл? Хочешь, чтобы мы нашли девушку, настоящую девушку? А андроид... Расправлялся бы ты с ней с такой же злой радостью, будь она в прежнем облике, будь она уродливой и покрытой бородавками? А, Билл, старый приятель? Тони вздрогнул, осознал, что его глаза полны слезами и поднял руку, чтобы их стряхнуть.

ЩЕЛК

#Снова. Они сделали это снова! На этот раз так близко, так близко! Молодой преодолел себя; он, похоже, как-то сохраняет частичное знание от одного прыжка к другому... Насколько мы знаем, он мог оплодотворить ее.

#Да, снова. Действительно, так близко: мы есть/были/будем, ему почти удалось. На этот раз...#

Кнопки. Циферблат. Рычаги. Еще одна кнопка.

#На этот раз она будет помнить все, в том числе ее смерть... ее смерти. И она попробует совершенно новый подход с более оригинальным лицом; точно копировать лица Стеллы Стил опасно...#

ЩЕЛК

VIII

— Я сохраняю это имя, — подумала Синти. — Синти... синтетическая Синти. Он дал его мне. Он не хотел меня убивать. Он бы этого не сделал. Это сделал другой Человек... всегда другой Человек.

На этот раз андроид отреагировал без удивления на новую ситуацию: было очевидно, что каждый раз, когда кого-то убивали, вещи... изменялись. Изменялись достаточно, чтобы снова все оказалось в порядке, чтобы появился еще один шанс. Она задумалась, сколько же шансов было, сколько раз ей пришлось познать ужасную боль смерти. Но ей нужен этот новый шанс. Ей нужно добиться успеха. У нее лишь одна цель, одно назначение, одна миссия: Человечество. Она сидела, по-девичьи обхватив руками колени, размышляя, пользуясь высоким интеллектом, который дал ей Человек.

Следует ли ей найти способ убить другого человека, тайно, чтобы другой... Тонибейкер... не узнал, представить несчастным случаем? Или попытаться снова сбежать от него? Но ускользнуть не удавалось дважды. Он бросался в драку прежде, чем выслушать, в его слабым возбужденном разуме все перепуталось так, что она могла это *чувствовать*. И это причиняло боль. Не было ли возможности примириться с ним? Она понимала, что нужен еще один мужчина, мужчина его типа. Или специфическая женщина. Но другой... Тони... она катала имя на языке, смакуя его вкус, как знаток смакует хороший бренди.

Тони сомневался, мучая себя размышлениями, пытаясь прийти к решению, пытаясь избавиться от всего, что узнал, как до, так и во время страшной войны между ее и его расами. Он действительно не хотел убивать. На него меньше влияли предрассудки, он обладал большей проницательностью, большей эмпатией. И он нуждался в ее теле. Ее розовые губы тронула улыбка, когда она вспомнила и подумала, что, если она действительно женщина-Человек, то должна покрыться гусиной кожей.

При этой мысли по ее рукам и ногам побежали мурашки.

Она улыбнулась тысячам крошечных холмиков. Все, что вы можете сделать, мы можем сделать лучше, подумала она, лучше и *осознанно*.

Она сама не знала, что она думает о спаривании с Человеком. Но если она сможет зачать его, Человека или Челандра, это не имеет значения. Если это случится, а она сейчас, после долго взращиваемых в войне недоверия и ненависти, не вполне была в этом уверена, то она смогла бы забрать ребенка и вырастить его сама. Но как...

Прямая атака! При дневном свете. Новый день, новое тело – да! Синти со вкусом потянулась и откинулась назад. Да. Завтра.

Последние в мире два человека сидели близ струйки воды, недостаточно широкой, чтобы ее можно было назвать ручьем. На другом берегу – поляна в орегонском* лесу, а за поляной лежали смятые обломки небольшого самолета, исковерканный корпус из синего и сверкающего серебра. Последние два человека в мире обсуждали будущее, ближайшее будущее. Не было долгосрочного будущего. Они построили навес, и теперь решили построить хижину в восточной части лагеря, который стал им домом. Они курили, аккуратно передавая сигарету друг другу. В пачке Тони, который стала общим достоянием, оставалось только девять.

– Скажу тебе еще кое-что, – говорил более крупный мужчина. – На всякий случай, если мы не последние – на случай, если выжил какой-нибудь андр – давай наберем достаточно травы, чтобы набить наши спальные мешки. И тогда один из нас может спать, а другой... Тони! – Билл Джексон, распахнув глаза, показывал на другую сторону поляны. – Смотри!

Тони Бейкер посмотрел. Потом встал, пружинно-гибкий, рядом с пышущим огромной силой Биллом Джексоном. Из-за дерева рядом с обломками S-195 вышла девушка, стройная блондинка с крутыми бедрами и упругой грудью, скрывающимися под блузкой и шортами, сделанными из какой-то униформы.

– Она... она немного похожа на Стеллу Стил, – сказал Тони.

– Та голливудская распутница! – Билл поднял руку к плечу Тони.

– Постой, Летяга – она может не быть тем, на что похожа.

На вопросительный взгляд Тони старший мужчина сказал:

– Андроиды, Тони. Они могут изменять свою внешность. Вспомни их уловки во время войны. Нам лучше быть поосторожнее, надо найти способ убедиться, что она не одна из них.

Тони кивнул, непроизвольно почувствовав отвращение, вызванное словом «Андроид». Но отвращение компенсировалось увиденным – восхитительная, покачивающаяся походка женщины, восхитительно колышущиеся женские достоинства. Женщина... сколько времени прошло с тех пор, как он видел женщину? Смешно... или видел? Он чувствовал... ускользающее воспоминание...

Он смотрел, как она подходит, почти не слушая Билла:

– Надо схватить ее, обезопасить и как-то проверить.

* Орегон – штат на северо-западе США, один из так называемых Тихоокеанских штатов (*Прим. перев.*)

– Угу.

Тони не сводил глаз с приближающейся девушки.

– Захватить ее, похоже, не проблема, Билл. Она идет прямо к нам. Господи, она тоже улыбается. Посмотри! Не похоже, что она боится нас!

– Да уж. Тебе не кажется, что это не слишком нормально? Я имею в виду, будь она девушкой, *настоящей* девушкой, она либо заметно опасалась бы двоих мужчин, либо бы наоборот, мчалась бы к нам со всех ног. А это выглядит просто беззаботной. Как андр, пытающийся нас обмануть.

Тони улыбнулся.

– Ну, с чего ты взял, что она не может быть беззаботной. Дружище, ты только посмотри на нее!

Она смотрели, а Тони задумался, *не хочет ли* Билл, чтобы девушка оказалась андром... Почему? Билла он знал недолго. Здоровяк чудом подросел вовремя, чтобы вытащить его из самолета, кормить, ухаживать, пока он бредил из-за тяжелой травмы головы. Тони знал, что у здоровяка достаточно чуткости. Но еще и то, что он одержим патологической ненавистью к андроидам.

Они смотрели на девушку.

Она остановилась в нескольких футах от берега ручейка, внезапно заколебавшись, потому что они не двигались и не заговаривали с ней. Она перевела взгляд с Тони на Билла и обратно, с улыбкой маленькой девочки на лице маленькой девочки. Но ее тело определенно не было телом маленькой девочки. Ее улыбка оказалась обворожительной, ослепительной и открытой. Она нерешительно подняла руку в знак приветствия. В ответ Тони медленно поднял руку, столь же нерешительно.

– Осторожно, паренек, осторожно, – тихо сказал Билл.

– Билл, она даже *не вооружена*, – сказал Тони, но его голос прозвучал неубедительно даже для него самого.

– Попробуй докажи, – сказал Билл Джексон. – Разве можно быть уверенным в чем-то, если речь идет об андроидах?

– *Если* речь об андрах.

Билл не ответил прямо.

– Поговори с ней, – сказал он. – Просто поговори с ней. Остальное предоставь мне.

– Но...

– Черт возьми, *поговори* с ней, Тони!

Тони заколебался, затем повысил голос.

– Привет. Мы... мы думали, что мы последние люди на Земле. Вы... вас много?

Вот в *таких* случаях и говорят «ляпнул глупость», сказал он себе.
– Нет. Нет. Больше никого. Я думала, я последняя. Слава богу, оказалось, что нет.

Снова Тони ослепила ее улыбка. Неловко, по-мальчишески застенчиво, он представил себя и Билла.

– Я тоже из Орегона, – сказала она. Она говорила тихо и неуверенно. – У вас... у вас найдется попить что-нибудь горячее?

– Друг за другом, – сказал Билл Тони и слегка подтолкнул его к берегу.

Тони спустился по склону и перепрыгнул через ручеек, а позади него стоял Билл, притворявшийся слабым и рассеянным. Но винтовка в его руках была наготове. Тони знал, что для здоровяка с грудью-бочонком и животом-арбузом Билл мог двигаться очень быстро. Тони поднялся на другой берег и остановился, когда она отступила на пару шагов. Он услышал шаги Билла, когда мужчина перепрыгнул через бегущую воду и поднялся к нему.

– Да, – сказал ей Билл. – У нас есть немного желудевого кофе – если ты не боишься выловить случайного червяка.

Он улыбнулся своей широкой улыбкой, подошел к ней и двинулся дальше, подхватив левой рукой девушку под локоть, чтобы вести рядом с собой. Тони сделал три длинных шага и пошел с другой стороны, жалея, что не додумался взять ее под руку. Черт, сейчас уже неудобно. Краем глаза он отмечал то, что не пропустил бы ни один мужчина. Девушка с впечатляющей грудью была одета в мужского типа зеленую форменную рубашку со светлым кружком на плече, где когда-то был шеврон. Один накладной карман с клапаном потерял свою пуговицу. На одной ноге ее шорты, там, где ткань была изношена, обзавелись бахромой. Он сглотнул. Вблизи она оказалась еще более сногшибательной. Она была молодой – возможно, его ровесница, а может, ей лет двадцать или даже меньше, – с очень светлой, очень чистой и гладкой кожей и каким-то забавным носиком. Он был таким маленьким, что выглядел незаконченным и симпатичным, а ниже чуть выпяченная нижняя губа, которая казалась одновременно и детской и чувственной.

Билл снял штык с винтовки и осторожно засунул его в ботинок. Винтовку он передал Тони. Затем, не поворачиваясь спиной к девушке, разжег огонь и повесил котелок на деревянные рогульки, которые они соорудили позавчера.

– Нам просто интересно, как ты здесь оказалась, и кто ты такая, – сказал он тем же обычным тоном, каким говорил о погоде.

Тони понимал, что это несерьезное поведение было наигранным и напомнил себе, что, как бы здорово она ни выглядела со своими

длинными солнечными волосами, Билл был прав – она *может* оказаться андром. И... и что, если и окажется? Эта мысль заставила его нахмуриться.

– Вам интересно?

Ее голос копировал беззаботность, звучавшую в голосе Билла.

Тони не сумел сдержать улыбку. Он протрезвел, когда Билл оторвался от огня и прямо взглянул на нее.

– Да. И мы хотим убедиться, что ты не андроид.

IX

ШИРОКО РАСКРЫТЫЕ женские глаза вернули Биллу взгляд, ее губы дрогнули, но не улыбнулись, словно эта мысль оказалась слишком глупой, чтобы быть смешной.

– Вы думаете, что я – андроид?

Билл внезапно заколебался и Тони не смог сдержать внутреннюю улыбку. Он ничего не сказал, когда Билл кивнул.

– Ты можешь им быть.

Она подняла брови, вздохнула и кивнула головой.

– Вот *это* никак нельзя назвать комплиментом, мистер Билл Джексон! – выглядело так, как будто она вот-вот рассмеется. – Я всегда считала, что похожа на девушку.

Как зритель на теннисном матче, Тони посмотрел на Билла в ожидании его ответа, а затем на девушку, когда она опять заговорила.

– Могу я сесть?

Она смотрела на два тщательно ошкуренных бревна, которые они сегодня разместили у кострища.

– Конечно, – сказал Билл, – но сначала скажи нам свое имя...

Нахмурившись, он замолчал, явно пребывая в замешательстве, когда она опустила свою шикарную попку на одно из бревен. Она улыбнулась ему и подняла круглое плечо, что оказало интересное влияние на содержимое ее рубашки.

– Синти.

– Синтия? Синтия... а дальше?

– *Синти*, – повторила она и произнесла по буквам. – Это все, что я помню. И боюсь, не смогу рассказать, как сюда попала.

Тони ожил.

– Амнезия, Билл? Война... Несомненно, у андроида была бы история получше этой.

– Не похоже, что у нее имеется такой опыт, – сказал Билл. – Что касается твоих соображений: *ты* подумал об этом. Андроид достаточно умен, чтобы *знать*, что ты так подумашь и может приду-

мать такую невероятную историю, что мы купимся, потому что она слишком невероятна. Как ты только что и сделал.

Каким логичным может быть человек, когда он хочет во что-то поверить, подумал Тони Бейкер. Но опять Билл оказался прав. Тони не мог решить, был ли здоровяк умнее его, или он сам поглупел, или влюбился, или что-то еще... или Билл просто хотел, чтобы она оказалась андроидом.

— Красивое имя, — сказал Тони и получил награду, о которой мечтал — яркую вспышку улыбки.

— Хм, — сказал Билл, — звучит как имя актриски.

Он посмотрел на нее, когда она повернула большие зеленые глаза и улыбнулась ему.

— Ты актриска?

Билл присел и вытащил штык из ботинка. Теперь он сидел на корточках, лениво поигрывая штыком.

— *Билл!*

Тони старался не покраснеть, хотя понимал, что уже поздно, его лицо горело.

Но девушка осталась невозмутимой.

— Полагаю, это комплимент, — сказала она и нахмурилась, сморщив гладкий лоб. — Но, честно говоря, не знаю. Возможно, я... не знаю.

Вдруг ее лицо прояснилось.

— *Придумала!* Чтобы узнать, я могу попытаться станцевать или спеть... или устроить стриптиз!

Ее лицо сияло. Тони смотрел, думая о стриптизе и стараясь не разглядывать четыре пуговицы на ее блузке.

— Не-а, — быстро сказал Билл. — Забудь. Это ничего не докажет.

А Тони подумал: черт побери! Пусть она споет или станцует или... Он снова сглотнул.

— Тони, — сказал Билл, все еще глядя на девушку. — Андроидам плевать, голые они или нет. Сделай она все, о чем говорила, это ничего не докажет.

— Ладно, она просто дурачилась, — сказал Тони и подумал, а так ли это. — Смотри — будь она одной из них, разве она бы пришла сюда вот так? Андрям не нужно идти на такие ухищрения. Будь она одна, она могла бы просто дождаться вечера и убить нас.

— Может, так она и собирается сделать, — сказал Билл. — Синти, расскажи о первом, что ты помнишь.

Она подумала, поджала губы.

— Дым. Я почувствовала запах дыма. Я пошла на запах — и пришла сюда.

Она кивнула на костер и стала ждать следующий вопрос.

– Это все? Черт, ты не помнишь вчерашний день? Или сегодняшнее утро?

Она покачала облаком светлых волос.

Тони впервые подумал еще кое о чем.

– Билл, откуда ты узнал, что я не один из них? Ты не прогнал меня через сеанс вопросов-и-ответов.

Билл посмотрел на него со снисходительной хитрой улыбкой.

– Узнал. Я проверил тебя. Ты был без сознания, помнишь? У тебя все еще шишка на голове. И царапина на груди.

Тони кивнул.

– И что? Что ты имеешь в виду – проверил меня?

– Хорошо, Летяга, я скажу, – Билл смотрел ему прямо в глаза.

– Шишка от аварии. А причина царапины на груди – вот от этого.

Он поднял кусок закаленной стали длиной больше фута и потряс ею.

– Ты порезал меня? Пока я был в отключке? Зачем?

– Тони, андроиды могут контролировать процессы в своих телах так же, как могут заставить себя выглядеть так, как хотят. Если бы ты был андром, то исцелился бы сразу, без струпьев и шрамов. Ты сейчас носишь доказательство своей человечности прямо на себе. Я видел шрам сегодня утром.

Билл обернулся и пристально посмотрел на девушку. Внезапно Тони пожалел о своем вопросе. Повисла долгая тишина.

Тишину нарушила Синти.

– Тони, кипит. Можно мне кружку?

Улыбка вспыхнула и исчезла, когда она повернулась к Биллу.

– Билл. Не могли бы вы накалить этот штык? Я не хочу заразиться.

– Синти! – Тони резко обернулся, и темная грязь суррогатного кофе плеснула в огонь. – Билл! Нет!

Билл не шевельнулся. Он продолжал хмуриться.

– Андроид никогда бы не предложил такого. Только человек захотел бы получить рану... чтобы доказать. Но андр может оказаться достаточно умен, чтобы думать именно так... Будем считать, что принимаем твою готовность как достаточное доказательство...

Хмурость ушла из его взгляда, когда он улыбнулся. Он поднялся.

– О'кей, мисси. Я накалю штык.

Билл повернулся, взял винтовку и примкнул штык. Потом, осторожно придерживая винтовку за ложе, засунул пару дюймов лезвия в огонь.

Тони уставился на него. Он был поражен тем, как работал разум Билла. Здоровяк не был глупым. Из него вышел бы хороший ге-

нерал – или шахматист. Тони практически слышал, как крутятся колесики, когда думает Билл – мысль, потом догадка, потом новое предположение, потом... Он повернул голову, когда сидящая рядом девушка заговорила.

– Можно, Тони? Мне нужно подкрепиться.

Ее пальцы коснулись его руки, когда она взяла дымящуюся кружку желудевого отвара. Рука была прохладной и нежной. Он подумал, неужели она на самом деле такая спокойная или ей раз в десять раз страшнее, чем она показывает. Она коротко улыбнулась ему над краем кружки, когда подняла ее и наклонила голову, чтобы сдуть облачко пара. Девушка смотрела, как оно поднимается, завихряется и рассеивается. Затем встала у костра напротив Билла, наблюдая, как он поворачивает штык.

Билл Джексон посмотрел на нее.

– Послушай, Синти, ничего личного, понимаешь? Просто мы должны быть уверены. А может быть, ты даже сама не знаешь. Может быть, ты загипнотизирована, чтобы заставить тебя верить, что ты не андроид. До момента, пока что-то не заставит тебя вспомнить и напасть на нас. Вроде лунатика. Понимаешь?

Она молча кивнула, поднимая кружку, чтобы глотнуть и неотрывно глядя на розовый клинок. Цвета ее губ, подумал Тони и увидел, что лезвие краснеет.

Он пытался что-нибудь придумать, что-нибудь сказать, найти способ остановить испытание. Но ничего придумать не мог. С ней все в порядке. С ней должно быть все в порядке. Он видел, как штык становится вишнево-красным. Они не разговаривали, все трое пристально смотрели на полосу острой стали, пока цвет полз по спектру, от красного до оранжево-желтого, а затем и желтого. Билл пристально смотрел на штык, поворачивая его в огне с той же аккуратностью, которую проявил бы, готовясь использовать в качестве вертела для тушки молодого кролика.

Клинок побелел. Билл вынул его из огня, глядя на него, словно замороженный. Он поднял глаза на девушку.

– Теперь все местные микробы отправились на встречу с их почтенными предками, – сказал он и Тони подумал: «Этот ублюдок еще и шутить пытается».

Он тут же почувствовал смущение и легкий стыд. Это испытание нужно не только Биллу.

Или только ему?

Девушка кивнула и обошла костер, чтобы снова усесться на бревно, интригуяюще покачиваясь. Хотел бы Тони встать позади...

Он сердито отбросил эту мысль и попытался решить, хочет он смотреть или нет. Он смотрел.

Зачарованно он смотрел, как Билл встает и подходит к Синти, опускается на корточки. Подносит к ней штык. Раскаленное добела лезвие было менее чем в футе и девушка глядела на него, не моргая. Тони ждал, забыв дышать.

Она откинула голову назад и, содрогнувшись, проглотила остатки жалкого подобия кофе. Потом поставила кружку и, игнорируя штык, посмотрела прямо в глаза Биллу.

— Вам не приходило в голову, что, раз уж андроид может сознательно контролировать свое тело, то он — я — может решить сразу не залечивать рану? Разумеется, контроль работает в обе стороны.

— Эй, Билл, это правда! — громко сказал Тони. — Это ничего не доказывает.

Билл покачал головой.

— Ты снова удивила меня, мисси. Ты убедила меня. Но сейчас пытаешься откатить назад. Да, то, что ты сказала, возможно. Но, возможно и не сработает, если андр не знает, что он андр. Если ты была загипнотизирована, как я уже сказал.

Она посмотрела на клинок, подняла брови и сморщила носик.

— Имеет смысл, — тихо сказала она. — Но мне интересно, зачем, если бы осталось больше одного андроида, им понадобилось бы вас убивать. Они более чем подходят для вас. Даже одна подошла бы.

Она изящно лизнула пальчик и протянула его к штыку. Столь же изящно притронулась к острию. Раздалось шипение, и девушка отдернула руку. Она снова посмотрела на Билла.

— Есть еще кое-что. Считается, что андроиды и люди никогда не спаривались, потому что андроиды обладают способностью контролировать свое тело, способностью о которой вы упомянули. Ни одна мать-андроид не захотела бы принести в мир получеловека, обрекая его на страдания.

— Леди, вы говорите как одна из них, — голос Билла был низким и зловещим.

— Хм. Самцы-андроиды всегда привлекали людских самок... но тот же механизм не давал андроиду воспользоваться его преимуществом. Ни изнасилований, ни связей по согласию. А мы все знаем, что некоторые женщины попытки делали. Но, насколько известно, скрещивания линий никогда не происходило.

Она изучающе смотрела в лицо Билла, потом перевела взгляд на Тони.

– Скажите мне, Тони Бейкер и Билл Джексон, кто из вас стал бы так заботиться о вашем потомстве?

– Но, черт возьми... – начал Билл.

Тони глаза расширились. Он качнулся вперед.

– Не надо!

Но он опоздал; вполне сознательно Синти отвела левую руку и толчком выбросила ее вперед, пронзив отогнутым большим пальцем острие штыка. Раздалось шипение, сопровождаемое внезапным запахом горелого мяса и сдерживаемыми детскими всхлипами.

– Боже мой, – Тони удалось вскочить, несмотря на подступающую тошноту. Непроизвольно Билл дернул винтовку, штык высвободился. Ее глаза закрылись, лицо исказилось от боли, зубы закусили нижнюю губу. Синти прижала левую руку к груди и накрыла правой.

– Больно, – пожаловалась она слабым удивленным голосом.

– Почему ты ее спрятала? – спросил Билл.

Он быстро встал. Его глаза были яркими и блестящими, как у кота.

– Дурак, она не прячет руку, – набросился на него Тони. – Она ее баюкает!

Синти грустно посмотрела на Билла, ее зеленые глаза оставались невероятно широко раскрытыми. Она медленно опустила правую руку, разжала левую и подняла разрезанный, почерневший большой палец к лицу Билла. Не отводя пальца, она поднялась на ноги.

– Хочешь вложить свой перст в эту рану, Фома?

Он не ответил. Тони встал и начал расстегивать рубашку. Сняв ее, он подошел к девушке, забинтовал раненую руку и завязал рукава на запястье. Она на него не смотрела.

– Доказано? – спросила она таким же слабым голосом, но ее плечи дрогнули.

Боже мой, подумал Тони, какая она храбрая.

– Чтобы начало заживать, понадобится несколько дней, – продолжала Синти. – Эти дни я хочу... – ее голос был бледным, как и ее губы, – я хочу прожить отдельно от вас.

– Да, Синти, – сказал ей Тони. – Ты можешь остаться в самолете. Там есть пара хороших диванчиков, которые Билл и я сделали из сидений. Но потом...

– Я буду готова, – сказала она. – А пока запирайте меня там.

Билл опустил штык, пристально глядя, как она встает и идет к «Скаутеру». Дойдя до него, девушка обернулась.

– Если б я знала, что я андроид, я смогла бы контролировать рану. Может быть, я контролирую ее прямо сейчас. Если я андроид, но

загипнотизирована, так что я не знаю об этом... — она улыбнулась.
— Тогда, возможно, у меня постгипнотическое внушение, которое будет препятствовать быстрому заживлению моих ран?

Синти, по-прежнему улыбаясь, покачала головой.

— Обязательно заприте меня.

Она забралась в разбитую кабину самолета.

Х

ТОНИ И БИЛЛ посмотрели друг на друга.

Тони наблюдал, как в лунном свете мужчина набирает охапку дров и несет их к костру.

— Помочь тебе, Билл?

— Не-а.

Тони нахмурился. Он изучающе посмотрел на свои пальцы, взял штык, деревяшку и начал строгать.

— Билл?

— Да?

Билл сел на другое бревно, лицом к нему, поднял винтовку, посмотрел на нее и отложил обратно.

— Нам повезло. Я о Синти.

— Ну. Если она не андроид.

— Даже если андроид, Билл.

Тони ухмыльнулся, не отрывая взгляда от деревяшки, уже лишенной коры. Ее обнажившаяся белизна сияла, как плоть.

Билл посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Последнее, что она сказала. Она права. Мы никогда не сможем быть в ней уверены. Но даже если она андр, то какая разница?

Тони намеренно лгал, он придумал способ проверки. Можно оглушить девушку, а потом, пока она будет без сознания, порезать — как было с ним. Но решил не говорить Биллу. Он не хотел, чтобы ее так проверяли.

Голос Билла звучал саркастически.

— Уж и не знаю, Тони. Если в спальном мешке змея, какая разница, удав это или гремучая?

Билл протянул молодому человеку маленький кожаный футляр для фотографий.

— Вот.

Тони взглянул на Билла, потом открыл футляр — женщина и мужчина улыбались ему. Он кивнул и вопросительно посмотрел на Билла.

– Разница вот в чем, Тони. Моя мама. Я..... Тони, я девственник. Да, я, Большой Билл, признаюсь в этом. Я никогда никого не трогал. Ты хочешь услышать, как умерла моя мама?

Подумаю об этом позже, подумал Тони.

– Нет, но Билл...

– Поймешь ли ты, почему я никогда не примирюсь? Почему я, если смогу, убью последнего проклятого андроида? Или почему, если придется, я убью тебя, дабы ты не осквернился?

– Что ты сделал после ее смерти, Билл?

– Я взял это ружье, – он поднял винтовку, – и этот штык и сошел с катушек. Я заработал две медали. Я продолжал сходить с ума, пока не был назначен в эту рабочую команду. К тому времени медалей уже не раздавали. Я все равно их не хотел.

– Билл, ты когда-нибудь думал... ты не думаешь, что это не очень разумно? Я имею в виду – сейчас, когда все исчезли? Зачем продолжать ненавидеть?

Билл поднял футляр с фотографиями, не заглянув в него. Его глаза сузились, а рука сильно сжалась так, что побелели ногти.

– Потому что один остался.

– *Возможно*, остался, – напомнил Тони и Билл пожал плечами.

– Да – возможно.

– Ты все равно найдешь причину убить ее, верно?

– Что такое, черт возьми, ты говоришь?

Глаза Билла сверкнули, когда он, вернув фотографию в левый карман рубашки, осторожно застегивал клапан.

– Просто, может быть, ты надломился в тот день, когда убили твою мать.

– Ты что, называешь меня чокнутым? Ты сам проклятый придурок!

Билл вскочил на ноги.

– Видишь, что эта чертова девка, точнее, эта чертова тварь, делает с нами? Она уже стоит между нами! Девка или тварь, она... у нее тело распутницы!

– Я так и думал, Билл. Для тебя неважно, девушка она или андр.

– Черт тебя подери! Ты не веришь! Ты думаешь, что для тебя это не имеет никакого значения. Ты думаешь своей промежностью, а не головой. Ты думаешь, раз она выглядит фигуристой, мягкой и грудастой, то...

– Билл, тебе не очень нравятся женщины?

Билл устался на него. Из его горла не вырвалось ни слова, только рычание, когда он прыгнул. Тони свалился с бревна на спину, придавленный здоровяком и почувствовал, как тот напрягся и уви-

дел, как лунный свет подмигнул с острия штыка, выскользнувшего из спины Билла. У Тони болело запястье, вывернутое и прижатое к телу.

– Т... Тони...

– Билл! Боже мой, Билл! Мне очень жаль, Билл!

Здоровяк навалился на Тони. Медленно, качая головой и моргая, чтобы стряхнуть слезы, Тони выбрался из-под него. Он смотрел вниз на неподвижное тело Билла Джексона. Внезапно к нему мысль пришла: Да. Я выбрался из-под него.

Где-то, когда-то – ликование.

Из груди Тони Бейкера вырвалось ужасное, сухое рыдание, а потом он повернулся и побежал к самолету. Он не был уверен, жив Билл или умер. Может быть, они вдвоем, Тони и Синти, смогут перевязать рану, выходить его, позаботиться о нем. Тогда-то Билл поймет...

Когда его рука коснулась металлического синего люка S-195, что-то чрезвычайно твердое и жесткое ударило его в спину.

Он услышал громкий треск и, выгнув спину, упал на самолет, изо всех сил пытаясь повернуться и остаться на ногах.

– Боже мой, Билл...

Тони соскользнул по гладкому фюзеляжу «Скаутера» и осел напротив мужчины, его голова упала на грудь.

– Разве ты не знал, Летяга, что у меня в кармане остались патроны? – сказал Билл мертвецу, ковыляя через поляну.

Приложив все силы, он добрался до самолета, вытащил горячий металл из своего живота, почувствовал, как вслед заструилась кровь. Он открыл люк. Девушка была там, ее большой палец все еще был перевязан, глаза, зеленые и молодые, широко распахнуты.

– Что это было? Это был выстрел?

Билл рванулся вперед в кабину, направив штык прямо перед собой. Он почувствовал краткое сопротивление, когда острие воткнулось в ее живот, а потом почувствовал, как штык входит в тело. Услышал ее крик и слышал ее стоны, когда лежал наполовину внутри, наполовину снаружи маленькой кабины.

Он умер еще до того, как взошло одинокое солнце.

ЩЕЛК

#Они сделали это снова! Они убивают себя, все! Упрямые дураки! Как нам заставить их жить? Неужели нет способа? Проклятое почитание предков является/было/будет ошибочным. Если бы мы могли им мешать, а не...#

#Цыц! Поразмышляй, не вещай. Я размышляю. Должен найтись способ. Смотри! Ткань времени порвана! Ее нельзя залатать!#

#Значит, мы проиграли.#

#Прекрати вещать! Мы еще не проиграли. Мы здесь в сейчас. Поэтому это еще не конец. Если мы потерпим неудачу, мы об этом не узнаем, мы не будем существовать. Пока мы делаем/делали/сделаем... погоди! Если непрерывная линия перерезана здесь – эта нить – они соединяются... да! Существует возможность. Еще одна возможность. Но это в последний раз. Нет права на ошибку. Если мы снова потерпим неудачу, структура ВремяПространства будет/сейчас/была разорвана и не подлежит восстановлению... этот план необратим. И неоправим. #

#Как мы можем это проверить? #

#Вижу только один способ. В этот раз все должно пройти идеально, иначе все временные нити в этом пространственно-временном сегменте заканчиваются... закончились, а мы нет. Можно потерять все. И все получить.#

#Что... что мы будем делать?#

#Все, что мы не сделали, ничего из того, что мы сделали. Во-первых, андроид должен проявить больше инициативы, в последний раз она подошла очень близко. Еще... кое-что насчет сказанного старшим Человеком. Боюсь, что это окажется единственным решением. Сейчас – внимание! Нет смысла говорить, насколько это важно. Боюсь, что мне придется стать героем – став еретиком – и боюсь, что, готов ты или нет, но тебе придется меня заменить.#

#?#

#Приказ: прекратить вещание. Сейчас. Да, сейчас, и потом, и завтра... Что ж. Ты же понимаешь, что если в этот раз не добьемся успеха, больше шансов не будет и будущее, их будущее, ничего не содержит. Не тебя. Не меня. Никто из нас.#

#Конечно. Мы... избавимся от существования. Мы никогда не были. Но...#

#Вот и хорошо. Теперь я, как я и вещаю, собираюсь/стала героем-еретиком, а ты собираешься/помог мне в том прошлом. Остался единственный доступный способ и у нас больше нет возможностей для экспериментов. Видишь, даже я допускаю ошибки, ты должен стремиться быть мудрее. Ты знаешь мою временную линию?

#Конечно. Она... вот.#

#Да. Теперь ты должен сделать вот что...#

Диск-указатель установлен тщательно и аккуратно, нажата кнопка, еще одна, калибратор установлен дотошно и тщательно, переключатель переброшен.

#Ты узнаешь нужный момент. Когда я скажу «бармаглот», не сомневайся. ПЕРЕРЕЗАЙ МОЮ ВРЕМЕННУЮ ЛИНИЮ.

#«Бармаглот»? НЕТ!#

#Приказ: мой последний. ПЕРЕРЕЗАТЬ МОЮ ВРЕМЕННУЮ ЛИНИЮ. После слова «бармаглот». Прощай.#

Последнее реле щелкает/щелкнуло/щелкнет.

ЩЕЛК

ХІ

Та, что побольше, несла небольшой футляр. Футляр на длинном кожаном ремне висел на ее плече и задевал крутое бедро. В другой руке она несла еще кое-что – дубинку, сделанную из ножки стола. У той, что пониже, с большой грудью, руки были пустыми. Они вышли из леса и пошли к обрывающемуся вниз берегу потока, который теперь усох до простой струйки.

Высокая придержала рукой свою спутницу. Они остановились и посмотрели через ручей на поляну, костер, обломки небольшого разведывательного самолета S-203 и двух мужчин.

У меньшего из мужчин на голове была повязка. Некоторое время женщины наблюдали за ними, смотрели, как сильные тела поднимают вертикальную распорку для наполовину завершенного навеса на восточной стороне поляны. Потом большая женщина пнула маленький камень носком сапога. Она смотрела, как камень скатывается по склону. Он подпрыгнул, снова подпрыгнул, взлетел в воздух и булькнул в воду. Большой мужчина повернулся к ним. Его рука поднялась, ткнула в их сторону. Он подбежал к костру и схватил тяжелую винтовку с серебристо сверкнувшим ножом на конце ствола.

– Погоди, Билл, – сказал Тони Бейкер. – Погоди – они женщины.

– *Может быть* и женщины, – сказал Билл Джексон. – Не будь так уверен. Ты же знаешь об андроидах. Они могут изменять себя.

– Братец, да она здоровенная! Твой размерчик, Билл. А я для маленькой блондинки.

Тони Бейкер помахал рукой.

– Привет! – он поморщился и приложил руку к голове. – Черт! У меня все еще болит голова.

– Это хорошо, Тони. Я не о головной боли, я о разговоре. Поговори с ними. Но будь настороже.

Двое мужчин перешли поляну. Они остановились на берегу, глядя на двух женщин. Высокой рыжей было лет тридцать, может быть, чуть меньше. Тони подумала, что она чертовски крупная женщина. Примерно вдвое крупнее, чем та, с какой он хотел бы попытаться сладить. Чем ее спутница, улыбнулся он. Маленькая, с почти детским личиком, с длинными светлыми волосами и большими широкими глазами, которые с того места, где он стоял, казались зелеными. И у нее были либо потрясающие груди, либо она носила очень большое секретное оружие в том, что осталось от рубашки, завязанной узлом на ее груди.

– Стоп, – сказала рыжая и подняла ножку стола. – Не подходите ближе.

– Но... но кто подходит-то? – сказал Тони, испытывая чувство неловкости. – Это наш лагерь. Пришли вы.

Черт, ну и начал же он разговор! Нашел, как знакомиться!

– Мы просто расположились здесь, мэм.

– Пусть так и останется. Мы не можем рисковать. Вы, два самца, можете оказаться андроидами... хотя, должна признаться, надеюсь, что это не так.

Билл Джексон разразился гневным выкриком:

– Мы можем оказаться андроидами?!

– А, так ты вовсе не немой, да, старичок? – рыжая улыбнулась и потрясла дубинкой. – Конечно, вы. Мы две беззащитные женщины, откуда нам знать?

Она выглядит такой же беззащитной, подумал Тони, как и Билл Джексон. Ростом почти шесть футов, разве что на дюйм меньше, со сверкающими глазами, с потрепанной офицерской фуражкой, залихватски надетой на гриву из чистого пламени. На ней был свободный китель. Большие нагрудные карманы с клапанами и латунными пуговицами скрывали, есть ли что под ними или нет. Широкий черный ремень, застегнутый блестящей пряжкой с буквами U.S. плотно охватывал ее талию над длинными-длинными ногами, обтянутыми блестящими черными галифе и сапогами по колено. Что-то еще было в странном маленьком футляре, висевшем на плече. О да, она женщина, подумал Тони, но не *беззащитная* женщина! Она носила форму офицера-танкиста и отдавала приказы, как будто и то, и другое делала всю жизнь. Но другая...

– Черт побери! – сказал Билл Джексон и Тони, взглянув на него, увидел, что здоровяк хлопает глазами. – Ну и ну!

– На самом деле, мы не можем доверять вам, парни, даже если вы не андроиды. В войну некоторые люди становятся хуже зверей!

Она зацепилась левым большим пальцем за широкий ремень и снова подняла ножку стола.

– Так что вы, оба, просто постойте там. Кто вы?

– Билл... э, сержант Джексон, Уильям Р., армия Орегона.

Тони усмехнулся. Обратись к здоровяку командным тоном, и он наверняка стушует, подумал он. Он не слишком хорошо знал этого мужчину, но Билл играл в Большого Человека с тех пор, как вытащил Тони из разбитого S-203, а потом подлатал. Тони не возражал. Ему было двадцать три года и он капитан, пилот. Но что, черт возьми, можешь поделывать, когда ты слабее, ниже и моложе?

– Эй, мелкий, в чем проблема?

– Ты слишком громкая для незащитной женщины, – сказал он.

– Я – Тони Бейкер и я техасец, а моя мама не была андроидом. И у меня кровяк и рана на голове и шрам. О'кей?

Рыжая покачала головой.

– О'кей. Но, по-моему, справедливо и нам представиться. Я – Лилит. Зовите меня Лили. И я не из Техаса, может, поэтому я покрупнее тебя, а?

Билл Джексон радостно ухнул и хлопнул своего нового друга по спине так сильно, что Тони едва не кувыркнулся с берега.

– Малышка с большими буферами – Синти Джеймс. По крайней мере, так она говорит. Звучит как вымышленное имя, а она была в шоу-бизнесе. Бедняжка потеряла память, потому что получила дозу какого-то газа и проснулась в окружении трупов. У меня тоже есть воспоминания, но я их придержу. Да, звание у меня повыше вашего, мистер. Увы, я стала капитаном больше года тому назад.

Она четко козырнула Биллу.

– Ваш серийный номер, старичок, живо.

– Бич-девять-о-один-два-пять-пять-девять-шесть СУ КА.

– Прекрасно. Я впечатлена. Бейкер?

– Вам, леди, мой может понравиться меньше: Эй-о-два-два-три-пять-девять-один, Т как в слове «Техас».

– Военный летчик! Ну-ну. Вон та жалкая груда жести и есть ваш самолет?

– Была им. И, боюсь, я стал капитаном *два* года назад.

Снова она насмешливо козырнула, как капитан, за плечами которого тысячи выполненных заданий.

– Теперь, парни, такой вот план. Я знаю единственный способ отличить андра от человека – ранить подозреваемого. Вижу, у вас есть хороший блестящий штук...

Билл с энтузиазмом закивал и Тони увидел, что его глаза засияли, как у мальчишки. Билл поднял винтовку.

— Знаешь, — сказала Лилия, — пожалуй, старичок, ты, в конце концов, можешь и не быть андроидом. Ты чересчур уж глуп. *Прекрати!* У любого андра хватило бы соображаловки нагреть этот складешок-переросток, прежде чем начинать резать себя. Идите к костру и накалите. Мы последуем за вами. На расстоянии.

XII

СМУЩЕННО УХМЫЛЬНУВШИСЬ, Билл кивнул и отступил. Затем повернулся и чуть ли не вприпрыжку поспешил к костру. По пути он дважды оглянулся через плечо.

Тони не мог поверить своим глазам. Кто этот парень? Что случилось с тем мужиком, которого он знал, с Биллом Джексонсом? Билл присел на корточки у костра и начал нагревать лезвие, а Тони стоял рядом с ним, глядя, как длинноногого приближается Лили и подплывают покачивающиеся бедра ее подруги Синти. Синти, забавное имя. Оно казалось смутно, неуловимо знакомым.

Билл поднял штык. В бледном свете заходящего солнца лезвие светилось розовым.

— Достаточно?

Лили — палец зацеплен за ремень, дубинка наготове — кивнула. Она смотрела, как Билл отцепляет штык от винтовки и вытягивает левую руку.

— Делай по высшему разряду, сержант, — сказала Лили, — и давай поглубже.

Билл ухмыльнулся, кивнул и резанул по предплечью. Потом предъявил его для проверки. Предплечье сочилось красным.

— И совсем не больно, — сказал он словно десятилетний ребенок.

Он протянул едва светящийся штык Тони. Тот осторожно его взял и посмотрел на Синти.

— Разве ты не можешь говорить, Синти?

— Смогу, когда у меня появится возможность, — сказала она с улыбкой, которая напомнила ему луч солнца, пробившийся сквозь облака после дождя.

Лили усмехнулась. Тони взглянул на нее и высокая женщина многозначительно кивнула на штык.

— С вашего позволения, капитан, — сказал он.

— Действуйте, капитан, — отозвалась она.

– Ой! Билл, чертов врун – это *реально* больно! – он взмахнул кровоточащей рукой, едва не выронив штык. – Как насчет того, чтобы сейчас им воспользовались вы, капитан?

– Не дури, Летяга, – сказал Билл и Тони поразился, увидев, что здоровяк злится.

– С радостью, – сказала Лили. – Доверишь мне штык?

Тони задумался.

– Черта с два, – сказал он.

Он помахал штыком, чтобы остудить прежде чем вернуть в свой ботинок.

– Ну вот, мы истекаем кровью, – сказал Билл, едва ли не подпрыгивая. Тони подумал, что если бы у большого идиота был хвост, он сейчас им бы вилял. – Что теперь?

– Перестань ныть, Большой Мужчина. Сейчас мы расстанемся, но будем встречаться раз в день, чтобы посмотреть, как заживают эти раны. После того, как мы убедимся, что можем доверять друг другу...

– Тогда мы сможем любить, – бесхитростно сказала Синти.

Билл и Тони остолбенели. Глаза Билла сузились, когда он посмотрел на чистенькое детское личико.

Лили рассмеялась.

– Синти! Цц!

Потом сказала мужчинам извиняющимся тоном:

– Она немного не в себе. Амнезия, как я уже сказала и, насколько я понимаю, все случилось через несколько дней после свадьбы. Она безумно хочет детей.

Лили похлопала девушку по плечу.

– Это пройдет.

– Конечно! С тобой все будет хорошо, Синти, – сказал Тони. – С тобой все будет хорошо.

– Я сказала ей, что переговоры беру на себя, – сказала Лили. – Не слишком легко было объяснить этой пустоголовой курочке, что... ну, что мы можем оказаться последними людьми, без сверстников для... эээ... пары.

Она внимательно разглядывала их в наступившей тишине. Сказанное ударило по их разумам не хуже дубинки.

– Парни, ваше доверие трогает, но это неумно. Наша очередь.

Большая женщина перебрosiла дубинку в левую руку, а правой растянула две пуговицы на блузке. Билл вытаращился на нее. Тони восхищался открытостью Лилит, ее непосредственностью. Она казалась сверхсовременной, в отличие от наивной Синти. Словно Лилит была откуда-то издалека.

– Полегче, старичок, – сказала она, широко улыбнувшись Биллу.
– Иногда мы, большие женщины, не везде большие. Боюсь, тут не так уж много, но... вот.

Ее рука вынула из-за пазухи форменной рубашки нож, и Тони автоматически пригнулся в полуприседе, его рука выхватила штык из ботинка.

Лилит, стоявшая футах в двадцати от него, моргнула.

– Нервничаешь, парень? С вашего позволения, кэп, – передразнила она Тони и, взмахнув рукой, чиркнула по руке Синти своим маленьким ножом.

– Ой!

– Кровь ради жизни, малышка, – сказала Лили, оттолкнула Синти и быстро резанула по собственной руке. Еще больше красных капель упали, пятная землю. – Вот так. Мы будем встречаться здесь ежедневно для осмотра рук, верно? Идем, Си.

Синти откинулась назад, ее полная нижняя губа дрожала.

– А... а мы не можем остаться и получить что-нибудь горяченькое?

Лили откинула свою огненно-рыжую гриву и заржала.

– Типа Билла или Тони? – и снова засмеялась. – Она обожает кофе, – Лили пожала плечами. – Синти, деточка, его трудновато найти посреди оregonских лесов.

– У нас есть кофе, – сказал Тони, понимая, что он слишком тороплив, слишком нетерпелив. Он попытался говорить помедленнее, чтобы не выдать свои чувства. – Свежий желудевый кофе.

– Фу, – сказала Лили с чувством. – Этим ты меня не купишь, Тони Бейкер. Увидимся.

– Э-э, кэп Лили, – сказал Билл и поднял руку. – У нас... у нас тут двенадцать сигарет. Может быть, перекурим, прежде чем разбежимся?

– Трубка мира? Мы добропорядочные девочки и не курим. Извини.

– В разбитом «Скаутере», – сказал Тони, – есть два дивана. Этим утром мы с Биллом соорудили их из сидений. Вы вполне можете провести ночь там. Люк запирается изнутри.

Она снова зацепилась большим пальцем за ремень, слегка изогнувшись, выставив вперед правую ногу. Размышляя, Лили постукивала дубинкой себе по губам. Никто не говорил, возможно, в течение минуты; долгой минуты.

– Знаете, Тони Бейкер, капитан запятая ВВС США, пожалуй, я возьму назад примерно пятьдесят процентов того, что сказала и что подумала о вас. Синти, дорогая, беги туда и залазь в самолет, ладно? И запири люк.

Синти побежала. Тони радостно наблюдал за этим восхитительным процессом, пока Лили наблюдала за ним, а Билл наблюдал за Лили. Когда за блондинкой захлопнулся люк, Лили пошла за ней, не переставая следить за мужчинами. Она попробовала ручку, дернула, повернула.

– Хорошо. Люк заперт, все в порядке. Синти, открой мамочке. Тони, Билл, – поклонилась она на манер цирковой лошади, – мы благодарим вас за гостеприимство. Увидимся утречком. Развлекайтесь.

И длинноного-длинноного поднялась по лесенке. Люк захлопнулся.

– *Парень*, – сказал Билл, слово перекатывалось на струе вырвавшегося из глотки воздуха. – Парень. Какая роскошная женщина!

Тони улыбнулся реплике в стиле потомков французских переселенцев, потом самым невинным тоном спросил:

– Не андр?

– Эй, не дури. Они опасаются нас! – Билл хихикнул. – Парень, она крутая! Ты видел ее, Тони? Ты ее *видел*?

– Нет, – сказал Тони, он подвесил чайник над костром и подложил пару поленьев. – Нет, я на нее не смотрел. Я ничего не видел, я был сражен Синти.

– *Синти*, – фыркнул Билл тоном пропойцы, говорящим о молоке. Он покачал головой. – Синти! Ха! А та, большая базука, спорю, опасна как гризли. Тони... знаешь, кого она... мне напоминает? Поразительно. Даже имя.

Тони заинтересованно оглянулся. Голос Билла был тихим и далеким.

– Нет, Билл. Кого же?

Билл уставился на самолет.

– Мою маму. Она тоже была большой женщиной. Крутой. Вдвое мужественнее, чем когда-либо был мой отец. И ее звали Лилиан. Ну, имя не совсем такое же... И мамины волосы не были рыжими. Хотя теперь, увидев капитана Лил, я понимаю, что ей тоже следовало быть рыжей.

Он снова тряхнул головой.

Тони, уставившийся на Билла сузившимися глазами, покачал головой.

– Да, – сказал он. – Да уж. Понимаю.

Не переставая думать о словах Билла, он обратил свое внимание на котелок с желудевым кофе. Билл молча стоял, глядя на искаленный серебристый самолет-разведчик, словно енотовая гончая, ожидающая, когда придет человек-хозяин с фонарем и винтовкой.

Тони сидел, его взгляд блуждал где-то в огне. Он размышлял, потягивая вторую порцию жуткого кофе, когда Билл налил кружку.

– Привет, Билл! Тебе попалась парочка букашек. Из-за этих червяков у тебя будет лихорадка, понос или что-нибудь еще.

– Не для себя, – сказал Билл с усмешкой, для которой Тони мог подобрать только одно определение – хитрая.

Здоровяк повернулся и направился к самолету.

– Эй! – голос Тони отскочил от спины мужчины без видимого эффекта.

Тони покачал головой, ухмыляясь, но улыбка медленно сменилась хмурым взглядом.

– Ну что ж, – сказал он себе. – Каждому, как говорится, свое.

Он продолжал смотреть, надеясь хотя бы мельком увидеть бедняжку Синти, когда – если – люк откроется.

Люк открылся и Тони увидел блеск стали – нож Лили. Не слыша, о чем они говорят, он увидел, как Билл предлагает ей кружку, увидел, как он делает глоток и снова предлагает, увидел, как Лили берет кружку и с негодованием выплескивает содержимое на землю. Тони подумал, что ей нужен кто-то размером с Билла... но кто-то, кто любил своего папу больше, чем маму!

– Что случилось, старичок? – спросила Лили Билла, взмахнув ножом у него перед носом. Она смотрела на него сверху вниз из люка S-203.

– Мисс... Ли... Кэп... э-э, я подумал, может, вы хотите кружку кофе?

– Кофе? Из запаренных желудей? Для свежих еще не время. Так сколько тут червяков?

Она сунула большой палец за ремень, мама Билла так же зацеплялась натруженным большим пальцем за карман передника. Лили ткнула ножом в кружку.

– Или, в этом случае, сколько тут *яда*, мистер андроид? Давай-ка, *ты* сперва попробуй.

Билл попробовал, он сделал приличный глоток мутного варева и позволил ей убедиться, что жидкость проглочена. Он снова протянул кружку, надеясь, что она примет.

– Думаешь, я выпью эту гадость после того, как ты туда наплевал? Нет уж, цитируя бессмертные слова капитана «техасца» Бейкера: черта с два!

И, взяв кружку, она широко размахнулась, широкой дугой расплескивая по земле темную жидкость. Потом Лили внимательно посмотрела на него.

– Выглядишь так, словно собираешься разреветься, Билли Джексон.

Его глаза расширились.

– Я... меня не называли «Билли» с тех пор... с тех пор, как мама...

– Мама! – она выплюнула слово так, будто оно было грязью. – Мама! Мальчик, а *вот это* невозможно! Не хотела бы иметь тебя даже предком, а тем более сыном.

Он опустил взгляд.

– Капитан, вы жесткая женщина, вам трудно угодить. Каждый раз, когда я открываю рот, вы заставляете меня жалеть о том, что я заговорил.

Она коснулась его плеча, щеки.

– Дурачок, – сказала она. – Бедный, запутавшийся дурачок. Слушай, Билл Джексон, предположим, ты возвращаешься к костру. Посиди там некоторое время. Потом немного погуляй. Через ручей или как там вы называете эту струйку. До большой ели, расколотой молнией. Окей?

Он взгляделся в лицо Лили, затем кивнул.

Она убрала руку, неполированный ноготь царапнул его щеку, ухмыльнулась и закрыла люк. Он услышал, как она запирается изнутри. Билл направился к костру, и Тони отметил, что он не столько шел, сколько летел в паре футов над землей.

– Не слишком-то она дружелюбна, – сказал Тони, поднимая кружку.

Но его глаза сузились, он ждал, какая последует реакция.

Билл поднял голову.

– Нет, конечно, нет! Это нормально. Она думает, что мы можем оказаться андроидами, вот и все. Черт возьми, Тони, она же женщина. А ты знаешь, как некоторые мужчины относятся к женщинам. Им надо быть осторожными.

– Ну-ну. А еще ей следует подстричь ногти.

Тони смотрел, как Билл виновато поднимает руку к щеке.

– Возможно, Билл, помогло бы, если б ты продемонстрировал рану от штыка. А ты пытался произвести впечатление и чертовски хорошо подражал андроиду.

– Боже мой! Я и не подумал об этом! – Билл уставился на него.

– Парень, думаю, что ты прав. Этот жуткий кофе – фу! Пожалуй, я прогуляюсь.

Он встал, вроде как без особой цели, оглянулся, словно пытаясь решить, в какую сторону идти, кивнул и направился к ручью.

– Билл.

Джексон остановился и оглянулся. Тони помахал штыком.

– Лучше возьми.

Билл поколебался, потом покачал головой и вернулся.

– Ладно. Шумни, если что-нибудь случится, Летяга.

– Ты тоже. Билл, – сказал Тони и повернулся, чтобы смотреть, как танцуют оранжевые, желтые и синие языки пламени.

Он слышал звук шагов Билла, сначала глухие, потом, когда Билл перепрыгнул через ручей, чавкающие. Надо сделать мостик через эту дурацкую струйку, подумал Тони. Краем глаза он увидел, как открылся люк «Скутера», увидел большую женщину, которая посмотрела на него и выскользнула наружу, быстро и тихо закрыв люк. Она на мгновение прислонилась к обшивке самолета, посмотрела на Тони. Затем вошла в лес.

Тони Бейкер вздохнул. Он посмотрел на кипящий котелок. Может, *мне* стоит попробовать «кофейный гамбит», подумал он. Но что, если она... Синтетическая Синти? Что если?

Он размышлял.

– Сюда, Билли. Внимательней с этим большим корнем – я чуть не упала. Садись здесь, рядом с деревом.

Безмолвно Билл сел, глядя на нее. Ему нравилось смотреть на нее. Блестящие сапоги переместились на пару футов ближе к нему.

– Вы – какая вы красивая женщина!

– Или какой красивый андроид?

– Черт, вы не андр!

– Ты уверен?

– Уверен.

– Вообще-то ты прав. Но что касается тебя и этого Тони... Он капитан? Сколько ему лет?

Билл пожал плечами.

– Возможно, что и капитан. Говорил мне, что вляпался в это дерьмо, когда ему было семнадцать. Воздушные силы – там же нельзя летать, если ты не офицер. Возможно, пытался произвести на вас, девочек, впечатление, но, в любом случае он, по крайней мере, первый лейтенант. Вы все еще опасаетесь нас? Так сильно ненавидите андров?

– Ну, ты даже не представляешь. Не представляешь, Билл Джексон, сколько мне задолжали андроиды.

– Семья?

Она улыбнулась в темноте, изучая дерево, рядом с которым он сидел.

– Да. Да, моя семья. Самые близкие.

– У меня тоже, – сказал он и вытащил из кармана бумажник с фотографией. – Вот.

Она покачала головой.

– Нет, спасибо. Я сожгла свои, Билли Джексон. Тебе следует поступить так же.

– Да, может быть... может быть теперь я смогу.

Он наморщил лоб.

– Еще одно, Билл. Предположим, я скажу тебе, что я андроид.

Он пристально смотрел на нее, медленно засовывая бумажник обратно в левый карман рубашки. Он изучал ее: сапоги и блестящие галифе, большие бедра и руки, странный маленький футляр, свисающий с ее плеча, пряжку ремня, сверкающую даже в темноте под деревьями.

– Нетушки. Я не могу поверить вам, капитан, – он утвердительно кивнул. – Нетушки.

– Хм. Предположим, я скажу тебе, что Синти – андроид. Что ее имя – сокращение от слова «синтетический»?

Он резко отодвинулся от дерева и выпрямился. Его голос звучал глухо.

– Она? Я удивлялся... как она говорила, так смешно... черт! Неужели *она*?

Лилит пожала плечами, глядя ему в глаза.

– Она со мной. Это имеет значение?

– И думать нечего, – уверенно ответил он – Конечно, имеет! Ей придется умереть. Андр – всегда андр.

– Блестяще, – пробормотала она. – Это стало бы его делом, не так ли? Делом Тони?

Он покачал темноволосой головой.

– Нет, мэм! Это *мое* дело. Я мужчина. Человек.

– Безо всяких сомнений, а? Так, Билл?

Он кивнул.

– Безо всяких сомнений. Если она андр, она умрет.

– Мужчины, – сказала она. – Мужчины. Ты уверен, что я не андр, но тут же готов поверить, что эта малышка андроид. Готов убить ее. Ты веришь в то, во что хочешь верить, верно?

– Не так уж и плохо, – сказала Синти. – Оказалось, довольно приличный кофе. Спасибо, Тони, – она ослепительно улыбнулась ему поверх кружки. – Она велела мне оставаться в самолете. Я так бы

и сделала, если б ты не пришел и не предложил мне выпить кофе. Я... я надеялась, что ты это сделаешь, – хихикнула она, улыбаясь кружке, словно ребенок, рассматривающий пакет с рождественскими подарками. – Желудевый кофе!

Она отпила, снова заглянула в кружку и отставила ее.

Тони сидел, глядя на нее, пытаясь придумать что-нибудь, что можно сказать, что заставило бы ее снова улыбнуться. Он вздрогнул, когда очень широкие, ярко-зеленые глаза посмотрели на него.

– Что-то странное, – сказала она. – Знаете, я обнаружила, что могу... Я могу заставить эту рану зажить!

Она протянула руку.

– Не остается шрама, вообще ничего. Лили разозлилась и заставила меня снова порезаться.

Ее большие глаза смотрели в его глаза.

– Означает ли это то, что я...

– Стоп! – резко сказал он. – Я... я, наверное, знал об этом, я думал об этом, Синти. Это не имеет значения, – он нежно взял ее за руку. – Для меня это неважно. Но это было бы важно для Билла. Вот почему ты должна пообещать больше не упоминать об этом. Никогда.

В свете костра ее глаза мерцали огромными изумрудами.

– Обещаю.

– Что нам делать, Синти? Чего ты хочешь?

Она слегка пожала плечами.

– Младенцев, – сразу ответила она. – О да, *детей*! Твоих... твоих детей...

Она опустила глаза, вовсе не кокетничая. Он никогда прежде не встречал такого бесхитростного и настоящего человека. Она снова посмотрела на него и Тони кивнул.

– Ну конечно. Вечные устроительницы гнезд. Вечные оптимистки. Мужчина хочет этого по одной причине, женщина по другой, все равно, человек она или андроид. Ради *чего*, Синти?

Его голос по-прежнему звучал резко он и не сознавал, с какой силой сжимает ее руку, не подозревая о слабых изменениях, происходящих в ней. Плоть и мышцы укреплялись, почти автоматическая защищая от боли.

– Ради чего, Синти? Что, если будущего нет?

Маленькая вертикальная складка появилась между ее глазами, когда поднялись брови.

– Разве это не единственный путь, которым можно создать будущее? Если мы им пойдем? Так сказала Лили.

– Да уж. Да, наверное. Думаю, что мужчинам, в отличие от женщин, по большей части плевать на человеческую расу. Мы хотим дитя, которое продлит наш род. Но... было бы неплохо когда-нибудь увидеть внука. На ком женится наш сын, Синтетическая Синти, если он у нас будет? Или за кого выйдет наша дочь?

– Но разве Адам и его жена не были созданы, как и я, от него... Он перебил.

– Его вторая жена. Да. Но на ком женился сын Адама?

Она сузила свои круглые глаза, поджала губы, нахмурила брови. Тони понял, что ее лицо может остаться неизменным и через десять, двадцать лет. Нет. Он попросил бы ее постареть, немного – как он. Он не думал, что иначе сможет это вынести.

– И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, к востоку от Эдема, – сказала она, поднимая глаза, – и познал Каин жену свою и она зачала и....

– Жену свою, Синти. Его жену. *Какую* жену? Тогда в Нод были люди, верно? Но *здесь и есть* Нод. Эдема нет, я думаю, что эта часть старой истории проясняет ее переносной смысл. Здесь были другие. Но для нас, для *нашего* Каина, или Авеля, или маленькой Синти...

– Для нас, – сказала она очень тихо, – для нас, Тони, нет земли Нод. Но если наш первый ребенок будет девочкой, или если мальчиков вообще не будет, ну...

Серьезное выражение казалось неуместным на ее наивном лице, но оно там было, а в ее глазах отразился огонь.

– Тони, в той же книге есть рассказ про Лоте. Его жена сгинула, а его дочери хотели детей. И они их получили, детей от своего отца. Каждая из них родила ему сына, Моаву и... кого-то еще. Или... если у нас будут только сыновья... о, Тони!

Ее свободная рука, маленькая и теплая поднялась, чтобы накрыть его руку.

– Не смотри на меня так. Сейчас мы преодолеваем большой барьер, чем этот, разрушаем более прочные установки. Люди отвергают то, что они называют «инцестом», ссылаясь на Библию, на Тору... но книга сама создает прецедент, неважно, метафорически или нет.

Она ждала его ответа. Он молчал.

– И не говори мне о французских Бурбонах, – сказала она, забыв, что за ее открытым лицом – мощный интеллект андроида. – Мы не Бурбоны. У моего вида не может быть психических заболеваний. И ты сам должен быть невосприимчив практически ко

всему, иначе тебя бы здесь не было. Даже не дальтоник, иначе не попал бы в военную авиацию!

Она улыбнулась, чуть приподняв уголки розовых губ и пожала его пальцы.

– В любом случае, у нас будет много детей. Правда?

Он кивнул, поднимая руку к ее лицу... И раздался крик.

XIV

Высокая женщина грустно смотрела вниз на большого человека, растянувшегося под деревом, как здоровенный мальчишка.

– Безнадёжно, да, Билл? Без шансов. Ты невосприимчив.

– Что?

– Догадываешься, что здесь?

Она постучала по блестящему футляру у бедра.

– Нет. Эта штука забавно выглядит. Там еда, наверное. А из чего этот футляр сделан?

– О, это синтетика. Он называется «безвремяе». Да, пожалуй, это можно назвать едой. Пища для Человечества. Кое-что для тебя, Билли Джексон.

Она опустилась на корточки рядом с ним и сняла с плеч ремень. Поставила футляр на его бедра. Он вопрошающе посмотрел на футляр и на нее.

– Какое самое важное правило ты можешь придумать, Билл? Такое, какое ты не посмеешь нарушить?

– Какое? Черт возьми, я не знаю. Самое важное правило. Изнашивание, или... о! Конечно, я такое знаю. Жить с *андроидом*.

Его губы сжались.

Она вздохнула.

– Запрет на скрещивание с андроидом. Да, такова твоя установка. Билл, поверь, если сможешь – делая то, что я делаю, я нарушаю *еще более* серьезный запрет. Но я должна. Ради тебя. Ради Человека.

Нервно, он попытался улыбнуться.

– Господи, *что* в футляре?

Она посмотрела на него.

– Ты и в самом деле хочешь знать?

Ее голос разжигал любопытство. Билл, улыбаясь, кивнул. Она все еще смотрела на него. Затем она пришла к решению.

– Ты точно испортишь сюрприз, Билли Джексон. Это лесной гремучник*.

Билл усмехнулся.

– В таком маленьком футляре? И так далеко на севере?

Он со смехом покачал головой и отодвинул защелку. Поднял крышку.

Лесной гремучник дернулся вперед, ударил Билла в левую сторону рубашки, чуть ниже кармана с бумажником и укусил. Клыки на мгновение зацепились за ткань.

В этот момент Лилит выхватила нож и одним быстрым движением вонзила его в голову змеи. Та сильно содрогнулась, разжала челюсти и умерла.

– Боже мой! – задохнулся Билл Джексон. – Он... он был там... я... Что... ты... я должен добраться до лагеря! В самолете есть комплект... О! Больно!

– Он ужалил тебя в сердце, Билли. Полагаю, что уже слишком поздно. И... Я говорила тебе, Человек. Я предупреждала тебя, давала тебе шанс. Но... на случай, если еще не слишком поздно...

Он, хватаясь за грудь, изо всех сил пытался подняться, тянулся за штыком, в замешательстве, растерянный и задыхающийся. Он посмотрел на нее, увидел приближающийся кулак, сказал:

– Мама...

Кулак врезался в его челюсть, и он боком сполз на землю и лег, потеряв сознание и мирно закрыв глаза.

Она припилила голову мертвой змеи к земле и присела, наблюдая за ним, наблюдая за его грудью. Теперь он, по крайней мере, не чувствовал жгучей боли, отека, замедления биения сердца...

Наконец она встала. Она растянула блузку, сняла ремень и бросила его на землю рядом с телом Человека. Растянула молнию на своих галифе. Ее голос был мягким, низким и грустным.

– В Эдеме всегда найдется змея, Билли Джексон, – сказала она.

Она увидела, что он умер. Потом повернулась к лагерю и кричала, пока не прибежали Тони и Синти с воплями продиравшиеся сквозь кусты.

– Я... мы были... ну...

Тони сразу заметила, что крупная женщина застегивает блузку. Объяснения не требовались. В глубине души он почувствовал об-

* Лесной или полосатый гремучник – одна из наиболее опасных змей юга и востока США, вырастает до полутора метров (Прим. перев.)

легчение. Билл был... получил... в конце концов, все в порядке. Он посмотрел на мужчину, так мирно растянувшегося под высокой елью.

— Я была там, — сказала Лили. — Я ничего не слышала. Но... когда я что-то спросила, а он не ответил, я пришла... и нашла его... и змею. Я убила ее.

Тони смотрел на Билла Джексона, обнимая Синти за талию. Он снова почувствовал облегчение. Лицо мужчины... Тони знал, что тот мертв, едва его увидел. Он наклонился, заметив следы на рубашке Билла и понял, почему все случилось так быстро. Почти в сердце. Он вытащил нож из головы мертвого гремучника.

— Чтобы сделать это, он ушел далеко от дома, — сказал Тони.

— И ты тоже, техасец. И я тоже. — Лили застегнула ремень и вздохнула. — И я тоже.

— Мы похороним его, — сказал Тони. — Думаю, лучше прямо здесь, под деревом. Лили, если ты теперь можешь мне доверять... пожалуйста, останься.

Он плотнее обхватил талию Синти, и она склонилась к нему.

Лили зацепила большой палец за ремень.

— Просто здесь нас *трое*? Да ладно, Тони. Ты не это имеешь в виду. Трое — слишком много, Тони, будь то двое мужчин и женщина, или, — она посмотрела на Билла сверху вниз, — или две женщины и мужчина. О, нет. В Эдеме для Лилит нет места. Это было бы так же нелепо...

— Едва ли это место я назвал бы Эдемом, — сказал Тони Бейкер. Он посмотрел на девушку рядом с ним. — Или Нодом.

— ...так же нелепо, как Бармаглот, — закончила Лилит.

Бармаглот! Челандр открыл коробку, мгновение смотрел на спутанный моток линии жизни, затем перерезал ее. Необратимо. Как он делал это с истерзанной тканью пространства/времени, которую они так часто резали, сращивали и восстанавливали — расщепляли, рвали, терзали. Новый Первый Перемещающий ждал. Он не исчезал! Он был/есть/будет! Удалось!

— Что? — спросил Тони. — Что ты...

— Тони! — кричала Синти.

Лилит закатила глаза. Она обмякла, опустилась на землю, обещавшей тряпкой, лишённой жизни и бытия. Тони шагнул вперед. И с криком остановился.

Линия жизни Лилит была в далеком будущем, вневременном, внепространственном, безвременном и безпространственном будущем потомков Тони. Она не существовала, не имела реального воплощения в этом ВремяПространстве. В ее/его/этого время она

стала героем, став еретиком, великим героем, таким как Бейкер и Синти. Которые стали Первыми.

В их времени она перестала существовать. Она была/есть/не будет.

Человек и Андроид смотрели. От Лилит не осталось ни следа. Да, о следах – маленький лесной гремучник, невредимый и живой, но с болящей челюстью, мчался в лес. Тони и Синт смотрели на него, недоумевая, смогут ли они когда-нибудь понять, что здесь произошло.

Никогда.

Mandroid, (If, 1966 № 6.), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова

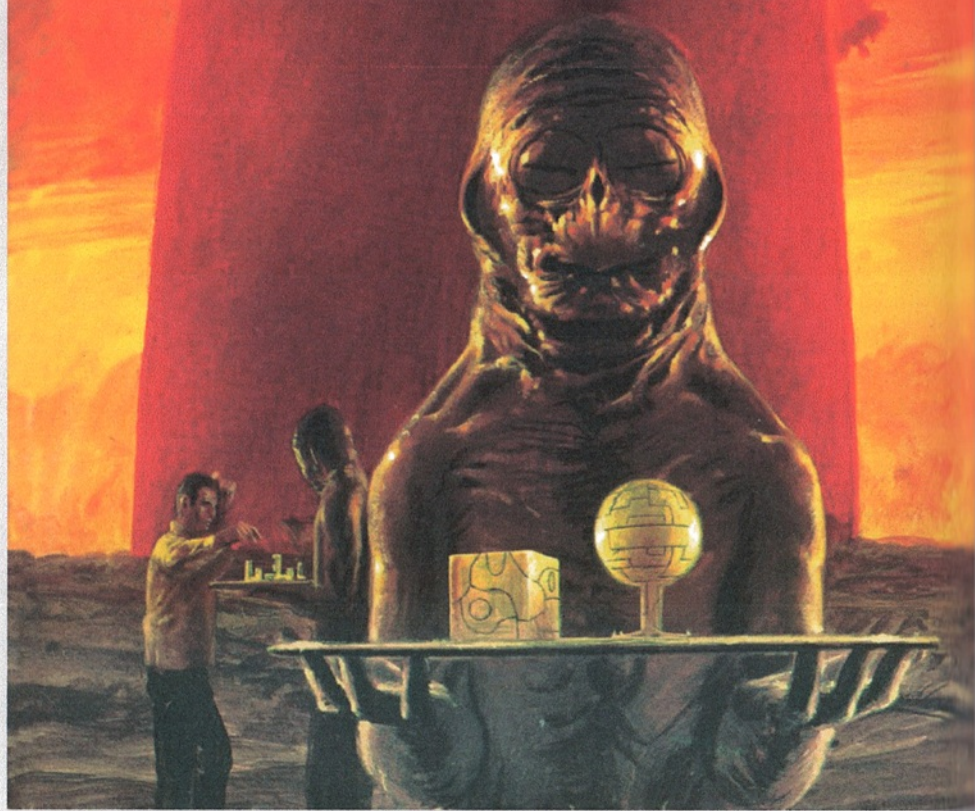
the SCIENCE FICTION SCIENCE FACT

analog

JULY 1966 / 50 CENTS (5/4)

THE MESSAGE

by PIERS ANTHONY
and FRANCES HALL

СООБЩЕНИЕ

(В соавт. с Френсис Холл)

– **МАНУЭЛЬ РАМИРЕС**, ты заслуживаешь того, чтобы тебя за глупость лягнул мул!» – воскликнул про себя молодой человек, отдавая дань своему происхождению из латинос.

Он влип по собственной дурачности. Он не выжил бы в диких джунглях Хуареса*, не усвоив урок о важности внешности. Теперь же из-за внешности он попался в ловушку – чисто выбритый, в приличной одежде, черные волосы зачесаны назад – и две сотни соларов в заднем кармане.

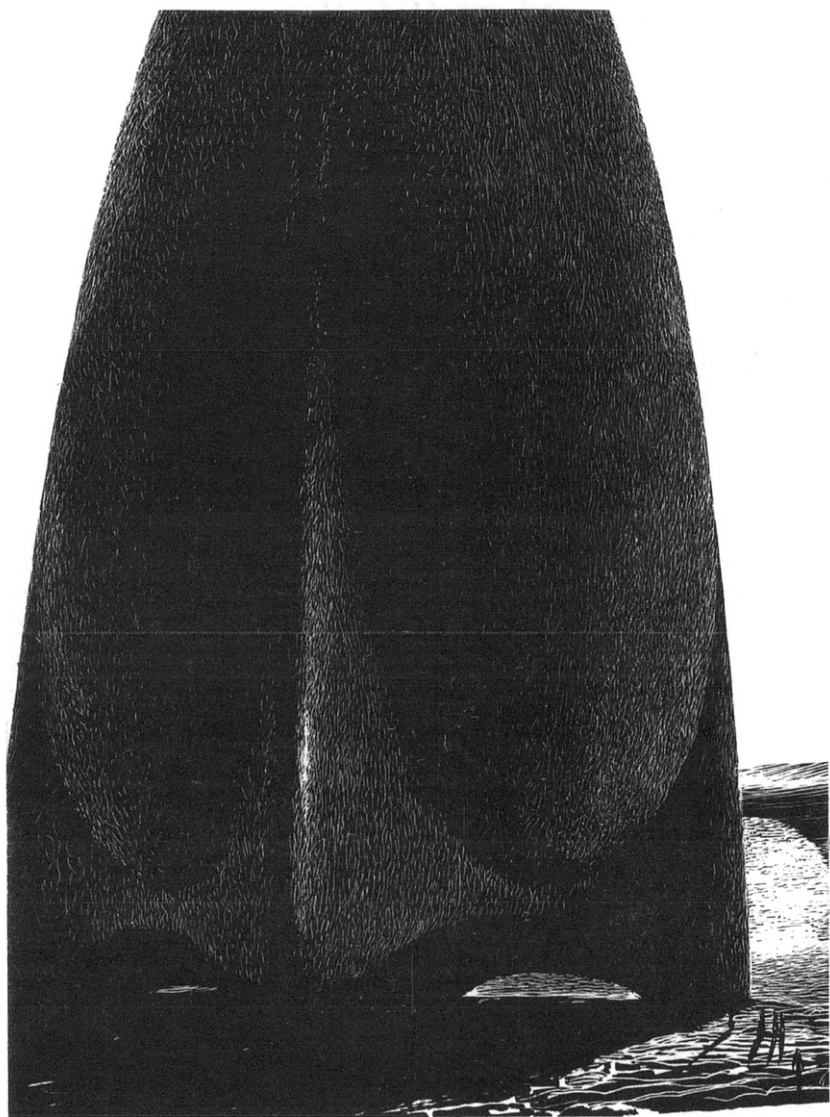
Даже не имея он с собой денег, все равно не следовало оставлять нож дома. Умение бойко говорить – это, конечно, очень здорово, но его способности к языкам довели его до самоуверенности и до фатальной ошибки. Действительно, никто не идет вооруженным в регистратуру Университета и никто не отправляется туда без денег на вступительный взнос. Это законы цивилизации. Но, кроме того, не стоит сокращать путь по неосвещенной аллее, да еще и в одиночку. Это закон выживания. В Хуаресе беспечность не оправдание.

Двое мужчин заблокировали дальний выход, их темные силуэты вырисовывались на фоне мерцающих неонам салунов на той стороне. Мануэлю не нужно было оглядываться, чтобы знать – позади него еще двое, это легко читалось в уверенном поведении тех, кто перед ним.

– Эти *hombres* держат тебя в мешке, Мануэль, – сказал он себе. – Теперь у тебя есть отличный шанс получить нож в брюхо или раскинуть мозгами по асфальту. Неважно, до или после того, как они получат твою пару сотен. Или прямо во время сделки. Скоро твои солары, да и твое будущее сгинут...

Спрятаться было негде, *hombres* уже следили за ним, понимая, что замечены. Он не мог сбегать и не надеялся отбиться – их было слишком много, и они знали свое дело. Такая потеря... Сентаво к сентаво, песо к песо, солар к солару; Мануэль копил деньги, работая то вышибалой в салунах Хуареса, где ему часто удавалось заболтать дебошира и сделать ненужными более жесткие меры,

* Сюдад-Хуарес – крупный мексиканский город на границе с США, известен как самый опасный город Мексики (Прим. перев.)

то на других случайных работах. Он копил солары, безжалостно отказывая себе во всем, кроме предметов первой необходимости. Если он не зарегистрируется сейчас, этим вечером, то его место будет занято следующим претендентом из очереди, и он навряд ли сможет снова подняться до истечения возраста регистрации. Для космоса годились только молодые люди; двадцатилетние были уже слишком стары, чтобы начинать длительную подготовку.

Было множество достойных претендентов, и соискатель должен был использовать свой шанс, когда он у него появлялся, иначе шанс будет упущен навсегда. Там ему не посочувствуют, и оправдания будут бесполезны.

Если он не станет сопротивляться, то, возможно, его не убьют. И все же он не мог отдать деньги, скопленные для взноса. Целью всей его убогой жизни был этот момент, поступление в Университет, бегство от ужасного прозябания, момент, который наступил этим вечером на двадцатом году его жизни. Его деньги были эквивалентны его жизни. Он должен попытаться спасти их.

Как? Никакого выхода нет. Он один.

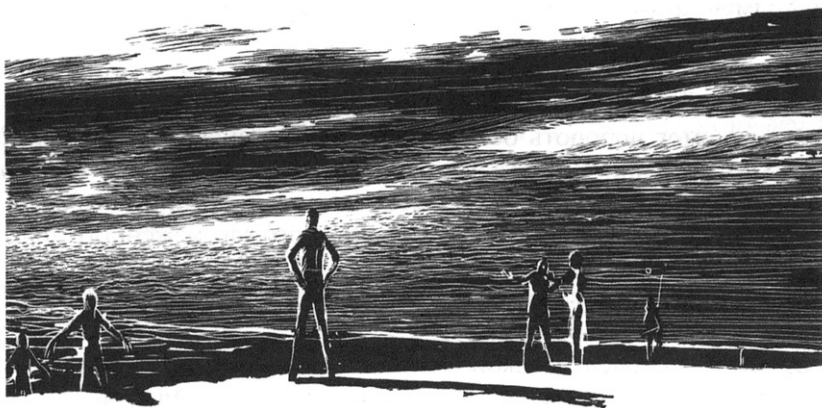
Никакого выхода нет... Кроме неожиданного. Такой нашелся.

THE MESSAGE

"Stupid" means the failure to learn from experience. And one of the lessons he had learned was the useful one that if an answer is sufficiently way-out wrong, it can be right!

PIERS ANTHONY and FRANCES HALL

Illustrated by John Schoenherr

Он должен блефовать. Он должен их удивить.

Мануэль ускорил шаг – вперед, к шпане. Он помахал рукой и крикнул, словно боялся, что его могут не заметить.

Удивить. Сбить с толку.

Что он будет делать или говорить, когда дойдет до них, Мануэль не знал.

ЭРИК ЛАРСЕН, капитан звездного корабля «Альфа-1», неподвижно сидел за столом и хмурился, глядя на тонкий лист бумаги в руке. Он посмотрел на входящего Рамиреса, и хмурый напряженный взгляд сменился на холодный и неодобрительный при виде темнокожего ксенолога, одетого в гражданский белый костюм.

Рамирес подумал: *Diablo! Каждым дюймом своего тела этот колонист, el Capitan, показывает, как он уязвлен. А только вчера я надеялся, что он успокоится.*

Он знал, что для Ларсена это был первый опыт командования ССЗ – сверхсветовым звездолетом. «Альфа-1» был первым суперкораблем, принадлежавшим Ригелю, первой звездной колонии Земли. Это был первый торговый рейс, организованный новым владельцем, кроме того, это был и первый в истории рейс из Ригеля к Тау Кита в колонию на Холмене. Можно было ожидать, что молодой человек, на которого возложена такая ответственность, будет вести себя весьма сдержанно. Более того, в середине перехода прибыла капсула от исполняющего обязанности руководителя Ригеля и содержащая приказ, который капитан не мог не посчитать дурацким: «Альфе-1» предписывалось не обходить третью вершину звездного треугольника; вместо этого корабль и его команда должны были отправиться на Землю, чтобы забрать там пассажира, следующего на Холмен, а именно, Рамиреса. Все это вряд ли могло улучшить настроение капитана.

Все это Рамирес принимал во внимание; все это он мог попытаться уладить. Но ни тактичным поведением, ни дипломатией Рамирес не смог побороть обиду капитана. Он снова посмотрел на коротко стриженного светловолосого человека и получил в ответ ледяной взгляд голубых глаз. Злость в этом взгляде питалась из более глубоких колодезев, нежели уязвленное эго рассерженного колониста. Что происходит?

Капитан сунул ему бумагу.

– Взгляните, доктор Рамирес.

Бумага была очень тонкой, грязно-желтого цвета. Обе стороны были заполнены точками и черточками, сгруппированными в тесно расположенные квадраты. Походило на азбуку Морзе, однако даже самый зеленый член экипажа не принял бы это за человеческое послание. Рамирес с любопытством потрогал гладкую поверхность.

Невероятно, но такое сообщение могло означать только одно.

– Это тарганский код.

Капитан Ларсен кисло улыбнулся.

– Очень хорошо, доктор Рамирес. *Очень* хорошо. Скажите, вы, случайно, не можете прочитать этот код? Если уж на то пошло, доктор – вы можете читать на тарганском?

Рамирес проигнорировал подколку. Он не вполне понимал обиду колониста на него, но прошлое помогало тщательно контролировать свое поведение. Почти машинально он сунул руку в карман. Рамирес сжал в ладони два медных сентаво и продолжал их сжимать, пока края не вмялись в плоть. Пока нет взаимопонимания, не следует реагировать на провокации. Он спокойно ответил:

– Я имею представление и о том, и о другом, сеньор капитан...

– *Имеете представление?* – сухо прервал Ларсен. – Возможно, я неправильно понял. Из приказа у меня сложилось впечатление, что моим кораблем завладел автор первого официального словаря тарганского языка.

Со всем тщанием Рамирес постарался внести ясность.

– Капитан, доставка этого конкретного землянина на Холмен как можно скорее является важным делом, а ни один другой корабль не мог быть подготовлен вовремя. В то же время «Альфа-1» уже направлялся к Тау Кита.

– И поэтому Мать-Земля приказывает нам прервать рейс и вернуться. Земля просто не может отвыкнуть командовать передвижениями любого межзвездного корыта, в котором она сей миг нуждается, независимо от того, владеет она им или нет.

– Просьба сделать маленький крюк не слишком похожа на беспелляционное командование, и за этот крюк Земля, полагаю, очень хорошо заплатила.

Ларсен фыркнул.

– *Маленький* крюк? Нам пришлось вернуться на Землю, когда мы прошли уже треть пути к Тау. Мы потеряли целых две недели, доктор.

Рамирес продолжал:

– Что касается словаря – конечно, мы не считаем его официальным. У торгов, несомненно, имеются куда лучшие для собственного использования.

Снова насмешливое фыркание.

– Но, в любом случае, не я его автор. Я *редактировал* его, используя списки и записи, составленные сеньором Келли с Холмена.

– Вы знаете Келли?

– Я встречался с ним, когда посетил Холмена три года назад, но это было до того визита с Тарга.

До того визита. Но после появления предыдущего лагеря разумных инопланетян на Холмене. Пустынные остатки этого древнего поселения и были тем, ради чего Рамирес отправился в экспедицию на Холмен.

Холмен, единственная планета Тау Кита, почти в двенадцати световых годах от Солнца, была второй и самой удаленной колонией Земли вне Солнечной Системы. Колония была крошечной, около девятистот человек, но процветала. И два года назад судьба подбросила холменианинам сомнительную честь первого реального контакта с инопланетянами.

Первые встречи прошли хорошо. Однажды осенью с серого неба спустился огромный гладкий блок – корабль – и из него вышли гуманоиды, казавшиеся сотворенными из черного металла. Формы посетителей были слегка... неправильными. На расстоянии они казались странно нетвердыми. Это было иллюзией; они оказались довольно крепкими.

Пришельцев, похоже, эта встреча удивила больше, чем колонистов Холмена, и они стремились познакомиться. Вскоре появились определенные средства для коммуникации. Инопланетяне остались.

И продолжали оставаться.

Они не были ни чрезмерно дружелюбными, ни явно враждебными. Среди колонистов стало нарастать смутное беспокойство: изолированные девятьсот мужчин, женщин и детей, в двенадцати световых годах от Солнца.

Тарги были умны, они быстро усвоили человеческие слова, но как будто бы не могли передать свои собственные. Молодой колонист по имени Келли, обладающий лингвистическими способностями, месяцами трудился, составляя длинный, но далеко не адекватный список слов и понятий и отправил его на Землю при первой же возможности. Это было много месяцев назад. На Земле Рамирес получил эти списки и стал изучать их сутками напролет.

Можно ли получить какие-либо базовые знания о таргах путем тщательного изучения их языка? Рамирес думал, что можно. Как и в человеческих языках, что-то от их мира, их истории, их ценностей – сути их культуры – должно присутствовать и в их речи. И в их артефактах.

Но тарганские артефакты отсутствовали. Даже сообщения о них почти не встречались. Кто-то сфотографировал корабль таргов. По сравнению с его небоскребными размерами и гладкими линиями все земные ССЗ казались грубыми и неуклюжими, но ни один человек так и не вошел внутрь тарганского корабля. Однако свои гаджеты тарги показывали охотно.

Они, гаджеты, были невероятны. Казалось, они почти обладают разумом, но ни один человек, по всей видимости, никогда не исследовал их устройство. При этом, как ни странно, тарги проявили явный интерес к откровенно неполноценным машинам холмениан.

Почему? При наличии столь скудной информации, людям оставалось лишь изучать язык таргов как едва ли не единственный ключ их культуре – или субкультуре. Насколько типичными были эти визитеры?

В то время как тарги продолжали оставаться на Холмене, Рамирес сжигал месяцы своей жизни, сводя определения и предположения Келли в понятную грамматику. Теперь он знал язык так же хорошо, как и любой другой человек на его месте; но то, что он не знал, его тревожило. Он воззвал с просьбой о помощи и некоторую помощь получил.

ПОКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ группа из лучших ученых Солнечной Системы по многим специальностям активно изучала информацию, Рамирес вылетел в Осло. Единственной коренной холменианкой в то время на Земле была девушка по имени Лидия Фаррелл, которая заканчивала в местном Университете старший курс. Она сама не видела таргов, но могла иметь информацию о них, полученную в письмах из дома.

Полностью поглощенный зловещей загадкой таргов, пытающийся просчитать неизвестные последствия первой встречи Земли с инопланетянами, Рамирес вылетел в Осло, будучи совершенно не готов к важным переменам в его личной жизни. И там он встретил Лидию.

У нее была грация нимфы, у нее было лицо мадонны в солнечном нимбе, и он понял – с потрясением, почти узнаванием – понял, что она Единственная.

Со временем исследовательская группа сделала несколько достаточно обоснованных выводов. Корабль таргов прибыл от звезды, намного более далекой, чем любая из тех, которые пытались посетить корабли землян. По общему мнению, их мир, вероятно, был планетой одного из двойных солнц. Их звездой, скорее всего, был Акрукс*, находящийся примерно в трехстах семидесяти световых годах от Солнца.

Ученые из исследовательской группы просеивали, сортировали и программировали, и беспокойство Рамиреса передавалось и остальным. Информация зияла вызывающими тревогу пробелами, непонятными несоответствиями. Они обсуждали культурные различия, например, то, что полезность важнее индивидуальности; это казалось допустимым. Однако их слово «нган», по-видимому,

* Акрукс (Альфа Южного Креста, лат. Alpha Crucis, сокр. α Cru) – самая яркая звезда созвездия Южный Крест, (*Прим. перев.*)

больше соответствовало значению человеческого слова «единица», нежели «человек». Почему?

Машинная культура? Общество-улей? Нет. Тарги были весьма независимыми. Рамиресу пришло в голову, что такие неблагоприятные коннотации могут быть результатом использования таких слов, как «нган» в сленговом контексте; возможно, в аргументе какой-то особой группы таргов; но это была только догадка, которую он не мог проверить.

В любом случае, ни Земля не могла принять на веру, что тарги являются дружественной расой, ни, тем более, Холмен. Небольшие несоответствия сохранялись. Тревожные. Что там рассказала его Мадонна? (Даже сейчас было трудно объективно разобраться в информации). Тарги проявили большой интерес к книгам по анатомии человека, позаимствовав их из новой больницы поселения с целью, предположительно, дублирования для записей своего корабля. Кроме того, тарги всегда крутились поблизости, наблюдая за колонистами и на работе, и во время отдыха. Они раздавали различные головоломки и обучали различным интеллектуальным играм – хотя сами тарги играли редко, предпочитая смотреть, как колонисты соревнуются друг с другом. «Словно они проводят нас всех через серию тестов на интеллектуальное развитие», так Лидии написала с Холмена подруга. «Зачем?»

К тому же размер их корабля. Гиперпривод, изобретенный на Земле, был сложным, но довольно маленьким. Теоретически, его размер не нужно было сильно увеличивать даже для межгалактического полета. Так что, вероятно, не из-за него тарганский корабль был таким большим, да и членов его экипажа было меньше сотни. Выходит, тарги везли груз? Если да, то почему его не выгружали? Или они рассчитывали вернуться с грузом?..

Правительство Солнечной Системы уверилось, что необходимо узнать о таргах как можно больше, гораздо больше – и как можно скорее. Рамиресу было поручено отправиться на Холмен и выяснить все, что возможно. Это и стало причиной изменения курса «Альфы-1». Девятьсот с лишним колонистов жили на Холмене, и его Мадонна была одной из жительниц. Она уже возвращалась на свою родную планету, когда Рамирес, с сердцем, бьющимся как у школьника, решил позвонить ей, чтобы пригласить на концерт... в любое место, которое могло бы стать поводом снова оказаться в ее компании. *Diablo!* Он должен был догадаться, что она отправится на единственном корабле, доступном в течение ближайших месяцев. И вернется домой, чтобы встретиться с невообразимой опасностью...

Ему нельзя опоздать.

ОТ РАЗМЫШЛЕНИЙ Рамиреса оторвал сочившийся сарказмом голос Ларсена.

— Если добрый сеньор Доктор снизойдет до того, чтобы заняться сообщением...

— Могу я спросить, как это попало в наши руки, капитан?

— Сеть перехватила это сорок минут назад.

Рамирес изучал лист, сначала у него получалось разобрать только фрагменты и отрывки; но кончики его пальцев похолодели, и на мгновение показалось, что комната кружится. Его спина напряглась.

— Могу я увидеть капсулу, в которой оно было? — резко спросил он.

Холодно взглянув на него, Ларсен залез в стол и достал капсулу.

Тарганский артефакт был очень похож на капсулы для сообщений, стандартно применяемые на ССЗ, произведенных на Земле. Подобно изделию землян, он был сделан из какого-то черного металла толщиной не больше, чем у бумажного листа и ощущался в ладони теплым. На одном торце был крошечный двигатель, который стоило бы в дальнейшем изучить на Земле — похоже, траганские корабли быстрее, чем земные ССЗ, а капсулы, если их масса была ниже некоторой критической — а их масса была значительно ниже — в гиперпространстве передвигались еще быстрее. На другом торце находилось сигнальное устройство, сейчас плотно запечатанное.

Они никогда не смогли бы перехватить капсулу, если бы та двигалась с полной скоростью; она, должно быть, только начала свой путь.

— У вас есть полные гипергеодезические данные этой капсулы, капитан?

— Естественно.

Капитан снова порывлся в столе и протянул Рамиресу листок, на котором был выписан длинный ряд цифр и букв. Рамирес изучил их и выполнил довольно сложные вычисления в уме. Некоторые данные говорили о курсе капсулы при перехвате; остальные представляли собой перевод в десятичную систему координат пункта назначения, закодированных в самой капсуле. Еще один набор показывал положение, курс и скорость «Альфа-1» во время, когда были приняты сигналы капсулы.

Ларсен сказал:

— Теперь, несомненно, мы знаем, где находится их родная планета. Или будем знать, как только вы соизволите сказать...

Но Рамиресу было не до обид, он не обращал внимания на манеры Ларсена.

– Если в расчете нет ошибок, то мы правильно определили местонахождение их родного мира. Эта капсула направлялась к Акруксу.

– И что же в сообщении, *доктор*?

Рамирес не мог быть уверен в каждом слове; но он знал с роковой убежденностью, что его перевод был достаточно правильным.

Кому: Командующему Эхам, X-Кибернет Поставка оборудования.

От: Палгат Бэкс, Действующий Поставщик, Капитан «Молоха».

Тема: Пригодность X-Кибернет Единиц, Сектор 3.

1. Запас единиц обнаружен на планете в Секторе 3, см. тему предыдущего сообщения.

2. Весь запас единиц планеты имобилизован в соответствии с планом и передан в грузовые трюмы корабля.

3. Единицы в отличном состоянии. Передача была выполнена без функциональных нарушений, но, чтобы избежать нежелательных последствий, никакой дальнейшей имобилизации, кроме фазы 2, не предполагается.

4. Единицы в фазе 2 будут доставлены для последующей обработки.

– *Вот теперь* ясно, почему тарги путешествуют на таком гигантском корабле! – сказал Рамирес севшим голосом.

Ларсен забрал копию.

– Я получил прямые указания от исполняющего обязанности руководителя Ригеля – в спецкапсуле, цените! – давать вам полную информацию о любых инопланетянах или об их коммуникационной активности и консультироваться с вами по любому вопросу в этой области. Итак, я консультируюсь. Положим ли мы это сообщение обратно в капсулу и позволим ли ему возобновить свое путешествие, или вы хотите оставить его для своей коллекции, доктор?

Лицо Рамиреса посерело.

– Сеньор капитан, теперь это совершенно неважно! Сначала нам надо подумать, как...

Ларсен резко прервал его:

– Я с вами проконсультировался. Я выполнил свои обязательства. Можете идти, доктор Рамирес.

Рамирес уставился на молодого капитана. Ларсен ничего не понял!

– Капитан, мне следует рассказать вам...

– Доктор, – сказал Ларсен со сдерживаемой яростью. – Я честный человек. Я собираюсь объяснить вам прямо сейчас, почему ваше присутствие в каюте для меня невыносимо. А потом вы уйдете – самостоятельно или вам помогут.

Ларсен сунул руку в карман и достал диск размером со старинный североамериканский доллар. Он передал его Рамиресу.

– Посмотрите сюда. Что вы видите?

Не испытывая никаких предчувствий, Рамирес взглянул на диск... и сжал его, и смотрел на него, не отрываясь. Он взял свои чувства в железную хватку; ему *необходимо* сотрудничать с капитаном, а капитан должен избавиться от какого-то яда, мешающего ему воспринимать информацию.

– Я вижу... мадонну, – сказал он, наконец.

– Она действительно невероятно прекрасна, – Ларсен забрал медальон, вглядываясь в объемную и живую иллюзию. Его черты смягчились. – Это... Лидия. Я встретил ее в Осло. Я изучал астрологию в их Университете, пока Ригель вел переговоры по «Альфа-1». Лидия закончила университет с отличием и вернулась к своему народу на Холмен месяц назад. Она стала моей невестой...

Наверное, вот такие ощущения, смутно подумал Рамирес, можно испытать, увидев, как тебе отрубили руку и, понимая, что сейчас почувствуешь боль.

Так тебе и надо. Тогда было еще не слишком поздно. Ему не нужно было смиряться...

Но время безвозвратно утекало. Даже сейчас может оказаться, что Лидии уже не успеть помочь. Он встряхнулся и быстро восстановил самообладание.

– Позвольте поздравить, у вас прекрасный вкус, – услышал он свои слова, обращенные к Ларсену.

– Не позволю! Я должен был жениться на ней, как только мой корабль... «Альфа-1»... прибудет на Холмен в годовщину основания поселения Холмен. Это должно было бы стать замечательно символично – новое событие, годовщину которого тоже можно будет отмечать, наряду со старым, дата начала торговли, независимой от Земли. И капитан этой экспедиции собирался жениться на самой красивой и умной девушке нового Холмена. Да, на девушке, которая на этой картине... И ты все разрушил!

Рамирес бурно запротестовал:

– Я, капитан?!

– Вы. Вы, я полагаю, являетесь тем, кто потянул за политические нитки, чтобы получить пассажирский билет на независимом корабле – что вообще не планировалось. Вы, в конце концов, тот, кто каким-то образом оказал давление на исполняющего обязанности руководителя Ригеля, чтобы он приказал судну в экстренном порядке совершить крюк на Землю. Зачем? Затем, чтобы подобрать учнейшего доктора Рамиреса, зачем же еще? Все потому, что вы изо всех сил стремились почирикать со своими тарганскими друзьями. А по этому сообщению, похоже, что они уже покинули Холмен. Очень жаль, доктор, что вам как-то удалось вовлечь в это дело

правительство Солнечной Системы. Землю просто нельзя обойти, так? Любой предлог для того, чтобы Ригель и Холмен оказались привязаны к ниточкам, за которые она дергает. Дурацкий прыжок, который вы меня вынудили сделать, задержал график на целых две недели. Вы понимаете? Я прибуду в Холмен на две недели позже и *опоздаю на собственную свадьбу!*

Это не конец. Это *еще не* конец. Свадьбы не будет. Но это было все равно как тревожиться о мелочи, потерянной во время Холокоста. Ему *следует* контролировать себя, если он хочет контролировать капитана.

— Но сообщение определенно объяснит...

— Да, сообщение. Точнее, капсула с сообщением, или вы в своей премудрости знаете другой способ отправить послание, которое может опередить корабль ССЗ? Да, такое сообщение могло бы разъяснить ситуацию. Но капсула не отправлялась.

— Я не понимаю...

— Я и не думал, что вы догадаетесь. Это уж слишком, искать интеллект в докторе-гуманитарии. Я изложу это словами, которые даже вы сможете понять: ни одно сообщение не было отправлено, потому что ваше земное правительство поставило на ваш проект клеймо «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

Конечно. Он совсем об этом забыл.

— И получилось, — яростно продолжал Ларсен, — что я оставил свою невесту у алтаря безо всяких объяснений. Она, должно быть, решит, что случилась катастрофа, и я погиб в космосе. Когда она узнает, что я жив, она подумает... о боже, она, наверное, посчитает, что я не люблю ее достаточно, чтобы быть пунктуальным. *Теперь* вы понимаете, сеньор Доктор?

Рамирес понимал. Он посмотрел на ситуацию с точки зрения Ларсена. Неудивительно, что мужчина расстроен, и его бесит каждое напоминание. Ларсен смотрел на своего пассажира как на источник невыразимого страдания своей любимой.

Его нельзя судить строго. Но главный шок для него еще впереди.

— Извините, капитан. Но вы *не понимаете*.

Ларсен вскочил на ноги.

— Вон!

Рамирес понял, что разумный подход тут не годится и отказался от него. В два прыжка он оказался у стола капитана, возвышаясь на добрых два дюйма над коренастым Ларсеном. Тренированная рука схватила капитана за ладьяны.

— Я слушал вас, Ларсен. Теперь вы будете слушаете меня. Это важно!

У Ларсена отвисла челюсть. Рамирес не дал ему возможности говорить.

— Я попал на ваш борт не в качестве туриста, капитан. Меня послали, потому что было сильное подозрение, что безопасность колоний и, возможно, самой Земли подвергается угрозе от этих самых тарганских гостей на Холмене. Лучше благослови отсрочку, причиной которой стал твой крюк потому что эта задержка и слепая удача дали нам подтверждение.

Ларсен напрягся, Рамирес чувствовал твердую мускулатуру под темно-синей униформой.

— Надеюсь, ваша история окажется достаточно убедительной, чтобы не надевать вам наручники, доктор, — пробормотал капитан. Теперь он готов был слушать.

Рамирес сел на стол и заговорил, тщательно подбирая слова.

— Сообщение, Ларсен, сообщение. Тарганская капсула, которую мы перехватили. Она рассказывает всю историю.

Капитан ответил непонимающим взглядом.

— Они купили на Холмене машины. Какое это имеет отношение к...

— Машины! — воскликнул Рамирес. — Великий боже, сеньор, нет! Не машины.

— Кибернетические устройства. Компьютеры. Это то же самое.

— Икс-кибернетические единицы, — поправил Рамирес. — Я назвал этот термин *Иксом* потому что, похоже, ни в одном земном языке, который я знаю, нет точного эквивалента. Но если попытаться перевести, самый близкий термин, что я мог бы предложить, был бы *био*. Био-кибернетические единицы. А другое слово, «нган», также может быть переведено как «личность». *Это они говорят о человеческих существах!*

Лицо Ларсена побелело.

— Но единственная планета, которую они посетили...

— Верно, капитан. Холмен. За гостеприимство тарги оплатили тем, что похитили все его население!

— Холмен!

Ларсен, неосознанно проявив собственные недюжинные интеллектуальные способности, дословно процитировал сделанный Рамиресом приблизительный перевод тарганского сообщения:

— «Весь запас единиц планеты иммобилизован в соответствии с планом и передан в грузовые трюмы корабля». Вся планета! Десятки тысяч человек!

— Даже больше.

— Они уничтожили планету?

– Этого мы не знаем, капитан. В сообщении говорится: «Единицы в отличном состоянии». Будем надеяться, что люди пока что не пострадали.

Рамирес замолчал, задумчиво разогнул пальцы и, разглядывая свои квадратные ногти, ждал, когда Ларсен поймет остальное. Он понял. Рамирес сжал пальцы в кулак.

– Лидия! О, нет, нет! Они...

Рамирес ударил его, достаточно сильно, чтобы прекратить истерику

– Скажите спасибо, что вы выбрались из графика, сеньор капитан. Вас бы тоже забрали. Теперь, по крайней мере, у нас есть шанс...

Лицо Ларсена прояснилось. Он был молод и эмоционален, но Рамирес рассчитывал на то, что люди просто так капитанами не становятся. Когда Ларсен снова заговорил, его голос был под контролем.

– Этот корабль, «Молох»... Мы, должно быть, очень близко от него, иначе никогда бы не перехватили эту капсулу. У нас есть его гипергеодезические... – его ладонь шлепнула по интеркому. – Джефри! – рявкнул Ларсен. – Расконсервируйте аварийные лазеры и держите их в готовности. Живо! Измените курс, чтобы отследить источник той капсулы, которую мы выбрали. Приведите людей в состояние полной боевой готовности – НЕМЕДЛЕННО!

Рамирес сказал:

– Капитан, но это же не военный корабль. Мы не можем...

Ларсен безраздно улыбнулся.

– Можем, доктор, можем. Фактор неожиданности и точно нацеленный луч – так в космосе можно взорвать любой корабль.

– Капитан, *нельзя* рисковать «Альфой». Если они взорвут нас первыми, а мы не знаем, на какой дистанции действует их иммобилизатор, то тогда Земля не будет предупреждена.

Ларсен колебался только мгновение.

– Мы отправим на Землю капсулу. Так вас устроит, доктор?

Рамирес не стал напоминать ему о секретности.

– Но даже если нам удастся их уничтожить, мы проиграем, капитан. Вспомните: эти... единицы... они были переведены на их корабль!

Это заставило Ларсена задуматься.

– Я не могу взорвать Лидию... Я не могу убивать людей. Но мы должны сделать *хоть что-то*! – впервые Ларсен обратился за помощью к Рамиресу. – Что нам делать?

Он недоумевающе посмотрел на пару старых медных монет на ладони Рамиреса.

Рамирес тоже смотрел на монеты. Его разум работал на полную мощность.

— Была однажды похожая ситуация, почти похожая... — пробормотал он. — Враг, так или иначе, защищен от нашей атаки. И, судя по этому сообщению, им чужда жалость. Если мы их упустим, люди с Холмена наверняка умрут. Если не хуже.

Ларсен недоверчиво спросил:

— Похожая ситуация?

— У нас есть только одно оружие: слова.

Ларсен резко рассмеялся.

— Это *и есть* лучшая идея, которую вы можете предложить, доктор? Собираетесь уговорить пиратов вернуть людей обратно на Холмен и освободить их?

— А у вас, капитан, есть идеи получше?

Ларсен медленно покачал головой.

— Это невозможно, — категорично заявил он.

— Однажды в Хуаресе это сработало.

— Ладно, у нас нет выбора. Когда мы отправляемся?

— Мы?

— С визитом к этому Палгату Бэксу.

— Нам нельзя терять времени, капитан. Сначала мы должны отправить ему сообщение, которое заставит его остановиться и подождать нас, прежде чем он ускорится так, что наших сил не хватит его догнать...

КОРАБЛЬ ПРИШЕЛЬЦЕВ возник, как огромная дыра в голубом гиперпространстве. Рандеву, конечно, было бы гораздо удобнее в нормальном пространстве, но тарги не собирались прерывать свое путешествие, и для переговоров земному кораблю пришлось приспособливаться к этим условиям. Промедли они еще час — и «Молох» стал бы недостижим.

На поверхности открылся прямоугольный проем, из него вырвался свет. Две фигуры в космических скафандрах подлетели к кораблю, примагнитились к корпусу и вошли в шлюз. Люк закрылся, давление нарастало. Вскоре они были допущены внутрь.

Рамирес подал пример, снимая скафандр и размещая его, вместе с личным оружием, на находящейся в комнате скамейке. Ларсен неохотно последовал его примеру. Они заранее договорились о необходимости этого небольшого представления; они должны были дать реальное доказательство своей доброй воли, добровольно явившись и сняв с себя оружие.

Только когда они остались безоружными, появился тарганский эскорт.

— Мы хотим встретиться с капитаном «Молоха» Палгатом Бэксом, — решительно заявил Рамирес на английском.

Вспыхнул свет. Он понимал, что электроника ищет скрытое оружие или другие подозрительные устройства. Затем молчаливые тарги сопроводили их в аскетично выглядящую каюту, в которой стоял здоровенный инопланетянин. Круглые желтые глаза смотрели на них с лица, которое, казалось, было сделано из черного металла. Это, очевидно, и был капитан Бэкс. Охранники отошли к стене. Тарг заговорил, гортанным голосом, но на правильном английском языке.

– Откуда вы узнали мое имя и название моего корабля?

Первая ошибка. Рамирес собирался обыграть этот момент без ухищрений и надеялся, что это не будет стоить ему единственного бесспорного преимущества, за которое он зацепился: знания языка таргов. Его словарь был фонетическим, он сможет понимать разговорную речь с той же легкостью, что и письменную, если будет успевать ее обдумывать. Ларсен не сказал ничего, он мрачно оглядывался.

– Мы перехватили ваше сообщение, – сказал Рамирес.

– Ты говоришь на тарганском?

Этот Бэкс был чрезвычайно проникательным, Рамирес почему-то не рассчитывал на такую настороженность.

– Наши машины смогли частично декодировать сообщение, – солгал Рамирес.

Бэкс вызвал четырех охранников.

– Отведите этих двух инопланетян в пищеблок и распылите их тела до плазмы, – сказал он на тарганском.

– Подождите! – поспешно воскликнул Рамирес. – Разве вы даже не хотите выслушать, что мы собирались сказать?

Бэкс подал сигнал, и охранники отступили.

– Один человек знает язык, другой – нет, – сказал он.

Вторая ошибка. Он попал в ловушку, его встревоженность выдала Бэксу, что он понимает тарганский. Бэкс фактически лишил его преимущества. Если не считать...

Если не считать его прошлое. И игры, построенной на том, что психика этого тарга не слишком отличается от психики шпаны из Хуареса.

– Я предполагаю, – сказал Рамирес, не торопясь, чтобы иметь время на обдумывание, – что ваша психика по сути схожа с нашей.

– Возможно, – сказал Бэкс. – Продолжайте.

Рамирес почувствовал, как Ларсен рядом с ним облегченно выдохнул. Сам он не чувствовал ничего. Любое значимое предположение, которое он мог сделать, может оказаться ошибочным. Тогда они оба – и *Dios* знает, сколько человек еще – лишатся жизни.

— Чиновники на моей родной планете Земля склонны... не одобрять использование... э-э... био-кибернетических единиц. Тем не менее, индустриальное общество, такое как наше, испытывает в них все возрастающую потребность. Поэтому мы считаем, что у нас аномальное правительство, отказывающееся признать потребности своей цивилизации.

По телу тарга пробежала мгновенная судорога, которая, видимо, была эквивалентна подтверждающему кивку. Рамирес выиграл — возможно — первый раунд. Теперь, если он сможет избежать дальнейших ошибок...

Он продолжил с вкрадчивым лицемерием:

— Честно говоря, после того, как я понял смысл вашего сообщения, которое мы перехватили, я захотел поговорить с вами лично.

Бэкс выглядел скучающим.

— О чем?

— Как я отметил в своем послании к вам, мы можем оказаться полезными друг другу. В нашем секторе для честного предпринимателя стало практически невозможно получить достаточное количество единиц для удовлетворения наших потребностей из-за...

притеснений со стороны властей. По этой причине я порвал с, э-э, организацией, занимавшейся этими делами. Но теперь я наткнулся на вас, а ваши технологии, похоже, гораздо более эффективны, чем наши. Вы можете обойтись невероятно небольшим количеством единиц! Мы никогда не считали, что имеет смысл тратить время на сбор популяции размером с холмогусовскую, насчитывающую менее тысячи человек; стоимость такого рейда вряд ли окупится. Честно говоря, сэр, я мог бы оплатить вашу помощь в моем возвращении в бизнес. Если вы захотите поделиться своим секретом с нашими техниками и показать нам, как можно использовать только одну единицу, там, где нам требуется две или больше...

Имело ли для тарга смысл то, что он наговорил, или он решит, что все это пустое сотрясение воздуха?

– Идемте, – сказал тарганский капитан, и Рамирес облегченно вздохнул.

В тускло освещенных коридорах отдавалось эхо их шагов. Бэкс привел их к балкону с видом на обширный блок клеток. В них вперемиш были заключены мужчины, женщины и дети. С того расстояния, с которого смотрел Рамирес, они казались невредимыми, у пленников пострадало разве что чувство собственного достоинства. Было шумно и воняло, что свидетельствовало не в пользу тарганской санитарии. С пленниками, очевидно, обращались, как с крупным рогатым скотом. Рамирес почувствовал, как рядом застыл Ларсен.

Рамирес переживал за стабильность Ларсена. Он предпочел бы отправиться в одиночку, но Ларсен воспользовался капитанскими привилегиями и настоял на своем участии. Лидия была где-то в глубинах этого адского корабля. Рамирес попытался отстраниться от этой мысли, чтобы она не нервировала его. Он не был слишком уверен, что сохранит собственную стабильность, если увидит здесь Лидию.

Во время лихорадочной погони «Альфы-1» за тарганским кораблем Рамирес тщательно инструктировал Ларсена. От инопланетян можно ожидать, говорил он, что они покажут визитерам отвратительные картины, чтобы спровоцировать их на проявление подлинных чувств, но времени вдаваться в детали не хватило. К его облегчению, хотя Ларсен и побелел, но самообладания не потерял.

– Я удивлен, что вы их еще не обработали, – сказал Рамирес Бэксу. – Мы выяснили, что возникают проблемы, если проходит слишком много времени.

– Это ваши проблемы, – констатировал Бэкс. – Вы слишком поспешно редуцируете их, как и я сам делал до того, как изучил осо-

бенности этой торговли. Вы вынимаете мозг и отправляете только его, правильно?

— Я не техник, — ответил Рамирес, пытаясь избежать очередной ловушки. — Я не знаю, насколько много сейчас они оставляют. Но вес является важным фактором и поскольку тела бесполезны...

— Излишнее редуцирование расточительно, — возразил Бэкс. — Слишком грубо. Вы отбрасываете спинной мозг, нервные окончания, даже нервные узлы. Я прав?

Рамирес заторможено кивнул. Он не осмеливался посмотреть на Ларсена.

— В результате, у вас есть высокие потери от трансинсталляции и дебилизации, особенно в системах, где требуется точность и интеллект, а потом клиент требует возврата денег. Я прав? Другие единицы скоро начинают плохо функционировать и умирают, а ваш клиент жалуется на высокую смертность. На нашей планете такие дефективные единицы, естественно, имеют низкую ценность.

Выходит, гипотеза Рамиреса о предназначении «единиц» оказалась правильной. Компактные и эффективные компьютеры, которые на самом деле были органическими мозгами, использовались в тарганских машинах для управления сложными автоматизированными процессами. Неудивительно, что их технологии превосходили земные. Как происходила трансплантация, как контролировался мозг, по-видимому, обладающий сознанием, он не хотел и предполагать. Но такую практику вряд ли одобряло подавляющее большинство членов цивилизованной расы. Он столкнулся с недобросовестным частным предпринимателем.

Или нет? Возможно, он совершает антропоморфическую ошибку, приравнивая этические ценности человека к этике инопланетной расы? В этом отношении даже человеческие этические ценности были далеко не единообразными на протяжении многих лет. Правда, трансплантация мозга всегда *была* вне закона, но только в отношении человеческих существ. Рабство являлось нормой в течение многих веков, прежде чем было запрещено. Ему необходимо больше информации, больше времени, чтобы подумать. И все же он не должен слишком долго молчать, давая дополнительное время на обдумывание уже Бэксу.

— Если вы решили эти проблемы...

Бэксу, похоже, нравился интерес к этой теме.

— Централизованная обработка. Вот ответ. Квалифицированные специалисты, надлежащие средства, неторопливое удаление лишнего — и вы можете гарантировать своему клиенту полностью приспособленные и интеллектуальные устройства.

Крупный оператор, с организацией, имеющей возможность для централизованной обработки и отправки капсул с сообщениями на базу. Мог ли он исключить возможность того, что тарганское правительство смотрит сквозь пальцы на деятельность Бэкса, а то и подстрекает его?

— У вас не возникает проблем с психическим сопротивлением?

— Шоковый коллапс? Раньше случалось, пока мы не выяснили, как сохранить функции лобных долей. Прижигание центров сна до начала переделки является частью ответа. Благодаря этому и с применением некоторых других предварительных мер, мы можем гарантировать нашим клиентам полный контроль над сознанием единицы.

— Звучит рискованно.

— Это работает. Теперь, наверное, вам захочется узнать, как мы добиваемся максимальной эффективности от единицы? Химическая обработка оригинального набора. Да, требуется больше времени, чтобы преобразовать тело в жидкую плазму, но клиенты платят нам за качество. На точно определенной стадии размягчения позвоночника набор следует удалить из чана и подвесить. Квалифицированные техники-хирурги затем вытаскивают почти всю более-менее нетронутую центральную нервную систему. Сохраняется слух, глаза остаются функциональными. Болевые центры за пределами самого мозга могут быть использованы как инструменты для контроля качества работы.

Комната покачнулась и размылась. Рамирес с усилием взял себя в руки.

— А как насчет обучения?

— Через несколько часов после трансплантации многие из наших единиц уже способны взаимодействовать с инструктивными стимуляторами. В центре к вашим услугам имеется группа экспертов — специалисты по адаптации, доведению до кондиции, стандартизации, преподаватели, программисты, даже деперсонализаторы для особо упорных случаев. И все знают свою работу. Дополнительный вес неважен, если учесть, какого высокого качества продукт вы получаете, отправляя весь набор живьем.

Тарг честно давал ему «ответ» или вел в какую-то западню? Рамирес пристально смотрел в желтые кошачьи глаза Бэкса и ничего не мог прочитать.

— Ваши объяснения произвели на меня впечатление... если все и в самом деле так. Тем не менее, живой груз на практике является источником множества проблем — требуется обеспечить питание и удаление отходов, возможны потери единиц из-за панический реак-

ции. Некоторые наши единицы получали повреждения в результате иррациональных попыток побега.

Бэкс провел их через короткий коридор в другое помещение. Одна из стен была расчерчена, словно это был встроенный в стену огромный шкаф или хранилище с выдвижными ящиками. На каждой стене была небольшая панель с маленьким отверстием. В помещении стоял жгучий неприятный запах от нескольких потных таргов. Они были одеты только в желтые рабочие штаны и толкали агрегат, напоминающий сундук, в дальний конец большой комнаты.

– Вот так мы решаем эту проблему, – сказал Бэкс. – Пересылка в состоянии бодрствования непрактична. Именно поэтому мы, для удобства, перемещаем их во второй фазе.

Бэкс пролаял приказ троем охранникам, и те метнулись прочь, чтобы вернуться через несколько минут с сопротивляющимся колонистом.

– Наблюдайте.

Рамирес обрадовался, что человек, отчаянно боровшийся за свою свободу, не заметил, что в комнате находятся и другие люди – он сам и Ларсен.

Он скорее почувал, чем почувствовал, как рядом с ним зашевелился Ларсен. *Dios*, Ларсен сейчас *обязан* сдержаться, иначе все потеряно! И тот сдержался, несмотря на то, что пришлось смотреть на шумную борьбу мужчины, которого тащили в сундук. Два тарга его удерживали, пока третий сдирал одежду. Гоголого и сопротивляющегося изо всех сил человека засунули ногами вперед в сундук, принудительно сложили в позу эмбриона и закрыли плотной крышкой. Черный контейнер точно подходил по размеру, очевидно, его специально подогнали под человеческие параметры.

Пока что, казалось, в этой демонстрации не было смысла, если только это не был ящик смерти, а намерение Бэкса не состояло в том, чтобы потрясение вынудило его сделать новую ошибку. Сможет ли человек в контейнере дышать? Рамирес осознал, что его ладони вспотели. Он разжал кулаки и ждал, надеясь, что вспыхивающему Ларсену хватит сил сдержаться.

Техник в серой тунике гортанно заговорил в панель рядом с контейнером. Немедленно кран-журавль подвел квадратную медную пластину к сундуку и с невероятной точностью остановил пластину над ним. Рамирес посмотрел на панель управления, к которой никто не притрагивался. Он заметил в панели круглое углубление. Глаз? Вдоль позвоночника Рамиреса пробежал холодок. Бэкс, который проследил за его взглядом, кивнул и заговорил, обратившись к панели. Тут же стена рядом с панелью осветилась изнутри. Став прозрачной, как стекло, стена позволила увидеть все детали

объекта, находящегося внутри – мозг с позвоночником, наполовину погруженный в какую-то питательную жидкость, центр пульсирующей нервной системы, натянутой на раму, напоминающую небольшой ткацкий станок.

– Видите, чего позволяет добиться корректная обработка? Конечно, это тарганская единица, но спинной мозг, по сути, идентичен человеческому.

Медная пластина легла на контейнер как своего рода нашлепка. Подошел техник и провел червеобразными пальцами вдоль края этой нашлепки, проверяя на герметичность. Он взглянул на панель и отдал еще один приказ. Мозг, казалось, запульсировал. Пластина поднялась, готовая к дальнейшему использованию.

Тарги в желтых штанах – рабы? – равнодушно сняли крышку. Металлическая рука опустилась и запустила свои гибкие когти в сундук. Рука двинулась вверх – и следом человек, прекрасно видимый, в прозрачном твердом блоке, непонятно из чего сделанном. Выдвинулся один из ящиков стенного шкафа. Когти без дальнейших указаний двинулись туда и вложили блок в ящик. По приказу техника другой панели ящик задвинулся с отчетливым щелчком. Рамирес невероятным усилием подавил мощный позыв к рвоте.

– Великолепно! – воскликнул он. – Мгновенный стазис. В этом и заключается ваш секрет?

– Мы верим в эффективность, – самодовольно сказал Бэкс. Похоже, этот тест они прошли. – Конечно, вам знакома подобная техника?

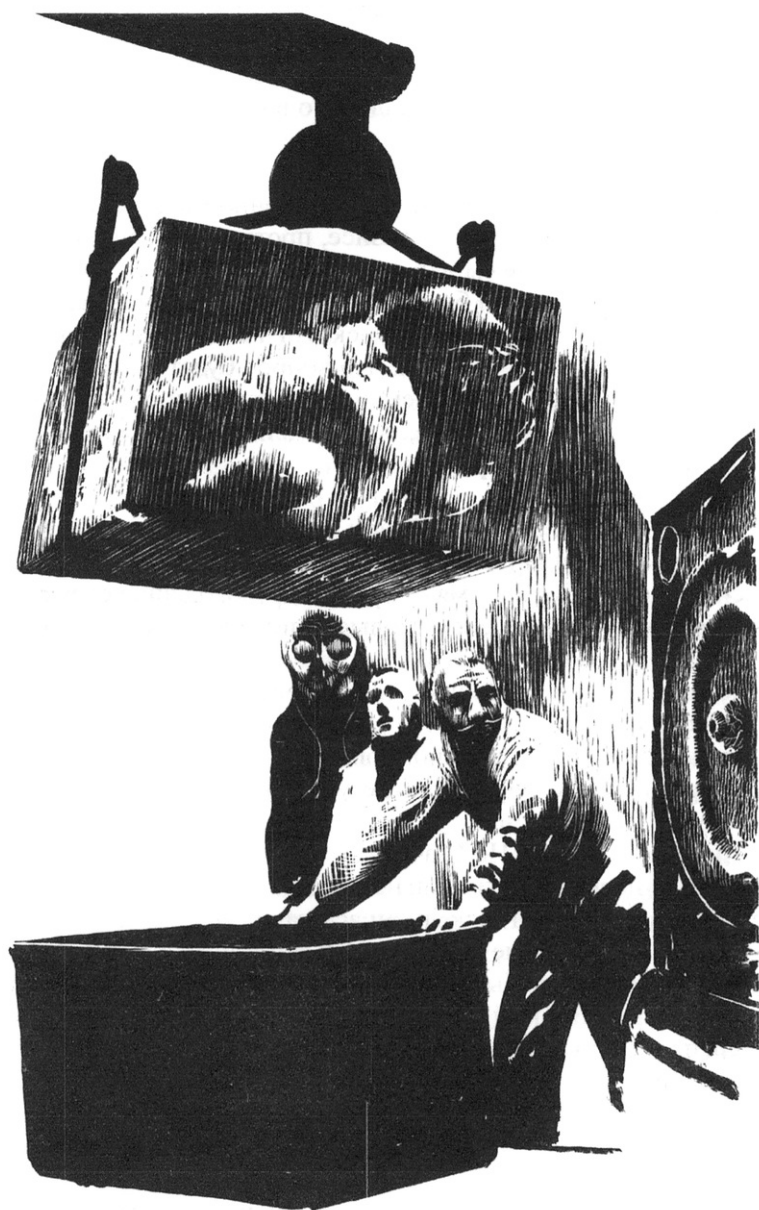
– У нас есть технология глубокой заморозки, она отчасти похожа, но мы никогда не думали о таком ее применении. Ваша изобретательность делает вам честь.

– Возможно, мы смогли бы заключить соглашение, – сказал Бэкс.

Сердце Рамиреса подпрыгнуло. Тарг, наконец, клюнул? Теперь, возможно, удастся узнать наверняка, на какой стороне тарганского закона действует Бэкс.

– Мы тоже, – продолжал Бэкс, – испытываем затруднения из-за действий некоторых элементов в Директорате, отвергающих единственно правильное и действенное решение проблемы перенаселения. Хотя совершенно очевидно, что без биокибернетики бизнес цивилизации придет в упадок, бесконечно возникают лицемерные возражения против использования единиц, полученных из таргов.

...Значит, много возражений. Рамирес сейчас чувствовал уверенность в том, что Бэкс, вместо рейдерского налета на тарганские трущобы, проделал долгий путь к Холмену в поисках единиц других видов. Он был вне закона.

Это многое упрощает. Вы не можете обмануть честного человека. Рамирес должен каким-то образом использовать это как ключ к своей стратегии. Он насторожился, Бэкс запускал второй пробный шар.

– Тем не менее, нет конкретного закона против использования инопланетных единиц.

– Ага! Это именно то, на что я рассчитывал!

Рамирес пытался выглядеть радостно возбужденным и говорить соответственно.

Воодушевленный, Бэкс продолжил.

– Мы можем предоставить вам определенное количество единиц тарганского происхождения в стагисе, против чего ваши собственные администраторы не смогут возражать...

– Думаю, что мы могли бы поставить эквивалентное количество нашей собственной продукции, – сказал Рамирес после соответствующей паузы, – при условии, что вопрос будет решен с соблюдением требуемой, гм, конфиденциальности, – он сделал вид, что колеблется. – Мое начальство, конечно, потребует, э-э, контракт, подписанный обеими сторонами.

Тарг улыбнулся.

– Формальное соглашение? В нем нет необходимости.

– В случае неожиданной смены персонала, иметь некоторые соглашения необходимо. Время от времени руководящие структуры в организации резко меняются. Новые... лидеры могут оказаться не знакомы с деталями.

Бэкс исполнил свою версию утвердительного кивка.

– А. Понимаю.

Еще бы. Из своего трущобного опыта Рамирес вынес знание, что любое криминальное предприятие управляется по какому-нибудь варианту закона джунглей.

– Это будет сделано. Но сначала...

Что-то в поведении инопланетянина насторожило Рамиреса. Еще не все закончено. Неужели он все-таки себя выдал?

– Нынешняя партия не попадает под действие соглашения, – сказал Бэкс. – Но, может быть, мы сможем сделать несколько дополнительных предложений для эффективной обработки единиц. Например, процедуры для разных полов не идентичны. Позвольте мне указать на нюансы.

– Очень предусмотрительно, – сказал Рамирес, почуявший, что завоняло крысой. Какая-то подстава! Он пребывал в полной уверенности, что следующие несколько минут не будут приятными.

Он оказался прав. У Бэкса нашелся сильный козырь и сейчас он его разыграл, точно выбрав момент. Моделью для демонстрации стал не мужчина.

Фигура девушки между неподвижными тарганскими охранниками, казалось, засияла, когда его взгляд сосредоточилось на ней, в то время как рабочее помещение потускнело. Каждый объект, все-

все исчезло из его сознания, кроме девушки. Угрюмые инопланетяне, массивный черный корабль — все провалилось в никуда.

Она была на полпути к платформе, ее макушка с распущенными локонами едва доходила до груди охранника, который по сигналу Бэкса бесцеремонно толкнул ее вперед. Девушка едва не упала, но удержалась, схватившись за стойку. Она начала выпрямляться и замерла, всматриваясь в подсвеченную тарганскую единицу. Охранник вздернул ее на ноги.

Какая-то его часть не должна обнаружиться... Нет одной из маленьких зеленых туфелек, нестати отметил он.

Какая-то его часть знала, что сейчас никак нельзя выдавать свои чувства; Рамирес сохранял на лице невозмутимо-бесстрастное выражение, пока его разум пытался справиться, как попытается вырваться одинокий пловец, оказавшийся в черном отбойном течении. Слишком поздно он вспомнил о Ларсене.

Ларсен прыгнул к девушке с криком:

— Лидия!

Девушка медленно повернулась, ее голубые глаза мигали от ярко горящего над головой света, словно ее только что вывели из темной комнаты. Ее лицо было бледным, совершенно лишенным женского макияжа, а с одной стороны ее нежного горла виднелся темный синяк. Ее одежда из какой-то ткани, некогда мягкой и желтой, стала замызганной и рваной и не расплзалась на части только потому, что ее удерживал завязанный на боку пояс, сделанный из зеленой сетки, которая, должно быть, когда-то не давала упасть на плечи ей локонам. Выше босой ступни на ноге была ссадина.

Когда девушка подняла взгляд и внезапно увидела Ларсена, она выпрямилась. Она распрямляется, как нарцисс, подумал Рамирес, а где-то в глубине выкристаллизовывалось черное понимание, откуда у растоптанного нарцисса взялись силы, чтобы выпрямиться несмотря ни на что. Он познал боль...

— Эрик!

Они стояли вместе, Эрик и она, его сильные руки обнимали ее дрожащее тело, они не задумывались об обстоятельствах этой встречи, не заботились о последствиях. Они целовались и кружились в центре их собственной вселенной... И вселенная развалилась на части, бессильная сопротивляться черным рукам, схватившим их и потянувшим в разные стороны.

Но сейчас не было времени на боль. *Откуда Бэкс узнал?*

Изображение. У нее, видимо, был диск, понял лихорадочно соображающий Рамирес, или медальон, как у Ларсена, только с его портретом. Бэкс, учитывающий все возможности, после первого контакта с «Альфой», должно быть, приказал собрать все такие

безделушки и так получил достаточно знаний, чтобы одним ударом разрушить все хитроумные планы Рамиреса. Эмоции, продемонстрированные Ларсеном, оказались последним свидетельством того, что заключенные были не просто товаром для людей, прибывших на «Молох». Рамирес мобилизовал всю свою волю – надо действовать. И все же никакие мыслимые действия не могли бы сейчас спасти жизнь Лидии или жизни других колонистов. Тем не менее, Рамирес, отчаявшийся и неспособный на новые ухищрения, взглянул на Ларсена в поисках помощи.

Но помощь от него получить было невозможно. Ларсен пытался драться, в то время как Лидия боролась с двумя таргами. Ее и без того рваное платье во время борьбы окончательно распалось. Ларсен закричал и едва не вырвался, но с ним быстро справились и оттащили назад; но не слишком грубо, чтобы не пострадала его коммерческая ценность. Ларсен снова закричал, обращаясь на этот раз к нему.

– Рамирес, ради бога, остановите их! Помогите нам!

При этих словах Лидия дико оглянулась, тарги вывернули ей руки за спину. Она увидела Рамиреса; похоже, она впервые осознала его присутствие.

– Мануэль Рамирес! Помогите нам!

Тарги приостановились, когда Рамирес с авторитетным видом шагнул вперед. Это дало ему еще несколько мгновений на размышления. Что он будет делать дальше, он не представлял – за исключением того, что должен казаться совершенно спокойным. Он равнодушно осмотрел девушку снизу доверху, потом повернулся, чтобы окинуть блондина еще более холодным взглядом. Наконец, он повернулся к Бэксу.

– Эта единица не является частью вашего груза, – сказал он отрывисто и показал на Ларсена.

Бэкс рассмеялся.

– Кроме того, после того как вы так неуклюже напортачили, он в дальнейшем для меня бесполезен. Поэтому я ожидаю, что вы предоставите мне адекватную компенсацию.

Бэкс – удивленный? – заколебался. Молчание длилось и длилось, а Рамирес слегка расслабился, продолжая смотреть с выжидательным апломбом, выдерживая испытующий взгляд Бэкса. Наконец Бэкс решил на предварительные переговоры.

– Что вы считаете адекватной заменой?

Рамирес значительно посмотрел на содержимое прозрачной стеной панели.

Бэкс задумчиво кивнул.

– Есть запас. Думаю, мы сможем договориться.

— Рамирес, о чем ты говоришь!.. — закричал Ларсен. — Чтобы спасти себя, ты продаешь нас всех...

Ларсен смолк, когда один из торгов ловко ударил его в солнечное сплетение. Почти бездыханного Ларсена поместили в сундук. Медный лист придвинулся и опустился в наступившей тишине. По сигналу обездвиженное тело мужчины было помещено в ящик рядом с другими. У Лидии, наблюдавшей за этой процедурой, вырвался звук, что-то среднее между стоном и рыданиями. Тарги повернулись к ней.

Теперь она не сопротивлялась. Пока ее раздевали, она, казалось, погрузилась в свой собственный мир. Только тогда, когда ее стали укладывать, она посмотрела на Рамиреса. Ее губы зашевелились, но беззвучно.

Лицо Рамиреса стало пепельным. Он отвернулся. Затем появился звук.

— Предатель! — хриплый крик слабым эхом отражался от металлических стен коридора. — Предатель, предатель, пре...

Рамиреса охватила холодная дрожь. Игнорируя крик, он сжимал в кулаке медяки, пока крик не прекратился.

— Продолжайте, — сказал он Бэксу.

Ладонь в кармане стала липкой от крови.

Бэкс продолжил.

ЕГО СЕРДЦЕ колотилось, как у школьника, когда он остановился в коротком белом коридоре и постучал в дверь, за которой, он знал, была Лидия. Он хотел быть рядом во время ее пробуждения, но тарганские техники запретили, сочтя его слишком взволнованным, по существу, его просто вытолкали. Однако к этому моменту ее должны были оживить. Рамирес уже собирался толкнуть дверь, когда ее открыла тарганская женщина-техник с квадратным лицом, которая молча ему кивнула.

— Лидия?

Она была одета во что-то белое облегающее и сидела на чем-то вроде стула. Она выглядела ошеломленной после ухода техников. Девушка, явно взволнованная, встала.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Какой-то инстинкт предупредил его, что надо подождать, пока она заговорит.

— Рамирес. Мануэль Рамирес, — казалось, она не в состоянии продолжать. Она судорожно сглотнула и после этого, похоже, совладала с собой. Девушка заговорила натянутым, неестественным голосом. — Это хорошо, что можно увидеть человеческое лицо, даже...

даже здесь. Я думала о последнем, что могу вспомнить. Я искренне надеюсь, что мы неправильно судили о вас, Эрик и я.

Искренне надеюсь... мы...

По его просьбе она стала первой из возрожденных колонистов. Он посмотрел на сложенные ящики с их ужасающим содержимым. Ящики – и тарганские женщины-техники – первое, что увидели ее глаза, когда она их открыла. После этого могла ли она не поверить в версию Ларсена о его мотивах? И все же, даже поверив в такое, она заговорила с Рамиресом.

Очевидно, она тянула время и пыталась получить информацию.

Что ж, он даст ей информацию, с тем, чтобы они смогли перейти к самой важной части. *Dios*, она не должна продолжать думать, что... И все же она смотрела на него так странно, что мрачное сомнение грызло его. С кем-то еще несколько быстрых слов смогли бы заполнить информационный вакуум, с ней же он чувствовал себя странно косноязычным и беспомощным. Он подошел к ней и взял ее белые руки в свои коричневые. Руки девушки были ледяными.

– Благодарю за доверие, мадон... сеньорита Лидия.

– Где Эрик?

Девушка говорила тихо, но Рамирес чувствовал, что она старается не сорваться в истерику.

– Здесь, сеньорита.

В ответ на удивление и скептицизм, написанные на ее лице, он добавил:

– В этом же здании – в другой комнате, такой же, как эта. Он тоже скоро проснется, и вы сможете отправиться к нему. А сейчас – у вас есть вопросы?

На ее лице просияло облегчение – и сомнение. Она холодно сказала:

– Во-первых, почему Бэкс отпустил вас на свободу – если он это сделал?

Вот и главный вопрос.

– Когда охранники Бэкса вывели вас, сеньорита, я подумал, что мы пропали. Но я вспомнил аллею...

– Аллею?

– В Хуаресе – на Земле. Я был молод и полон надежд, но в аллее попался в ловушку. Несколько *hombres* – кажется, что это было очень давно – намеревались ограбить меня, а может и лишить жизни. Мне нечем было защищаться. И все же я убрался оттуда целым и со своими соларами. Я надеялся, что по такой же схеме мы сможем блефовать и с сеньором Бэксом.

Лидия смотрела на сложенные ящики, рядами по пять в высоту, вдоль всех четырех стен – прекрасно различимые обездвиженные человеческие существа. Ее друзья, соседи, знакомые, родствен-

ники. Люди, среди которых она выросла. Она содрогнулась, всего лишь раз, но сильно.

– Таким образом, вы тогда спасли себя, – сказала она, – так же, как спасаете себя сейчас.

– Хитрость, всего лишь хитрость. В случае с хулиганами в Хуаресе – мне надо было их обескуражить. Я шагнул прямо к ним и стал... *клянчить*, я правильно употребляю это слово? Я стал клянчить у них на бутылки текилы.

– И? – спросила Лидия, когда он сделал паузу.

Он видел, что она заинтересовалась и отвлеклась от своих мыслей.

– Они так поразились, что даже не удосужились обыскать меня.

– И просто-напросто раскошелились?

Рамирес кивнул, пытаясь не обращать внимания на ее очевидно насмешливый тон. Он вытащил из кармана монеты.

– Я храню их с того самого дня – можно сказать, в качестве трофеев. И напоминания об уроке.

Она посмотрела на медяки в его ладони, но не притронулась к ним.

– А у Бэкса вы тоже клянчили на текилу, сеньор Рамирес?

Diablo, почему ее насмешки заставляют его быть косноязычным?

– Боюсь, сеньорита, что именно так. Я сказал ему, что желтые волосы – ну, это вроде как отличительная особенность представителей низшего класса, что его небрежное обращение с разнополыми существами привело к потере моего замечательного слуги.

– Слуги? Это вы про *Эрика*?

– Довольно неубедительная история, но ничего лучшего в тот момент я не сумел придумать. Я потребовал возмещения.

– И, конечно же, он вам поверил...

– Он слишком поразился, чтобы *не* поверить, – настойчиво продолжал Рамирес. – Он обходил меня на каждом шагу. Он презирал мои умственные способности. Он должен был предположить, что я искренен. С другой стороны, ему не могло прийти в голову, что у кого-то хватит смелости требовать такое. Исходя из этого, он должен был предположить, что мое предложение «по чесноку».

– Предложение?

Рамирес объяснил.

– Но ваше предложение было, конечно, не «по чесноку».

Рамирес проигнорировал ее иронию.

– Видите ли, такой обмен – земляне за таргов – мог стать очень удобным для его бизнеса, и у Бэкса от жадности снесло башню. В конце концов, он подписал контракт, который я забрал с собой. Раз уж меня оказалось так легко перехитрить, то такая связь для него получалась куда как выгодней. Я вернулся на корабль...

– На «Альф-1»? Вы что, думаете, я поверю, что команда Эрика...

– Его команда была фанатично предана своему капитану, сеньорита Лидия. Я провел, когда вернулся, изрядное время в воздушном шлюзе «Альф-1», объясняя, почему оказалось невозможным забрать его вместе со мной с тарганского корабля. Но как только удалось их убедить...

– О, так вы все-таки убедили команду в своих честных намерениях?

– Это было нелегко, сеньорита. Беспольный контракт, подписанный Бэксом, не произвел на них никакого впечатления. Убедительным аргументом стала тарганская единица, на которую мне удалось раскрутить Бэкса. Я показал членам команды прозрачную сторону... И *тогда* они стали слушать. Они подхватили этот груз и соорудили для меня самую большую капсулу для сообщений, какую только можно вообразить!

– Капсула для сообщения? Чтобы отправить на Землю?

– Чтобы отправить на Тарг.

– И экипаж «Альф-1» засунул... Я хочу спросить, что же вы вложили в такую огромную капсулу – бомбу?

– Почти угадали. Я вложил туда тарганскую единицу и документ – контракт с печатью Бэкса.

Она уставилась на него.

– Это, конечно же, все исправило, – сказала она нейтральным голосом.

– Ну конечно же, сеньорита Лидия! Хотя, должен признаться, это ожидание оказалось самым трудным в моей жизни – ожидание результатов при поступлении в Университет по сравнению с этим – просто пустяк! Тарг – цивилизованная межзвездная культура, что многое делает очевидным. Он не достиг бы этого статуса, если бы мирился с вопиющим беззаконием. Очень своевременно появилось мое сообщение с неопровержимыми доказательствами...

– И вы ждали все это время, сеньор Рамирес? Где же?

– Здесь, сеньорита. Я ждал здесь – можете вообразить, в каком напряжении – ответ Тарганского Директората. За это время мы навели порядок тут, на Холмене, команда «Альф-1»...

– *Холмен*? Вы хотите сказать, что мы на *Холмене*?

– Ну да, конечно, сеньорита. Я думал, что вы понимаете... ну конечно!

Он проклинал свою неспособность изъясняться – с ней, единственной из всех людей.

– Вы считали, что мы в логове Бэкса...

Он не мог вспомнить, она ли подошла к нему, или, может быть, он сам шагнул к ней. Она оказалась рядом, лицом к нему, с обна-

женным плечом. Ее руки легли на его плечи, и он почувствовал слабый аромат. Внезапно она засмеялась – смех от искреннего облегчения и радости, от смеха она содрогалась всем телом. Она целовала его лицо снова и снова, смеясь и плача одновременно, как ребенок, который ждал наказания, а вместо этого получил подарок. Он поддерживал ее под локти. Когда смех начал стихать, он поцеловал ее теплую шею. В ее глазах, смотревших на него, сияли звезды.

– Мануэль Рамирес, вы, несомненно, самый замечательный...

Ей не удалось закончить предложение, потому что Рамирес притянул ее к себе. Когда он прижался губами к ее губам, она ответила, уже не как ребенок, но страстно и самозабвенно.

За его спиной раздалось покашливание, вслед за которым быстро последовало несколько слов на тарганском. Бессознательно Рамирес крепче обнял Лидию, молча проклиная и этого конкретного тарга в униформе и все таргово племя за такое несвоевременное вмешательство. Лидия мгновенно напряглась в его руках. Она отскочила от него, а ее глаза открылись и распахнулись еще шире, когда она, ошеломленная, увидела высокого тарга, уставившегося на них с неприкрытым любопытством. Рамирес повернулся к нему и что-то сказал. Тарг пожал плечами в том же стиле, что и Бэкс и отошел к стене, но из комнаты не вышел.

Глаза Лидии вспыхнули от подозрений. Она снова отступила, когда Рамирес шагнул к ней.

– Ты врал! Ты все время мне врал!

Они вернулись в самое начало, она снова уверилась в его предательстве.

– Ты думаешь, что я смог бы солгать тебе?

– Почему бы и нет? Ты наврал шпане в Хуаресе, чтобы спасти свою шкуру. Ты сам сказал, что врал Бэксу. И ты до сих пор спасаешь свою шкуру.

– Я... я... – на этот раз Рамирес совершенно потерял дар речи.

– Значит, вы отправили капсулу прямо на Тарг – так ты сказал – и не просто прямо на Тарг, который неизвестно где находится, но и непосредственно на самый верх властных структур Тарга.

Ее глаза мерцали голубой сталью.

– Ты дьявольски талантливо чешешь языком, раз на миг я в это поверила.

– Лидия, я...

– И что же этот инопланетянин сказал вам, сеньор Рамирес?

– Я представляю Землю на Тарге, сеньорита Лидия. Капсула с Земли, подписанная Президентом Солнечной Системы разрешает и предписывает это. Этот... э, матрос – он посланник капитана тарганского корабля.

– Какой еще тарганский корабль? Мы на Холмене – так вы сказали.

– Ну, это тот корабль, который вернулся на Холмен с людьми, похищенными Бэксом. Включая вас, сеньорита. Он привез также восстановительную аппаратуру и квалифицированный персонал, умеющий работать с такой аппаратурой. Он привез и извинения от Тарганского Директората.

– Что этот инопланетянин сказал вам? – снова требовательно спросила Лидия.

– Он сказал, что их капитан должен знать, какую каюту подготовить – на двоих или для одного.

– Понимаю, – Рамирес не мог определить по ее тону верит она ему или нет. – И вы сказали ему...

– Я велел ему подождать.

– Понимаю, – повторила она. – Это предложение, Мануэль?

Ее голос был ровным и безразличным, а взгляд – жестким.

– Нет.

– О? – она оглянулась на неподвижные фигуры в ящиках, на стоявшего у стены и заинтересованно наблюдающего тарга. Девушка вздрогнула, но заговорила с холодным сарказмом.

– Тогда что же вы имели в виду?

Он поднял ладони к ее щекам.

– Лидия, я полюбил тебя с первого взгляда, едва увидел, и да, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Но я не стану делать тебе предложение. Не теперь, когда твои глаза твердят, что ты все еще веришь, что я продал человеческую расу!

Она изучала его лицо.

– Я не смогу стать твоей женой, веря в такое, – тихо сказала она.

Гнев, казалось, оставил ее. Она положила руки ему на плечи, его ладони прижались к щекам девушки. Она попыталась совладать с собой и успокоиться. Пальцы Рамиреса сжались сильнее.

– И вам нужны доказательства, что я *не виновен* в том, что спас свою шкуру за счет колонистов? Вы можете, конечно, получить такие доказательства, просто выйдя в эту дверь. Но вы не можете здесь и сейчас поверить ничем не подкрепленному слову Мануэля Рамиреса, так?

Он молча ждал. Лицо Лидии представляло любопытную смесь замешательства и сострадания, но заговорила она решительно.

– Когда я думаю о том, от чего вы спасли меня – и Эрика, и всех нас, – если это правда, мне стыдно сомневаться. Но Мануэль, сейчас нас обоих занесло. Вы влюбились в красивое лицо и фигуру, но по-настоящему ни вы не знаете меня, ни я вас. Мы оба точно знаем, что вы бы не ограничились...

– Не решайте прямо сейчас. Я останусь здесь.

— И еще одно — вы помните об Эрике?

Будь проклят этот Эрик!

— Но, Лидия, если предположить, что мы могли встретиться раньше, вы и я? Что было бы тогда?

— Но этого не произошло, Мануэль, поэтому давайте не станем ничего предполагать.

— *Dios!* — взорвался он. — Бессмысленная ошибка во времени, слепой случай, и из-за этого мы должны просто так, покорно, подчинить ему свои жизни? Нет! Этого я не приму. Я останусь.

— У вас есть назначение на Тарг, Мануэль, помните? И во всем этом больше смысла, чем мы хотим думать. Хотели бы вы провести остаток жизни на Холмене?

— Если здесь будешь ты...

— Холмен — здесь я родилась, здесь я выросла. Я получила образование ради Холмена. Меня выбрали не случайно. Мой собственный народ отправил меня на Землю, в Университет, за меня заплатили большие деньги, ожидая, что я захочу вернуться со знаниями, которые могут быть применены здесь, они прекрасно понимали, что я не подведу их. Эрик это понимает, он тоже родом с планеты-фронтiera. Холмен станет нашим домом. По крайней мере, мы так планировали...

Ее голос затих под яростным взглядом Рамиреса.

— Я остаюсь! — повторил он.

— Разве целью *вашего* образования, образования, полученного ради того, чтобы людям Земли можно было контактировать с иными расами, с которыми, как мы все знали, мы обязательно столкнемся, разве вашей целью было желание поселиться здесь, чтобы провести жизнь на удаленной планете пионеров? Мы даже толком не знаем друг друга, Мануэль, — добавила она, не дождавшись от него ответа. — Простите. Мне стыдно. Но мне нужны доказательства, о которых вы говорили. Я поверю вам, когда увижу Эрика живым и здоровым. Я должна увидеть его — немедленно!

— Вы увидите, — он выпустил ее и кивнул в сторону двери, через которую он вошел. — Лидия, подождите!

На полпути к двери она остановилась.

— Значит, наша встреча ничего не изменила для вас, Лидия?

Она замерла совершенно неподвижно. Наконец она медленно повернулась и, когда Рамирес подошел, посмотрела ему прямо в лицо.

— Не используйте против меня, Мануэль, свои таланты.

Ее глаза светились, но были совершенно нечитаемыми.

— Я его супруга.

ВЕЧЕРОМ ЛАРСЕН настиг Рамиреса у подножия рампы, ведущей к огромному тарганскому звездолету.

– Я боялся, что из-за всей этой суматохи и треволнений и поздравлений, что заняли весь день, не успею встретиться с вами наедине, чтобы поблагодарить вас персонально, прежде чем вы отбудете.... Эта капсула... Я понимаю, что вы, должно быть, отправили ее к Акруксу. Я также понимаю, что люди, заключенные в стазис, включая Лидию и меня самого, были переправлены обратно официальными представителями Тагеранского Директората для того, чтобы на Холмене вернуть нас к жизни, что и было сделано сегодня. Но вот что меня беспокоит: оригинальная капсула была адресована преступникам и должна была бы попасть в их объятия, а ваша их миновала. Почему?

– Капитан, наше сообщение было адресовано не им. Мы снабдили капсулу усилительной системой, так что власти должны были ее заметить и перехватить. Это, конечно, прикончило Бэкса. Его корабль, который вскоре прибыл, был конфискован, его база зачищена. Бэкс и его присные были преданы суду за убийства и попытку геноцида. В настоящее время Тагеранский Директорат желает установить с Землей добрососедские отношения.

Ларсен посмотрел на него с восхищением.

– Получается, что из такой бесперспективной ситуации, которая была в самом начале, вы ухитрились извлечь возможность установить дружественные отношения между Землей и Таргом.

Он положил руку на плечо Рамиреса и пошел с ним по трапу.

– А, кроме того, один ксенолог с хорошо подвешенным языком выдвинут, как я слышал, на должность посла Земли на Тарге. Рамирес, вот это сюжет!

Если бы ты только знал, подумал Рамирес, радуясь, что мужчина и не подозревает о том, как будущий посол связан с Лидией. Он выдавил улыбку.

– Сеньор, я просто выклянчил, – скромно сказал он.

Он надеялся, что в последующие годы не станет сожалеть о том, что не выклянчил то, что не могло всецело принадлежать ему.

The Message, (Analog Science Fiction, 1966 № 7, пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова)

Amazing

Fact and Science Fiction

stories

NOVEMBER

50¢

11

DOWN TO EARTH

by Harry Harrison

A Never-Before-Published Novelet By
EDGAR RICE BURROUGHS: Savage Pellucidar

КВИНКВЭПЕДАЛИАН

ВЫБОИНА ГЛУБИНОЙ дюйма два, футов девять в диаметре. Плоская и ровная, на дне грязный песок, смешанный с гнилыми листьями и травинками, образовывал мраморный узор. Ее стенки, гладкие и чистые, обнажили тонкие отложения, образующие лесную почву, они говорили о весе, который находился на этом месте, вминая землю по своей форме.

Это был отпечаток ноги или копыта, или чего-то еще, что могло прижаться к земле, когда животное двигалось. Один отпечаток... Чарльз Тиннерман мрачно покачал головой. Единственный отпечаток мог оказаться причудой природы. Этот же был одним из многих, явно след. Отпечатки располагались на расстоянии двадцати-тридцати футов друг от друга, огромные и ровные; в каждом круглом и гладком были валики земли, сужавшиеся к центру, как будто земля выдавилась между пальцами длиной в половину ярда. Некоторые из них были смазаны и перекошены, видимо, поврежденные в тот момент, когда копыто перемещалось дальше.

Вокруг следов поднимался лес, великолепный, гаргантюанских масштабов; каждый ствол венчала масса густой листвы, такой плотной, что земля скрывалась в почти ночной тени.

Трое мужчин, укутанные сумерками, остановились.

– Мы могли бы включить фонарь, – сказал Тиннерман, похлопав рукой по своей сбруе.

Дон Абель отрицательно хмыкнул.

– Воспользуетесь светом – и все на планете узнают, где мы находимся. Мы не хотим, чтобы тварь, которая это сделала, – он указал на следы, – начала на нас охотиться.

Нетерпеливо заговорил третий мужчина.

– По ночам идет дождь, помнишь? Если мы не подберемся поближе достаточно быстро, вода смоет отпечатки.

Тиннерман посмотрел вверх.

– Слишком поздно, – сказал он.

Грома не было, но внезапно пошел сильный дождь, только такой дождь мог обеспечить влагой подобный лес. Они могли слышать звуки потопы, льющегося на плотные листья далеко наверху. Ни одна капля не упала на землю.

– Деревья не будут сдерживать дождь вечно, – заметил Абель. – Нам лучше поторопиться с палаткой.

– Эй! – впереди прозвучал голос Фрица Слейкера. – Здесь что-то вроде баньяна, можно укрыться!

The creature towered over Tinnerman—in more ways than one. Be introduced here to one of the strangest monsters ever to appear in sf. Meet the . . .

QUINQUEPEDALIAN

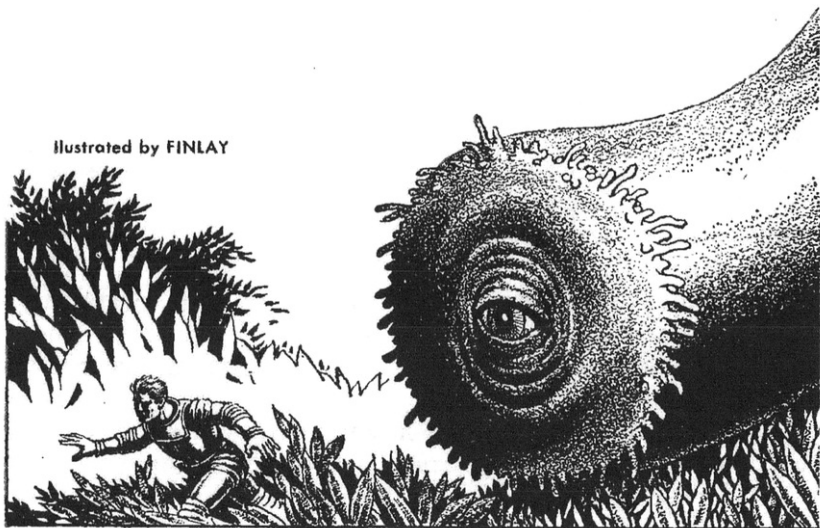
By PIERS ANTHONY

Водяные колонны начали с шумом вонзаться в землю, когда огромные листья далеко наверху, наконец, переполнились. Мужчины помчались в убежище, рюкзаки хлопали им по спинам, когда всадники уворачивались от внезапных водопадов.

Они молча распаковали свои рюкзаки и разделили пайки. Возможность после дневного перехода удобно сесть на сухие листья, покрывавшие рыхлый суглинок, и расслабиться была счастьем. Тиннерман, прислонившийся спиной к основанию ближайшего ствола, жевал и разглядывал дерево. Было темно, но он мог различить гигантскую непрозрачную сферу, из которой спускались вниз множество стеблей, изгибаясь и утолщаясь, пока не достигали земли в виде стволов диаметром футов в двенадцать.

Из тени раздался голос Дона Абея.

Illustrated by FINLAY

– Монстр прошел прямо здесь. Я сижу на краю отпечатка. Что если он вернется?

Слейкер рассмеялся, но негромко.

– Может, мы в его гнезде? Мы бы его услышали. Даже шагов подобного зверя хватило бы, чтобы сотрясение земли подбросило нас всех на фут вверх.

С его стороны послышалось шуршание.

– Что ты делаешь? – проворчал Абель.

– Устраиваю постель, – отрезал Слейкер.

– Думаешь, это безопасно? – спросил Абель, хотя по его тону было понятно – он подозревает, что это место столь же небезопасно, как и любое другое.

Через мгновение шелест дал понять, что он тоже устраивается.

В темноте Тиннерман удивленно улыбнулся. На самом деле он плохо знал своих спутников; все трое отправились в самоволку под влиянием момента, узнав, что исследовательский корабль будет находиться на планете несколько дней.

Кора дерева была толстой и упругой, Тиннерман нашел это странно удобным. Он приложил ухо к стволу и слышал слабый мелодичный гул, который, казалось, исходил изнутри. Тиннерман словно проверял, как протекают реальные жизненные процессы инопланетной растительности – хотя в этом мире инопланетянином был он – и это его завораживало.

Двое других вскоре уснули. Сидя в тишине и абсолютной темноте незнакомого мира, залепившей его глаза, Тиннерман понял, что этот поход, каким бы опасным он ни был, приносил ему удовлетворение, которое он редко испытывал. Слейкер и Абель приняли его за того, кем он не был – за товарища.

Эти следы. Очевидно, их оставило животное, однако какое огромное! Продавит ли землю так сильно давление в сто фунтов на квадратный дюйм? Сколько же весит все существо?

Тиннерман нашарил в темноте свой рюкзак и порылся там в поисках миниатюрной логарифмической линейки. Крошечные числа флуоресцировали, когда он ставил задачу: 144 умножить на 4,5 в квадрате, умножить на пи, деленное на 20. Получилось около 460 тонн на один отпечаток. А сколько у существа было ног, и какой вес приходился на каждую из них в состоянии покоя?

Он слышал, что на суше не могут существовать существа, значительно большие, чем динозавры древней Земли. На планете земного типа, какой и была эта, если принимать во внимание гравитацию, атмосферу и климат, ограничения были не столько биологическими, сколько физическими. Миниатюрному насекомому

требовалось много ног не для того, чтобы поддерживать вес, но для того, чтобы сохранить равновесие. Бронтозаврам, у которых ноги были во много раз сильнее, чем у насекомых, даже по отношению к их размеру, приходилось искать болота, чтобы уменьшить вес. Более крупное животное, для того, чтобы просто ходить, должно было иметь непропорционально большие ноги и ступни. При увеличении размеров площадь поперечного сечения ног растет как квадрат линейных размеров, а масса – как куб. Для сохранения приемлемого соотношения большая часть массы выше определенной точки должна была бы приходиться на ноги.

Четыреста шестьдесят тонн? Вес каждой ноги превышал вес кита. На каждом шагу кости должны дробиться и рвать плоть.

Дождь прекратился, и в лесу стало тихо. Припозднившийся Тиннерман нагреб листья себе на постель и улегся. Но мозг отказывался отдыхать. Перед мысленным взором возникали четкие, ясные и жутковатые мысли, появлялись вопросы, на которые у него не было ответа. На какую же тварь они наткнулись? Прыгающее животное! Тиннерман сел, слишком взволнованный, чтобы спать. Как кролик-переросток, подумал Тиннерман, он прыгает на высоту в сотни футов, чтобы ущипнуть зелень наверху, а потом приземляется со всего маха. Он может быть совсем маленьким – возможно меньше тонны, с одной сильно распыленной балансирующей ногой. Ночью он может забираться в выбранное гнездо... или на...

Он поднял глаза на непроницаемый навес над ним. На плоской макушке баньяна... Гнездо? Тиннерман встал, тихо отодвинувшись от своих спутников. Снова нащарив свой рюкзак, он вытащил шипованные бутсы и когти на руки, наощупь надел и подогнал. Он нашел ствол, обхватил, насколько мог, его твердую поверхность обеими руками и начал восхождение.

Он поднимался в темноте, втыкая шипы в жесткую кору и набирая высоту. Поверхность постепенно становилась мягче и ровнее, но оставалась прочной, если бы он оторвался от дерева, падение бы его убило. Он чувствовал, что диаметр ствола уменьшался, но света все еще не было.

Его мышцы напряглись, Тиннерману показалось, что становится тяжелее и уязвимее. Что-то тянуло его от ствола, ослабляя хватку, а он еще не мог обхватить руками большую часть этой колонны. Что-то пошло не так, ему придется спуститься, прежде чем шипы вырвутся на свободу.

Тиннермана охватило облегчение, когда он понял природу проблемы. Он был почти на вершине, стебель сгибался в месте присоединения к основному дереву, а он был на нижней стороне стебля.

Он переполз на другую сторону, и сразу стало легче, теперь гравитация прижимала его к стволу, помогала держаться, а не тащила вниз. Он быстро завершил восхождение и, наконец, встал у массивного узла, где его стебель срастался с основным стволом.

Здесь был свет, тусклое свечение над головой. Он поднялся на огромный корявый нарост шаровидной формы, диаметром футов тридцать, покрытый буграми и шрамами. Кроме этого мокрого холма, находящегося в ста футах над землей, толком разглядеть ничего не получалось. Хотя шар являлся частью живого или некогда живого, не было никаких признаков листвы. Тут не было и гнезда.

Из центра грубой сферы поднимался другой ствол или стебель, колонна около десяти футов в диаметре, вздымающаяся, насколько он мог видеть, точно вверх. Он еще не добрался до вершины. Кора здесь была гладкой и не очень толстой; карабкаться будет трудно, даже с шипами.

Тиннерман отдыхал минут десять, лежа и прислонившись ухом к дереву. Снова он услышал внутреннюю мелодию, нежную, но глубокую. Она порождала мысли о множестве слоев, пульсирующих и переплетающихся, о питающих их обильных потоках сока в волокнах. И внутри дерева, и на его поверхности текла жизнь.

Тиннерман встал и подошел к центральному стеблю. Он быстро полз, как муравей, вверх по вертикальной колонне, уверенно вонзая шипы на руках, коленях и ступнях. Наверху стало светлее, хотя там был лишь мрак беззвездной ночи на безлунной планете. Над головой прямой ствол продолжал сужаться, но нигде не разветвлялся. По соседству виднелись огромные ветви соседних деревьев, голые и жуткие, тускло поблескивающие от оставшейся влаги, но Тиннерман не обращал на них внимания. Пятьдесят футов, семьдесят пять... Сейчас он был над шаром столь же высоко, как тот над землей. Ствол, за который он цеплялся, уменьшился до пяти футов в диаметре, но Тиннерман уже приблизился к зеленым зарослям наверху.

Мышцы Тиннермана снова напряглись. Поднялся ветер или, возможно, он сам поднялся на высоту, где ветер становится заметным. На этой высоте даже малейшие порывы вызывали опасения. Он схватил ствол и продолжил подъем. Ниже ветви других деревьев, перекрещивавшиеся, как спицы, создавали собственный лес, волшебную страну кустарника и черноты, спутанную и перепутанную, скрывающую все, кроме длинного стебля, за который он держался. Наверху в ночи стали различимы первые листья, толстые и тяжелые. Он добрался.

Внезапно все закончилось. Ствол, толщина которого теперь составляла едва ли три фута, расширился, завершаясь верхушкой, похожий на перевернутую грушу диаметром футов в пять. Тиннерман взобрался на вершину и встал там, расслабив усталые руки и балансируя на покачивающемся стебле. Больше ничего не было — только он на деревянном набалдашнике в двухстах футах над землей. Вокруг на ветру шуршала темная зелень, а мрак внизу казался тихим морем.

На двадцать футов вокруг его набалдашника не было ни одной ветви, хотя сверху над ним смыкались листья, рассеивая свечение неба. Тиннерман изучал пустоту вокруг, спрашивая себя, что же мешало ветвям вырасти здесь. Не отсюда ли стартовал их загадочный прыгун? Затем до него дошло, и Тиннерман тут же занервничал. Страх бился внутри, словно демон, заключенный в кувшин и Тиннерман не смел его выпустить. Встряхнувшись, он начал спуск.

Неохотно настало тусклое утро, но разбудил исследователей не слабый свет, просачивающийся сквозь листву. И не дневное тепло, напитавшее верхушки и стекшее по стволам, как ночная вода.

Их разбудил звук — далекий шум, словно огромное животное обрывает ветки и хрустит листьями. В первый раз с тех пор, как вошли в лес, они слышали шум, который можно было истолковать, он не походил на природные шумы и заставил всех троих вскочить в тревоге.

Вечерний потоп уничтожил все следы, ведущие к гигантскому баньяну, под которым они укрылись. Под ним сохранился и след, такой же глубокий и свежий, как и накануне, другой отпечаток, ближе к краю укрытия, оказался наполовину размыт.

Слейкер немедленно оценил ситуацию.

— Ручаюсь, след был свежим, — сказал он. — Мы не знаем, шел тот, кто его оставил, сюда или отсюда, но ходил он в период между дождями. Давайте пройдемся и посмотрим, что там шумит.

Он перешел от слов к делу и двинулся в путь, в одной руке висел рюкзак, а другой он держал наполовину съеденный космопак.

Абель оказался не настолько самоуверенным.

— След свежий, да. Но мы же не знаем, куда эта зверюга направлялась. Тинни, ты выглядишь так, как будто не выспался.

Тиннерман не ответил. Они подняли свои рюкзаки и последовали за Слейкером, который уже почти скрылся из виду.

Слейкера догнали, когда он остановился на краю открытого пространства в лесу. Несколько могучих деревьев упало, и вокруг их массивных трупов росли во множестве невысокие побеги. Поляну

заливал солнечный свет, невыносимо яркий после лесного сумрака. Шум прекратился.

В кустах перед ними что-то зашевелилось. Скрытое от глаз большое тело двигалось сквозь чащу, приближаясь к ним. Из зарослей вынырнула змеиная шея, увенчанная похожей на кактус головой диаметром в фут. Голова повернулась к ним, показав круглый саблезубый рот в кольце шестидюймовых глазных стеблей.

Мужчины замерли, наблюдая за существом. Голова отодвинулась, очевидно, потеряв из-за тишины ориентацию. Шея казалась гладкой и гибкой, около десяти футов в длину, тело оставалось вне видимости.

– Гляньте на зубы! – яростно прошептал Слейкер. – Это наш монстр!

Существо немедленно отреагировало, продемонстрировав острый слух. Оно быстро двинулось вперед, подняв голову на двадцать футов над землей и через мгновение в поле зрения появилось остальное тело – шаровидная туша около четырех футов в поперечнике на нескольких длинных и тонких ногах. Существо передвигалось своеобразным гусеничным ходом, одна десятифутовая нога делала мах вокруг тела по часовой стрелке, другие в это время стояли неподвижно. Его движения напомнили Тиннерману покалеченного косиножку. Тело поворачивалось, вращаясь совместно с ногами, но ступням удавалось добиться своего рода прецессионного прогресса. Повороты, похоже, не влияли на баланс или ориентацию, кольцо из глазных стеблей позволяло следить за всей округой.

Слейкер выхватил пистолет.

– Нет! – завопил Тиннерман, но было слишком поздно.

Своим выстрелом Слейкер поразил центральное тело, где появилось небольшое, но видимое отверстие.

Существо остановилось, словно в замешательстве, его ноги ритмично поднимались и опускались, оставаясь на месте. Оно не упало. В него ударила вторая пуля Слейкера, потом третья – прежде чем Тиннерман отобрал пистолет.

– Это не было нападением, – сказал он, не умея объяснить то, что знал.

Они смотрели, как движения монстра постепенно замедляются, а из его ран выливаются огромные капли ихора. Существо вздрогнуло, потом его ноги, по нескольку за раз, застучали по земле короткими судорожными движениями. Координация нарушилась, тело медленно заваливалось и опрокидывалось. Огромный рот раскрылся подобно цветку, подобно рогу и из него вырвался громовой

звук, мучительный крик боли и растерянности и, наконец, тело тяжело рухнуло на бок.

Трое мужчин замерли в тишине, наблюдая за смертными муками. Ноги существа извивались, как будто обладали собственной жизнью, а голова бешено колотилась о землю, ломая странно хрупкие стебли глаз. Сердце Тиннермана упало, потому что убийство было бессмысленным. Если бы он рассказал остальным о своем ночном отравлении...

Из леса раздался невероятно громкий рев. Тиннерман хлопнул обеими руками по голове, закрывая уши – когда сирена оглушила их, звуковое давление было не меньше ста двадцати, а то и ста пятидесяти децибелов. Рев прекратился, и наступила могильная тишина. Этот зов походил на тот, что издало существо, но звучал глубже и намного громче. В лесу находился крупный монстр, ответивший на призыв о помощи.

– Его подруга? – Абель удивился вслух, слабым голосом.

– Его мать! – кратко ответил Тиннерман. – И, думаю, нам лучше спрятаться.

Слейкер пожал плечами.

– Пули остановят и ее, – сказал он.

Тиннерман и Абель втиснулись в чащобу без комментариев. Слейкер остался на месте, уверенно направляя оружие в сторону приближающихся шагов.

Еще раз взревела сирена, невероятно громко, заставляя всех троих закрыть уши, спасая барабанные перепонки от разрыва, а мозги от превращения в желе. Перед собой они видели Слейкера, одной рукой он обхватил голову, пытаясь защитить оба уха, а другая его рука размахивала пистолетом.

Земля дрожала. Высокие кусты, покрытые листвой, раздвинулась, а большие деревья качнулись в стороне, сломанные ветви падали наземь. На поляне с громоподобным шумом появилась громадина, размеры которой были за гранью воображения.

На мгновение он остановился, четвероногий монстр высотой в сотню футов. Его низко опущенная голова с плоской блестящей мордой была толщиной в дюжину футов. Широко раскрытый глаз, несколько футов в поперечнике, намекал на его близорукость. Глаз окружало кольцо из волос или ресниц, каждая толщиной с карандаш, слегка колышущиеся, когда голова двигалась.

Слейкер выстрелил.

Голова метнулась вперед, ударившись о землю футах в тридцати от человека. Тело двинулось, величаво повернувшись, когда другая конечность поднялась и махнула вперед. Это были не головы, а

ноги! Пять ног с глазами. Монстр оказался чрезвычайно продвинутой версией того квинквэпедалиана*, которого убил Слейкер.

Мужчина, наконец, осознал тщетность своего противостояния и побежал. Башнеподобный гигант следовал за ним, ноги сотрясали землю ритмичными ударами, ступни оставляли девятифутовые вмятины. Он величественно вращался в ужасном танце на пару с гравитацией, вбивая в небытие кусты, деревья, грязь – все, что попадало под ногу. Когда нога поднималась, тяжелая кожа откатывалась назад, открывая глаз, и высасывали сенсорные ресницы. Когда нога опускалась, огромное веко смыкалась, защищая эти органы от удара.

Существо было медленным, но его ноги – быстрыми. Пятый шаг – и нога обрушилось на бегущую фигуру. Слейкер исчез.

Квинквэпедалиан колебался. Он поднял одну ногу и оглядывался. Ему было известно о них, и он не собирался допустить, чтобы убийцы его ребенка сбежали. Взгляд существа обшаривал окрестности, медленно изгибая ногу, оно направляло стеклянню блестящий глаз. Нити-ресницы просеивали воздух, вылавливая звуки или запахи, или любые другие следы беглецов, которые были способны обнаружить.

Через несколько минут глаз закрылся и ресницы спрятались. Нога высоко поднялась и резко упала. От силы удара дрогнула земля, а нога снова поднялась, чтобы, сместившись на несколько футов, оставить отпечаток по соседству с первым.

После дюжины таких шагов-ударов существо изменило курс и двинулось обратно, делая второй ряд отпечатков рядом с первым. Это, понял Тиннерман, та же ковровая бомбардировка, а двое мужчин находились в поражаемой полосе.

Если они побегут, то пятиногий мститель легко их сокрушит. Если останутся, то он все равно их достанет, разве что одному или обоим посчастливится вписаться в ромб между четырьмя отпечатками. Шансы точно нулевые. И, вполне возможно, что существо почувствует, что почти попало и исправит ошибку, небольшим дополнительным шагом.

Они, замерев, ждали, пока существо прокладывало еще один ряд, а потом еще один. Теперь оно было в пятидесяти футах, механически утюжа местность. Оно оставляло за собой настоящий хайвей.

Ковровое растоптание по площадям, подумал Тиннерман и нашел эту мысль безумно смешной. Человек уникального пятиногого

* Пятиног, в оригинале *quinquepedalian*. Для латинизированного названия Энтони соединил два слова: *quinque* (лат. пять) и *pedalian*: *pedālis* (лат. нога) + *-an*. (Прим. перев.)

монстра – Квинка – встречает, а тот на человека наступает. Достойна ли такая ирония запечатления в исторических хрониках?

Тиннерман увидел решение и с криком вскочил на ноги. Отбросив рюкзак, он помчался прямо к монстру.

Поднимающаяся нога почти сразу остановилась и повернула глаз в поисках цели. Нога поджалась и устремилась вниз неумолимым Джаггернаутом*. Земля подпрыгнула от яростного удара, но Тиннерман, вильнув в неожиданном направлении, проскочил под изогнувшейся дугой конечностью.

Он остановился точно под главным телом квинквэпедалиана. Если его предположение окажется верным, Квинк не сможет до него добраться. Чтобы добраться до человека, монстру надо будет двинуться – а Тиннерман станет двигаться вместе с ним.

Высоко наверху нависало главное туловище – черный валун, подвешенный на зубочистках. Тиннерман знал, что еще выше в небо устремлена шея, завершающаяся головой. Головой, имеющей, когда ее рот закрыт, форму груши. Первая нога подвернулась под туловище, и подозрительно умный взгляд ее глаза изучающе уставился на Тиннермана. Прибить его монстр не пытался. Баланс, решил Тиннерман, для существа высотой в двести футов имеет первостепенное значение. Если оно потеряет равновесие, то упавшее туловище сильно пострадает. Пока его три или четыре ноги находятся в правильном положении и придают телу устойчивость, оно не упадет, но стоит ему стянуть свои конечности в круг слишком маленького радиуса, как могут последовать серьезные неприятности. Несколько сотен тонн не так легко удержать.

Квинквэпедалиан зашевелился. Ноги поочередно делали махи по часовой стрелке, по-слоновьи топчя землю. «Прутья» клетки, окружавшей Тиннермана, поднимались и опускались, ударяя по поверхности в почти музыкальном ритме, тело поворачивалось, набирая обороты. Ноги на одной стороне, казалось, отдалялись, приближаясь с другой стороны. Тиннерману приходилось быстро идти, чтобы оставаться по центру.

Темп нарастал. Теперь ноги друг за другом ударяли о землю через немногие секунды; огромное тело прокручивалось вперед. Тиннерману пришлось бежать.

* *Джаггернаут* (англ. Juggernaut) – термин, который используется для описания проявления слепой непреклонной силы. Происходит от Джаганнатха (санскр. Владыка Вселенной), одно из имен Кришны. В прошлом индусы часто бросались под колеса колесницы со статуей Джаганнатхи; считается, что тот, кто так погибает, получает освобождение от перерождений. (Прим. перев.)

Ему мешали кусты и маленькие деревья; каждый раз, когда он уклонялся от препятствия, задняя нога получала шанс. На открытой равнине он смог бы обогнать монстра, но сейчас существо вывело его на пересеченную местность. Если монстр в скором времени не устанет, то Тиннерману конец. Со временем существо сможет прижать его к скале, которую собственные громадные ноги монстра смогут перешагнуть, или в болото. Или оно решит забыть о человеке внизу и вернуться за Абелем – а Тиннерману придется остаться под ним, не осмеливаясь выйти за пределы круга из ног. Его уважение к квинквэпедалиану возросло. Тиннерман оказался защищенным в оке циклона, но требовалось как можно быстрее найти другое безопасное место.

Тиннерман изучал схему движения. При такой скорости у отдельных ног не было времени для выбора более сложных действий, чем навязанные направлением, поддержание движения вперед диктовало сложную, но предсказуемую схему. Одна нога должна была освободить место для следующей; Тиннерман не замечал, чтобы две ноги хоть раз отрывались от земли одновременно, но смог выявить четкие ограничения. Если он проскочит только что освободившийся участок...

Он рассчитал время и рванулся в сторону, чуть не задев поднимающуюся ногу. Квинквэпедалиан извернулся, его глаз быстро заметил Тиннермана, но существо не смогло отреагировать немедленно. Нога ударилась о землю далеко впереди. От усилий затормозить взлетел мусор, а следующая конечность поднялась для погони.

Тиннерман бежал прямо с головокружительной скоростью. Он недооценил универсальность Квинка – вторая нога последовала за ним, отреагировав гораздо быстрее, чем могла бы это сделать обычная нервная система. Для существа такого размера должно пройти много секунд, прежде чем мозг усвоит новую информацию и определит новый курс действий, тем не менее, ноги отреагировали быстро, словно обладали индивидуальным интеллектом. Эта штука была слишком велика и обширна для работы любой достаточно эффективной нервной системы – но действовала самым эффективным образом.

Тень ноги прошла над ним, и на миг Тиннерману показалось, что с ним покончено. Но удар пришелся футах в двадцати от него, сзади. Следующий его настигнет, если только...

Он резко свернул к средней величины дереву на краю поляны. Тиннерман не смел оглянуться, но был уверен, что существо позади него временно замешкалось. Оно не могло развернуться так быстро, во всяком случае, Тиннерман на это надеялся.

Он добежал до дерева диаметром в пятнадцать футов и нырнул за него, на некоторое время почувствовав себя в безопасности.

Перед деревом вырос Квинк... Или точнее называть ее Квинки? Одна нога шарила по сторонам, разыскивая человека. Тиннерман видел чрезвычайно толстое копыто, совершенно плоское снизу: полированная сталь с красноватым оттенком в центре. Возможно, это естественная окраска, но Тиннерман подумал о Слейкере, и вздрогнул.

Кожа, похожая на дерево, разошлась, открывая глаз. Лодыжка над копытом расширилась, кожа взбурилась огромными складками. Сейчас Тиннерман знал, что, когда нога в покое, кожа тоже расслабляется и расправляется, спускаясь до самой земли. Он опирался на этот наплыв прошлой ночью, он карабкался по этой ноге...

Как будто убедившись, что не сможет добраться до человека, пока тот прячется за деревом, квинквэпедалиан сделал паузу для странного трюка. Тиннерман выглянул из-за ствола и увидел, что ноги собрались вместе, что разрушило его некоторые предыдущие теории, а затем раздвинулись, образов трапецевидную формацию. Одна нога повисла рядом с деревом, не поддерживая туловище, видимо, ее вес почти уравнивался весом тела. Затем нога высоко поднялась, раскачалась, как маятник и с ошеломляющей силой ударила по дереву.

От удара весь ствол содрогнулся, и сверху обрушился поток из ветвей и листьев. Нога ударила снова, повыше; снова дерево задрожало, и посыпались еще более крупные обломки. Тиннерман внимательно следил за ними; его могла сбить наземь и сравнительно небольшая ветка.

Одиночная нога продолжала атаковать, регулярно нанося удар по дереву на высоте около пятидесяти футов над землей. На этой высоте нога была примерно того же диаметра, что и дерево, а вес у нее был огромным. И все же такие действия казались бессмысленными, потому что вред, причиняемый дереву, никак не влиял на человека, спрятавшегося за ним.

Или он снова недооценивает Квинки?

Удары прекратились, и Тиннерман снова осторожно высунул голову. Тварь отступала? Почему-то Тиннерман не ожидал, что монстр легко сдастся, он продемонстрировал слишком много смелки и решимости для этого. Животное было замечательно не только своими размерами.

Три ноги образовали треножник, а две другие одновременно двинулись вверх. Тиннермана поднял брови — казалось невозможным,

что в такой позиции квинквэпедалиан способен поддерживать равновесие. Но тот действовал уверенно, у него на уме что-то было.

Две ноги поднялись, вместе, одна чуть повыше другой. Тиннерман с благоговейным ужасом наблюдал, как качнулось вперед находящееся на такой высоте тело, неспособное устоять в таком положении. Внезапно две ноги устремились вперед с ошеломляющей скоростью, и все тело отшатнулось назад, когда они врезались в дерево. И на этот раз древесина поддалась. Звук, как от пушечного выстрела, разорвал воздух, когда волокна ствола раскалывались и лопались, оставляя расщепленную древесину, а огромные корни вырвались из земли, как морские чудовища.

Теперь Тиннерман понимал, как образовалась поляна. Мать расчистила в лесу площадку, чтобы ребенок мог питаться маленькими саженцами. По мере того, как подрастают деревца, должен был расти и ребенок, пока не станет достаточно высоким, чтобы добраться до листвы полноразмерных деревьев.

Еще несколько ударов свалят и это дерево. Тиннерман дождался следующего удара, а затем, скрытый от глаз, как он надеялся, заваливающимся стволом, сбежал. Существо продолжало атаку, не подозревая, что настоящая его цель исчезла.

Тиннерман нашел след, на этот раз отпечатки человеческих ног. Абель должен был убежать, пока Тиннерман отвлекал существо, убежать и направиться к кораблю.

Могучий лес сейчас был тихим, не считая негромкого шороха впереди. Это, скорее всего, был Абель. Тиннерман инстинктивно старался двигаться бесшумно, не желая помешать лечебному воздействию вечной красоты великих деревьев, хотя и понимал, что ведет себя по-дурацки, потому что лес едва ли нуждался в заботе, а квинквэпедалиан, с его-то децибелами, не станет тревожиться из-за отдаленного топота человеческих ног.

— Дон, — окликнул он негромко.

Абель сразу обернулся с улыбкой на лице.

— Тинни! Рад, что ты уцелел.

Он тоже осторожничал с громкостью, возможно, монстр и не мог их услышать, но лучше не нарываться на неприятности.

— Похоже, ты знал, что делаешь. Но я боялся, что у тебя не получится. Я стал бы дожидаться тебя, если бы...

— Я знаю, Дон.

Абель не был трусом, если бы нашелся какой-то способ помочь, он бы им воспользовался. Когда имеешь дело с квинквэпедалианом, просто слоняться поблизости бесполезно и опасно, любой, попавший в такой оборот, либо сбегает, либо у него не получается. Самым

практичным выходом было немедленно отправиться на корабль, нужно выжить хотя бы одному, чтобы рассказать о случившемся.

– Корабль улетает через двенадцать часов, – сказал Абель и встряхнул свой рюкзак, прилаживая его на спине поудобнее. – Если будем двигаться прямо, то сможем добраться часов за шесть. Здесь не может быть больше двадцати миль.

– Собираешься сделать полный отчет, Дон?

Тиннерман чувствовал смутное беспокойство, сам не зная почему.

– Фриц убит, – просто ответил Абель.

Тиннерман протянул руку и остановил его.

– Мы не должны этого делать, Дон.

Абель напряженно смотрел на него.

– Можешь опереться на меня, если ранен. Я думал, что ты в порядке

– Я в порядке. Дон, мы убили ребенка этого существа. Оно поступило так, как поступил бы любой родитель. Если мы сообщим, капитан поднимет корабль и поджарит его главным двигателем.

– Код космоса, Тинни. Все, что нападает на человека...

– Он не нападал. Он пришел на защиту своего ребенка. Мы не имеем права выносить приговор.

Глаза Абеля похолодели.

– Фриц был моим другом. Я думал, что и твоим тоже. Если бы я мог убить этого монстра сам, я бы сделал это. Ты идешь со мной?

– Извини, Дон. Я не хочу с тобой ссориться. Но и не могу позволить тебе доложить капитану о Квинке.

Абель смерил его оценивающим взглядом и снял рюкзак. Он ничего не спрашивал.

– Если нет другого способа, так тому и быть, – сказал он спокойно.

Дон Абель был медлительным, следящим за своим языком и консервативным в привычках человеком. Но любой, принявший его за слабака, сделал бы ошибку. Его кулаки были быстры, как молния.

Тиннермана отбросили назад два удара – один по подбородку, второй, боковой, по уху. Он устоял, парировал предплечьем; Абель, пробив его защиту, сильно ткнул под дых, а затем последовал хлесткий удар прямо в рот. Тиннерман сделал финт левой, но оказался сбитым с ног, прежде чем получил возможность действовать правым кулаком.

Он откатился, пытаясь подняться на ноги, но был подброшен вышибающим искры из глаз ударом колена в подбородок. Его голова кружилась, глаза застилала красная пелена, а удары по голове и шее

продолжались, нога же Абеля была по большой мышце бедра, подбегая к паху.

Тиннерман перестал сдерживаться и начал сражаться. Он поднялся, не обращая внимания на боль от ударов, и обхватил противника за талию. Абель ответил рубящим ударом из арсенала дзюдо — двумя руками по затылку, но Тиннерман держался, связав свои предплечья в медвежьей хватке. Абель схватил его за волосы, и принялся дергать голову Тиннермана из стороны в сторону; но тот медленно поднимал его, лишая опоры.

Абель внезапно освободился, воспользовавшись приемом, которого Тиннерман раньше не встречал и снова в ход пошли кулаки.

Так продолжалось минут пятнадцать. Наконец Абель оказался лежащим на земле, тяжело дышащий, измученный, но в сознании, а Тиннерман копался в рюкзаке в поисках комплекта для оказания первой помощи.

— Я знал, что ты можешь победить меня, — сказал Абель. — Это следовало делать быстро, или проявится твоя чертова выносливость. Тинни, ты вообще когда-нибудь уставал?

Тиннерман передал ему губку, чтобы смыть кровь.

— Прошлой ночью я поднялся на Квинки, — сказал он. — Я стоял на ее голове — и она ни разу не шевельнулась.

— Квинки? А, ты имеешь в виду этого монстра. — Абель неожиданно сел. — Ты хочешь сказать...

На его лице появилось выражение благоговения.

— Эта штука с ногами, большая — ты имеешь в виду, что мы спали под...

Он помолчал, погрузившись в размышления.

— Следы... это все объясняет. Если бы не было так темно, мы бы увидели, что монстр все еще стоит в них! Вот почему там были листья и пара отпечатков с передних ног. Он, наверное, спал...

Тут разум Абеля запоздало занялся второй проблемой.

— Ты на него поднялся?!

Тиннерман спокойно кивнул.

— Она не могла не проснуться от этого. Я использовал шипы... Я не понимал, пока не увидел, что листья вокруг головы объедены. Ей было достаточно открыть рот, но она позволила мне уйти. Живи и давай жить другим.

Абель поднялся на ноги.

— Хорошо, Чарли, мы подождем шесть часов, прежде чем отправиться к кораблю. Это даст нам время разобраться. Не пойми меня неправильно, я еще не решил. Я по-прежнему собираюсь все рассказать капитану... Но не сразу.

Тиннерман расслабился.

— Давай посмотрим, что мы можем разузнать, — сказал он.

Он собрал сумку Абея, затем поднял глаза.

Там, в пятнадцати футах над их головами, с весомостью Дамоклова меча покачивалась нога. Глаз был открыт, ресницы распушены. Квинквэпедалиан подкрался к ним молча.

— Разделяемся! — закричал Тиннерман.

Мужчины помчались в противоположных направлениях. Земля снова дрожала и сотрясалась, пока Тиннерман бежал к ближайшему дереву. Забежав за ствол, Тиннерман почувствовал себя на некоторое время в безопасности.

Оглянувшись назад, он увидел монстра, поднимающего ногу в воздух. Только половина Дона Абея добралась до убежища. Огромное копыто на миг зависло и опустилось... Ужасная сцена исчезла. На земле остался только еще один плоский отпечаток.

Абель мог бы успеть, не будь он ослаблен после драки. Точно так же, как Слейкер вел бы себя осторожнее, будь он предупрежден. Квинквэпедалиан был действовавшей силой, но Тиннерман знал, что именно он стал причиной двух смертей.

Квинк подошла к дереву, кружась в своем величественном танце, копыта беззвучно целовали прятавшуюся в тени землю. Она встала.

Почему она не раздавила их обоих, пока они сражались, не обращая внимания на опасность сверху? Должно быть, она находилась там несколько минут, смотрела, слушала. Один легкий притоп — и месть свершилась бы полностью. Почему она ждала? Хотела честной игры? Было ли это существо и в самом деле разумным? Облادала ли этикой — своей собственной? Знакомая нога обогнула ствол, ресницы-перцепторы торчали наружу. Тиннерман стоял спокойно, зная, что находится в безопасности от немедленной атаки. Он наклонился набрать пригоршню грязи и швырнул ее в чувствительную к свету область. Глаз немедленно закрылся, а комочки земли застучали по голой коже. Быстрые рефлексy.

Слишком быстрые. Для животного такого размера ограничением должно было являться расстояние между мозгом и конечностями. Совершенно невозможно получить мгновенную рефлекторную реакцию на конце придатка длиною в сто футов. Никакая нервная сеть не в состоянии обеспечить такую скорость, которую он наблюдал.

Тиннерман переместился на другую сторону ствола, словно готовясь рвануть к другому дереву. Нога тут же развернулась, перекрывая ему это направление. Не было никаких сомнений в том, что существо извлекло уроки из опыта и могло действовать немедленно.

Но как же импульс мог перемещаться из глаза в мозг и обратно настолько быстро? Обычно глаз животного располагался довольно близко к мозгу, чтобы сократить задержки в нервной системе. Если только у Квинки не было мозга в ее ноге...

Ответ поразил его воображение. В ноге мозг был. Он и должен был там находиться. Как еще можно передвигать шагающие конечности настолько точно, сохраняя идеальный баланс? В центральном корпусе имеется координирующий ганглий, издающий общие указания относительно общего направления движения и очередности подъема ног, в голове может находиться еще один маленький мозг, отвечающий за поглощение пищи и звукообразование. А каждая нога принимает свои собственные решения относительно точного размещения и способа спуска. Семь мозгов, организованные в могучее целое.

Мозги ног, упроченные на земле и покрытые толстым слоем непроницаемой кожи, могли спать, когда в них не было необходимости. Вероятно, сам по себе такой мозг не слишком умен, его функции были специализированы – но с поддержкой гораздо более мощного центрального мозга любая часть Квинки становилась умной.

– Владычица лесная, – удивленно сказал Тиннерман. – Квинквэ-педалиан, септецеребриан* – ты, пожалуй, умнее, чем я.

И, определенно, сильнее. Он размышлял об этом, получая странное удовольствие. Всю свою жизнь он держался в стороне от своих сотоварищей в поисках чего-то, на что смог бы смотреть без притворства. Теперь он нашел.

Одиннадцать часов спустя, точно в соответствии с планом, корабль взлетел. Пройдет три, четыре, а то и пять лет, прежде чем приземистый колониальный корабль прибудет сюда для создания пограничного поселения.

Квинки преследовала его с неустанной решимостью и быстро растущей проницательностью. Она уже научилась предвидеть геометрические узоры, которые он создавал во время преследования. Он провел ее через простой квадрат, треугольник и звезду, отказываясь от завершения каждой фигуры, когда она решала ее и двигалась наперехват. Вскоре она должна прийти к выводу, что добыча оказалась чем-то большим, чем вредный грызун. Как только она поймет, что имеет дело с разумным, может начаться общение.

* Семимозг. *Septecerebrian*, от слов *septem* (лат. семь) и *cerebrian: cerebri* (лат. мозг) + *-an*. (Прим. перев.)

Возможно, со временем она простит ему гибель своего ребенка и узнает, что за его смерть уже вдвойне заплачено. Возможно, придет время, когда он снова сможет находиться на свежем воздухе, не опасаясь удара ноги. Ночью, пока она спала, он был в безопасности; но днем...

Возможно, когда появятся колонисты, их встретит человек, едущий на самом могущественном коне всех времен. Или квинквэпедалиан, несущий свою зверушку. Неважно, кто станет главным, если связь будет установлена.

– Владычица лесная, – сказал он снова, двинувшись обратно по своему следу, когда засек огромное тело, ожидавшее на пересечении узора трикветра*. На мгновение Тиннерман остановился и посмотрел на нее, такую огромную и прекрасную, вращающуюся в танце, целью которого было его уничтожение.

– Владычица лесная, – повторил он, – Ты могущественна.

– Ты еси той, кото могутнее мя.

Взрывом, во всю его децибельную мощь, прозвучал ответ, словно отвечала богиня, пробуждающаяся за горизонтом.

Quinquipedalian, (Amazing Stories, 1963 № 11), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова

* *Трикворт* – орнамент из трех переплетенных петель, обычно в виде треугольника. (Прим. перев.)

SEPTEMBER 1964 | 50c (5/)

analog

SCIENCE FACT SCIENCE FICTION

A CASE OF IDENTITY by **RANDALL GARRETT**

ШЕОЛ

(В соавт. с Джеймсом Хоталингом)

ТАК ОН ЗДЕСЬ и стоял – довольно уродливый бастион, обнесенный высокой крепостной стеной, оплот против острова, окруженного водами Леты. Саймон Пьемонт заметил со своей обычной и не высказываемой вслух беспристрастностью, что бастион отчаянно нуждается в покраске. Он усмехнулся, морщины на его задубевшем от ветра лице побежали к поредевшим бакенбардам, потому что мысленно он слышал бюджетные стенания и скрежет зубовой, сопровождавшие все незначительные расходы, но при этом неизбежно отсутствующие по поводу расходов значительных. Могло оказаться проще снести и заново построить само здание, чем освежить покраской старое.

– Следует ли мне написать докладную по этому поводу? – поинтересовался Пьемонт, обращаясь к своему четвероногому компаньону.

Огромный пес гавкнул и лизнул Пьемонту руку. Тот потрепал серые лохматые уши.

– Заявка: одна стандартная новая Правительственная резиденция, покрашенная, – пробормотал Пьемонт.

Скит качнул своим массивным хвостом.

– Или ты бы предпочел бы позаботиться об этом сам, да, старый друг? У тебя столько же влияния, сколько и у меня...

Пьемонт повернулся, чтобы взглянуть вверх на фигуру своей жены за занавеской. Жена с тревогой глядела вниз из-за ограждения на пятом этаже. Он помахал ей и улыбнулся, когда ее голова отшатнулась, в страхе от такого нарушения правил. Этот ритуал продолжался двадцать лет, но все еще вызвал у Пьемонта своеобразный трепет, утверждающий его независимость от пустяшных ограничений.

Он направился через двор к воротам. Скит шагнул следом, большие широкие лапы беззвучно ступали по бетону, холодные серые глаза и внушительные клыки не внушили веры в его добродушие. Он выходил на дежурство, а его работа состояла не в том, чтобы совершать променады перед зданием Дамского Благотворительного Общества.

Внимание Пьемонта привлек бравый охранник, великолепный, в зелено-золотой форме, по сравнению с которой собственная выцветшая куртка Пьемонта выглядела весьма непрезентабельно.

Утреннее солнце отразилось от ослепительно сверкающей каски, а винтовка с клацаньем четкими отработанными движениями взлетела в положение «на караул».

– Доброе утро, доктор Пьемонт, – официально поприветствовал охранник.

– Доброе утро, капрал, – ответил Пьемонт, – Уайтинг, верно? Вы великолепно выглядите сегодня, это уж точно.

Капрал улыбнулся, внезапно по-мальчишески светло.

– Фред Уайтинг, сэр. Пришлось подготовиться для старика... э-э... Я хотел сказать, что генерал Хостеддер сегодня собирается сюда с внезапной инспекцией, вот почему парадная форма.

Пьемонт улыбнулся.

– Внезапной, а? Ладно, Фред, я не очень долго буду мешать своим присутствием вашей службе. Мы, старомодные типы, не слишком-то здесь уместны, сами видите.

Уайтинг покраснел.

– О, нет, сэр. Вы один из оперативников... Я имею в виду, вы должны встретиться с Шеолом. Все знают, что у таких людей, как вы, нет времени заморачиваться с формой. Вы должны быть крутыми.

Пьемонт оставался невозмутимым, хотя ему польстило очевидное восхищение юноши.

– Вы интересовались Шеолом?

– Да, сэр! Настоящая работа для мужчин!

Пьемонт сдержал улыбку.

– В таком случае, Фред, я, пожалуй, могу вам кое-что посоветовать ввиду предстоящей инспекции. Подтяните винтовку. Я знаю, что вы специально допускаете свободный ход деревянной части, но на острове эта погрешность может выдать вашу позицию и стоять вам жизни. Генерал это понимает.

Уайтинг снова покраснел.

– Спасибо, сэр, будет сделано.

– Теперь, если вы просто откроете эти ворота, я отправлюсь в дорогу.

Уайтинг преградил ему путь.

– Извините, сэр, я еще не проверил ваше оборудование.

Пьемонт сдержал приступ нетерпения.

– Мое оборудование в порядке, капрал. Хотя...

– Правила, сэр, – извиняющимся тоном сказал Уайтинг, взял миниатюрную рацию и активировал ее. Послышались треск и щелчки.

– ...громко и ясно, – прохрипела рация.

Пьемонт вытащил маленький черный игольник из скрытой кобуры и передал его охраннику.

Уайтинг переломил ствол игольника и нахмурился.

— Я заменю эту, сэр, — пробормотал он.

Шокированный Пьемонт увидел, что острие одной из игл отломлено. Она оказалась бы бесполезна, возникли необходимость действовать. Он проявил небрежность, а молодой человек его на этом подловил.

Уайтинг вернул снаряжение и присел на корточки перед Скитом, который все это время терпеливо ждал. Пес угрожающе зарычал.

— Спокойно, солдат, — резко предупредил Пьемонт, и Скит притих, пока капрал проверял тревожный маяк, встроенный в ошейник пса.

ОКАЗАВШИСЬ, НАКОНЕЦ, снаружи, Пьемонт почувствовал, как на мгновение сдавило горло и желудок, ощущение, к которому за двадцать лет он так и не привык. Компания Скита внезапно стала более значимой, животное здесь, под открытым небом, было смертоносным оружием. Несмотря на свою видимую беззаботность и потрепанную форму, Пьемонт знал, что его работа опасна, и этот первый шаг в Шеол неизбежно заставлял его вздрагивать.

Он поправил сумку и направился к многоцветной полосе, находящейся в четверти мили отсюда. Дома были привлекательными на первый взгляд и безобидными на вид, особенно по сравнению с выжженной землей и мрачными стенами, окружающими правительственную резиденцию. Шеол был красив, как коралловая змея* — и почти так же безобиден, как змея, оставленная в покое. Каждый дом — яркое пятно, каждый город — внушающий восхищение спектр, творческий рай, однако же, Шеол являлся хорошо закамуфлированной злокачественной опухолью, которую следовало изолировать.

Пьемонт сверился со своей картой — подробным чертежом, обновляемым еженедельно в ходе воздушной разведки — и отправился по адресу, ближайшему к правительственной области. У него было письмо для мистера Валора и еще одно для его жены, Пьемонт хорошо знал их обоих.

Участок по нужному адресу оказался пустым. Пьемонт вздохнул: день начинался неудачно. Сборное жилье замечательно удобно, но, благодаря ему, семьям слишком легко перемещаться без уведомления. Они исчезли бесследно, рассчитав, по-видимому, так, чтобы

* *Коралловая змея* — род ядовитых змей из семейства аспидов. Имеют яркую окраску с характерными черными, красными и желтыми кольцами. (Прим. перев.)

переместиться сразу после последнего облета. Опрашивать соседей бессмысленно, сотрудничать те могли захотеть, а могли и не захотеть и, что более важно, можно было напороться на неприятности.

– Скит! – позвал он, и собака быстро подошла к его ногам.

Пъемонт вынул свой блокнот и принялся быстро перелистывать пустые металлические страницы. Дойдя до листа, помеченного надписью «Валор», Пъемонт поднес его к чувствительному носу Скита.

– Искать, – приказал он псу.

Скит фыркнул, оббежал вокруг участка и последовал дальше по улице. Пъемонт быстро пошел за ним, позволяя собаке выбирать путь. Сейчас он мог расслабиться, Скит не приведет его в опасное место. Пъемонт закрыл одориметр и рассеяно сунул его в карман. Простой инструмент, но эффективный.

Скит привел его к относительно мирно выглядевшему дому всего в нескольких кварталах от пустого участка. Над дверью была аккуратная табличка со вкусом выполненной фиолетовой краской надписью: «Смит». Пъемонт вопросительно посмотрел на собаку. Смит?

Скит гавкнул, настаивая на своем. Это был правильный дом. Пъемонт пожал плечами и из другого кармана вытащил маленький тампон. Он протер тампоном имена и адреса на двух конвертах и подождал, пока они не исчезнут, затем аккуратно впечатал новые имена и адрес.

Пъемонт вставил обработанные конверты в пустую папку и направился к двери. Скит не возражал, так что Пъемонт шагнул вперед и постучал. Он хотел убедиться, что нашел нужных людей, прежде чем уведомлять штаб-квартиру об изменениях.

Дверь открылась сразу же.

– Привет, мистер Пьемос, – как и указывал Скит, это был старый мистер Валор. – У вас сегодня есть что-нибудь для нас?

– Доброе утро, мистер Смит. – Пъемонт помахал пачкой писем и вытащил два верхних. – Да, кажется, есть парочка посланий. Одно для вас и одно для миссис. От вашего сына, мистер Смит, если я правильно угадал почерк.

Валор кивнул и быстро схватил письма, как будто боялся, что Пъемонт собирается забрать их обратно.

– Ронни хороший мальчик, мистер Пьемос. Хороший мальчик. Хотя вечно у него проблемы.

– Проблемы?

– Вы же знаете. Государственный налоговый бизнес! С какой стати он захотел заняться такими делами?

Пьемонт улыбнулся.

– Должно быть, он очень хорош в цифрах, – любезно предположил он.

Он воздержался от замечания, что молодому Валору почти пятьдесят лет, и он директор окружного налогового управления. Он работал на материке далеко от Шеола и думать о нем, как о своенравном ребенке, было, конечно, нелепо. Но это Пьемонта не касалось, ситуацию должны были смягчать письма.

СЛЕДУЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО остановок прошли без происшествий. Утро дошло до середины, Пьемонт шел следом за Скитом через приветливый лес, где цветы щедро разносили свои ароматы, а солнечный свет падал между деревьями и листьями яркими пятнами. Скит обнюхивал стволы; но он не был подвержен кобелиной похоти и Пьемонт позволил ему бежать свободно. Пьемонт сделал паузу, чтобы ковырнуть ногой мягкую коричневую землю. На территории правительственного форта такого лесного уголка не было. На мгновение он задумался, не было ли что-то утеряно, когда Правительство построило ограду и отступило внутрь...

Собака остановилась в лесу перед маленьким пряничным домиком, искусной копией хижины Ведьмы, заимствованной из сказки «Гензель и Гретель». Это было ново, но, по крайней мере, адрес не изменился. Для создания такого макета в натуральную величину обитательнице, одинокой женщине, должны были изрядно помочь. Тревожный сигнал был очевиден в дизайне хижины и мастерстве, с которым она была сделана. Хижина была красива – и, возможно, являлась более подходящим символом Шеола, чем предыдущая аналогия Пьемонта с коралловыми змеями.

Он посмотрел, что послано на этот адрес: надушенное письмо и детская кулинарная книга. Пьемонт вздрогнул, но у него не было полномочий отказывать в доставке. Он собирался незаметно сунуть письмо и книгу в почтовый ящик и уйти, но хозяйка оказалась слишком проворной. Дверь открылась, едва он до нее дотронулся, выпустив изнутри теплый запах пряников.

– О, дооооброе утро, сэр Пьемонт, – пропела стройная женщина.

Она была одета во все черное, от кончика своей высокой остроконечной шляпы до юбки длиной в пол, а ее кружевной лиф был смущающе полон. Оказалось, что не все ведьмы были старыми каргами.

– Не зайдете попить чайку, сэр Пьемонт? – пригласила она.

Он искал подходящую отговорку. Но его выручил зловеще зарывавший Скит.

– Мой пес недостаточно воспитан, чтобы хорошо вести себя в доме, – сказал он поспешно. – Боюсь, что я действительно не могу...

Колдунья посмотрела на Скита, который чуть-чуть приподнял верхнюю губу и пристально посмотрел ей в глаза.

– Ах, какой *интересный* у вас фамильяр, сэр Пьемонт, – воскликнула она, не вполне беззлобно.

Она, конечно, уже много раз видела пса, хотя, возможно, не с ее нынешней позиции.

– Можно мне его погладить? – спросила она и бесстрашно наклонилась вперед, чтобы провести своими заостренными ногтями в дюйм длиной по шее и спине пса, прежде чем Пьемонт смог дать согласие.

Скит разрешил такую близость, но не сдвинулся с места, оставаясь рядом с Пьемонтом. Опасность была, но, видимо, дальше, в самом доме.

– Вы, безусловно, великолепный ховаварт*, сэр Скит, – наконец сказала она и, к большому облегчению, выпрямилась.

Пьемонт в душе порадовался, что жена не может прочитать его мысли, потому что открывавшиеся ему виды были гораздо великолепнее, чем пес. Он быстро извинился и ретировался, прежде чем ситуация ухудшилась.

Скит притих после замечания о его невоспитанности и молча проводил Пьемонта к следующему дому. Тот стоял на краю заросшего длинного участка и принадлежал джентльмену, который на склоне лет решил стать ботаником и биологом. Двор, если его можно было так назвать, представлял собой миниатюрные живые джунгли, состоящие из смеси растительности и непонятно чего. Скит продвигался осторожно, тщательно исследуя каждый дюйм. На полпути к хижине он замерз, волосы на спине вздыбились.

Пьемонт молча стоял несколько минут, пока пес принимался. Внезапно Скит рванулся вперед и глубоко засунул свою узкую морду в желтый куст. Когда он выбрался из куста, в пасти извивался и злобно верещал черный ужас. Он походил не то на толстого червяка, не то на змею, хотя пропорции тела казались одинаково неправильными в обоих случаях.

Из хижины раздался вопль:

– Не позволяйте этой скотине причинять ей боль, мистер Пьемонт! Она всего лишь маленький ребенок!

* *Ховаварт* – «охранник замков», порода собак, сочетающая в себе лучшие качества компаньона и охранника. Порода легко дрессируется, обладает устойчивой психикой, отсутствием агрессии к человеку. (*Прим. перев.*)

Скит ошетинился, но не сжал челюсти. Он был обучен обращаться с существами всех типов, так чтобы не повредить ни им, ни ему самому... Ни его хозяину.

– Она и правда не опасна? – спросил Пьемонт.

Он знал, что этот человек даже бешеную кобру не посчитает «опасной». Но необходимо было соблюсти приличия.

– Нет, нет, малышка безвредна. Невинный младенец. Пожалуй-ста, мистер Пьемонт, велите своему волку отпустить ее.

Пьемонт коротко скомандовал Скиту, пес неохотно опустил голову и бросил существо на дерн, быстро мотнув головой назад. Существо мгновенно подпрыгнуло, шипя от ярости, но его крошечные челюсти не попали в цель. Скит зарычал, держась на расстоянии.

Мистер Темплар наклонился, взял черное тело в руки и погладил пальцем.

– Сейчас, сейчас, – бормотал он, – мерзкий зверь не сделал тебе больно, дорогая. Не веди себя так непослушно.

Яркие глаза-бусинки продолжали злобно смотреть на Скита, а на зубах существа появились пузырьки красноватой влаги. Мелькнул раздвоенный язык. Пьемонт задумался, насколько «непослушным» это существо может оказаться. Ему придется рассказать доктору Маннеру о последнем творении Темплара; Скит обычно не ошибался, когда дело доходит до оценки врагов.

Пьемонт отдал Темплару посылку и удалился.

ЧЕРЕЗ ДВА ЧАСА Пьемонт вернулся в небольшой лес на время обеда. Скит казался напряженным, но не протестовал. Что-то беспокоило крупного пса; в этот день вокруг этой конкретной области была аура, которая не предвещала ничего хорошего для человека, работающего на правительство. Ощущение, однако, было слишком неуловимым, чтобы точно его конкретизировать.

Они поднялись на высокий травяной склон и остановились на обед. Пьемонт открыл сумку и вытащил упаковки с обедами, каждому свою, положил перед Скитом его порцию. Человек и собака сидели в траве и папоротнике на вершине холма и жевали, наслаждаясь миром и тишиной. С этой высоты была видна половина общины – рощицы у подножия холма, луга и возделанные участки за ними, белый крест над церковью вдали, на фоне спокойного океана, омывающего горизонт. Неподалеку, с другой стороны, виднелась бесплодная высохшая полоса земли, окружавшая серую каменную крепость Правительственной резиденции.

Пьемонт задумался об этом. Он на той же высоте, что и флаг, развевающийся на вершине резиденции. И он смотрит на многоцветие

жилищ Шеола самого разнообразного дизайна. Прекрасная картинка с почтовой открытки, однако, эта картина свидетельствовала о поистине инопланетном образе жизни. Вряд ли он мог винить жителей за их недоверие к правительственному персоналу.

Пьемонт собрал упаковку и контейнеры, оставшиеся от еды, чтобы сложить их в соответствующее отделение своей сумки. Когда он наклонился над сумкой, что-то ударило его в плечо, и Скит зарычал. Пьемонт потянулся к плечу, и тут его настигла боль.

Сквозь красный туман он увидел стрелу, воткнувшуюся на дюйм в правое плечо. Он ухватил стрелу левой рукой, но боль разом усилилась, и рука беспомощно упала. Он лег, позволяя дельтовидной мышце немного расслабиться. Внезапно рядом оказался Скит, сжал стрелу зубами, и через миг она оказалась выдернута.

Воспользовавшись своей походной аптечкой, Пьемонт как можно лучше перевязал рану, радуясь, что ни одна артерия не задета и ввел себе новокаин и антидот. Через несколько минут боль утихла, и он снова стал осознавать мир вокруг себя. Настороженный Скит его охранял, но тот, кто выпустил стрелу, должно быть, удрал.

Правила требовали, чтобы он немедленно сообщил о ситуации и дождался помощи, прежде чем двигаться дальше. Нападавший мог попытаться добить.

Будь прокляты эти правила! У него в течение двадцати лет был прекрасный послужной список, и Пьемонт не собирался допустить, чтобы тот сейчас оказался подпорчен. Ему не нужна запись о том, что он столкнулся с ситуацией, с которой он не мог справиться, или о том, что его сектор вышел из-под контроля. Он сам разберется с этим вопросом и сделает полный отчет позже... Может быть.

— Ладно, Скит, — сказал Пьемонт. — Иди и найди его.

Пес отбежал, вынюхивая свежий след. Пьемонт, осторожно двигая правой рукой, взял игольник, а сумку оставил на вершине холма. Он понимал, что дело рискованное. Может быть, подумал он, наркотики исказили его сознание. Может быть, стрела была чем-то смазана...

Через несколько минут они оказались на окраине леса, которого Скит сегодня так остерегался. Должно быть, именно здесь было логово нападавшего. Собака привела к заросшему лианами ущелью, где молодые деревья и кусты ежевики перепутались, образовав непроницаемую стену. В его теперешнем состоянии физически было невозможно вытащить оттуда беглеца, а попытка вломиться могла привести только к тому, что в него полетит еще одна стрела — точнее нацеленная.

Пьемонту не нравилось то, что он собирался сделать, но у него не оставалось выбора.

– Он твой, Скит. Иди! Иди за ним!

Пес подпрыгнул, как от удара, его темное тело исчезло в зарослях. Деревца и кусты раскачивались, но ни глаза, ни уши не помогали определить, где движется Скит. Хорошо обученный пес, подумал Пьемонт с простительной гордостью. И, чтобы там не говорили, хорошо воспитанный.

Прошла минута; другая. Пьемонту хватило времени понадеяться, что там мужчина, а не женщина, хотя рыцарские сантименты в Шеоле были неуместны. Внезапно в воздухе разнесся дикий вой, заставивший Пьемонта непроизвольно подпрыгнуть – внушающий ужас голос Скита оказался действенным. В кустах раздался треск, за которым следовал ожесточенный лай, сначала с одной стороны, потом с другой – пес загонял человека.

Впереди разошлись кусты, и из них выскочил мужчина.

– Стой! – крикнул Пьемонт, зная, что толку от этого не будет, но чувствуя необходимость дать этому человеку шанс.

Беглец увидел его и ринулся в сторону открытой местности. Неохотно Пьемонт поднял левую руку и выстрелил.

Игла пролетела мимо, подтверждая его опасения. Он метко стрелял правой рукой, но... Из зарослей вырвался злобно оскалившийся Скит и, пробежав по дуге, заблокировал мужчине путь к побегу. Мужчина остановился, наблюдая за собакой. Теперь, когда он мог *видеть* своего противника, человек начал избавляться от своих страхов. Он выхватил стрелу из наплечной сбруи и наложил ее на тетиву.

Пьемонт перехватил оружие в правую руку и напряг локоть. Несмотря на укол, боль все же ощущалась, и голова кружилась, но он не мог допустить, чтобы Скит получил травму. Он выстрелил и увидел, как беглец падает. Пьемонт вспомнил, что эта вторая игла не сработала бы, если бы молодой капрал Уайтинг оказался не таким дотошным.

Пьемонт подошел к бессознательному телу, вынул иглу и неловко перевернул его на спину. Оказалось, что это не мужчина, а мальчик, лет двенадцати-тринадцати. Пьемонт достал одориметр, открыл специальную страницу и прижал к ней мягкую руку мальчика для дальнейшего опознания. Позже можно было бы обработать отпечатки пальцев с той же самой пластины, но запах в данный момент для Скита был самым важным.

Ожидая, пока мальчик придет в себя, Пьемонт трепал лохматую голову собаки, взамен его пару раз смачно лизнули. Эффект от иглы

был кратковременным, он, как правило, позволял на несколько минут получить контроль над недисциплинированным клиентом и быстро прекращался без вредных последствий. Пьемонт радовался возможности получить передышку, прежде чем начинать допрос.

Мальчик оказался Ларри Джонсом из соседнего сектора. Это объясняло, почему Пьемонт его не узнал, и вернуло Пьемонту веру в свою способность хорошо запоминать лица. Мальчик ненавидел всех государственных служащих, а его родители сжигали почту, не читая.

— Эти письма написаны, само собой, не настоящими людьми, — с омерзением сказал Ларри. — Я раз такое видел, и все оно было полной мозгоправной чушью. Несчастные дураки ведутся на это, не понимая, что с ними делают. Эта хрень заставляет захотеть покинуть остров и пойти работать на Правление. Просто промывание мозгов.

Пьемонт внимательно следил за мальчиком.

— Ты и в самом деле в это веришь, сынок?

Ларри презрительно сжал губы.

— Думаешь, я совсем тупой? Я сам читал это письмо.

Он оглянулся в поисках пути к спасению, но Скит предупреждающе рыкнул.

— А ты, ты, правленческий топотун — ты раздаешь письма. Нарочно.

Пьемонт задумчиво кивнул. Парень оказался неприятно близок к истине. Его следовало доставить в Правительственную резиденцию для обработки. Но не сразу, он еще не был готов.

— Значит, вы спроектировали специальный домик для одной из получательниц почты. Ее часть сделки состояла в том, чтобы устроить для меня небольшую ловушку... — медленно произнес он.

Голова Ларри резко дернулась.

— Откуда ты знаешь?

— Обоснованное предположение. Дизайн хижины гениальный, но эта женщина никогда не стала бы играть в такие игры с правительственным служащим. За ней должен был быть кто-то достаточно умный, но не имеющий достаточно опыта для разработки грамотного плана.

— Это что, так думать тебе учение помогает, а?

— В том числе, — сказал Пьемонт, забрасывая приманку.

Ларри не понравилось, что его перехитрили и как только он поймет, что есть трюки, которым он не сможет научиться за пределами Правительственной резиденции, он будет готов выслушать

разумные доводы. На это потребуется время; но приманку он уже заглотил.

— В Правительственной резиденции все не так уж плохо, — продолжал Пьемонт. — Тебе кажется, что эти люди хотят тебя заполучить, Ларри? Вовсе нет. Наоборот, они стараются держаться подальше от тебя, потому что боятся. Они не понимают твой склад ума. Они считают, что на Шеоле все с приветом.

Даже когда наслаждаются продукцией острова, добавил Пьемонт про себя. Отсюда появляются бестселлеры, прекрасные, хотя и тревожащие воображение пьесы, не говоря уж о парящих дворцах, в которых работала, жила и развлекалась значительная часть населения.

Мальчик нахмурился.

— Они думают, что мы чокнутые?

Пьемонт пристально смотрел на него, незаметно положив руку на игольник. Взгляд Ларри встретился с его взглядом, и Пьемонт медленно улыбнулся. Мальчик ответил неуверенной улыбкой, а Пьемонт широко усмехнулся. Внезапно они оба громко расхохотались.

— Они думают, что мы... — Ларри задохнулся и снова развеселился. — И кто бы мог подумать!

Скит недоумевающе поднял ухо.

Нет, не недоумевающе. Его внимание привлек слабый пульсирующий шум приближающейся полицейской вертушки, Скит услышал звук первым.

— Тебе лучше смотаться отсюда, Ларри, — сказал Пьемонт. — Это копы.

— Хочешь сказать, что не заметишь меня?

— К этим придуркам? — пренебрежительно спросил Пьемонт. — Ты с ума сдвинулся или как?

Они снова посмеялись, и Ларри, покачиваясь, поднялся на ноги.

— Заходи ко мне в гости, — позвал его Пьемонт. — На холме, на обед. Но без своих стрел!

Мальчик помахал ему и скрылся.

ВСКОРЕ ВЕРТОЛЕТ приземлился, взметнув пыль и сухие листья. Винты замерли, и наружу вылез солдат.

— Надо же, капрал Уайтинг, — весело сказал Пьемонт. — Что привело вас сюда?

Уайтинг с беспокойством смотрел на него.

— Ваш маяк оставался на одном месте так долго, что я стал опасаться...

– Капрал, вы же знаете, что я бы дал знать, если бы возникли проблемы.

Скит подтверждающее твякнул.

– Несомненно, – рассудительно сказал Уайтинг. – Но, возможно, мне стоит перевязать вам руку, прежде чем вы потеряете еще больше крови... Сэр.

Пьемонт взглянул на рану, обильно покрытую красным и смягчился.

– Ладно, все-таки правильно, что вы прибыли, – сказал он. – Случился небольшой... инцидент. Но у Скита все было под контролем.

Уайтинг занялся раной с удивительным знанием дела, снял неуклюжую повязку и принялся заново перебинтовывать плечо.

– Доктор Пьемонт, – начал он, не прерывая медицинские процедуры, – сколько времени может понадобиться... Я имею в виду, сколько надо готовиться?..

– Чтобы стать Наблюдателем в Царстве Лотоса*? – закончил Пьемонт. – Дайте мне подумать. Прошло время, а легче не становится. Но, насколько я помню, понадобилось два года предварительной подготовки, по-моему, у вас такая подготовка по большей части имеется; год работы в клинике, четыре года на психологию, социологию, биологию и физиологию. Довольно поверхностное изучение юриспруденции и истории, один или два курса по антропологии и... о, я почти забыл. Три месяца обучения способам выживания, – Пьемонт повернулся, чтобы серьезно изучить молодое лицо. – В общем, требуется около восьми лет хорошей, тяжелой работы. Думаете, сможете справиться?

– Думаю, что смогу, сэр. Я подлежу увольнению через восемь месяцев, а я не собираюсь повторно поступать на военную службу. И, в любом случае, я не рвусь на материк. Там не вызовов, нет... ну, я просто думаю, что Шеол – это место для меня. Я имею в виду, что хочу здесь работать. Как вы, сэр.

Лицо Пьемонта покрылось глубокими складками, свидетельствующими о времени и сердечных силах, вложенных им в свою работу.

– Здесь, определенно, вызовы найдутся. Вас могут удивить некоторые небольшие проблемы, с которыми приходится сталкиваться в течение обычного рабочего дня...

– Не сомневаюсь, – пробормотал Уайтинг, закачивая перевязку.

* В Древней Индии лотос выступает как символ творческой силы, как образ сотворения мира. (Прим. перев.)

Пьемонт устало улыбнулся. Теперь, когда он мог позволить себе расслабиться, он осознал, что был близок к тому, чтобы потерять сознание.

— Вы должны понимать, что инциденты будут случаться. Я имею в виду, такие инциденты, последствия которых неизбежно могут принять более физическое воплощение. Это возвращает нас к проблеме нашего общества. Мы все продумали так, чтобы оно аккуратно функционировало, осталось лишь несколько свободных концов. Иногда нить развязывается внепланово, и тогда возникают последствия.

Уайтинг помог ему подняться.

— Хорошенько отдохните, сэр. У нас найдется кому забрать вашу почтовую сумку.

Все еще улыбаясь, Пьемонт занял свое место в вертолете.

— Вы не вполне понимаете, о чем я говорю сейчас, но вы поймете, если пройдете обучение. Видите ли, цивилизации присущи два основных качества. Первое, то, что гражданские называют интеллектом, военные смышленостью, а психологи способностью к обучению. Все это иначе можно просто назвать старым добрым здравым смыслом. Некоторые люди обладают им в большей степени, чем другие. Другое качество — инициативность, в армии это лидерство, в психологии — творчество. Я считаю, что этот разницей в терминологии просто упрямое следование традициям. Существуют два качества — и если вы обладаете обоими, вы становитесь правительственным чиновником. Если у вас нет ни того, ни другого, вам стоит выбирать военную карьеру. Если у вас есть мозги, но не хватает воображения, то для вас найдется множество специализированных областей, где вы получите возможность реализоваться. Но что делать, если тебе достался неудержимо творческий гений без достаточного интеллекта, чтобы им управлять? Для тебя места не найдется. У тебя есть желание обрести свободу, но ты не знаешь, как это осуществить. Общество ничего не может сделать для тебя и ничего не может поделаться с тобой, но ты *не безумен*. Ты просто в него не вписываешься.

Уайтинг посадил вертолет во дворе Правительственной резиденции и заглушил двигатели.

— Я никогда не думал об этом таким образом.

— Как и большинство людей, особенно те, кто находится в подобной ситуации. Их хватает, и было бы невозможно и несправедливо заставлять их всех жить по правилам общества. Поэтому общество подбирает эти свободные концы и помещает их сюда на остров, где о них можно позабыть. Правительство обеспечивает их предме-

тами первой необходимости и позволяет им жить по собственному усмотрению. Это чудесная и удивительная община и ей вполне соответствует первоначальное значение термина «Шеол» – место забвения...

Уайтинг помог ему выйти из вертолета.

– Э-э, доктор... Вы будете рапортовать о вашем... инциденте?

– Я бы предпочел назвать его мелким эпизодом в процессе ре-крутирования, – ответил Пьемонт. – Когда там появляется кто-то обладающий и интеллектом, и инициативностью, он неизбежно оказывается чужим в чужой стране. Лучшим кандидатом на государственную службу. Иногда сначала случается некоторое недопонимание...

Уайтинг сдался.

– Ладно, сэр... Ничего не случилось.

Пьемонт легонько похлопал его по плечу.

– Вы должны понять, Фред – для того, чтобы успешно работать в условиях Шеола, требуется индивидуальный подход. Нужен такой человек, который сможет слегка изменить правила, когда увидит, что они здесь неприменимы, или такой, который полетит на полицейском вертолете, хотя вызова не было. Понимаете, что я имею в виду?

Уайтинг неуверенно кивнул.

– А самое главное – помните, что, несмотря на весь этот романтический ореол, причудливые звания и привилегии, я, в конце концов, всего лишь почтальон. И моя работа – просто быть почтальоном.

Sheol, (Analog Science Fact, 1964 № 9), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова

STORIES OF IMAGINATION
FANTASTIC

MAGNANTHROPUS RETURNS IN A NEW NOVEL:

SEED OF ELORASPON

OCTOBER

50¢

▲
10

GEORGE SCHELLING

ВСТРЕЧА

ВЕЧЕРОМ ДВАДЦАТОГО дня Эйб Сэйл наткнулся на стену. По обе стороны, на север и на юг простиралось широкое пустое пространство, позади него Омега-авеню устремлялось в сторону рассвета вплоть до Атлантики. Спереди же сплошной бетон обрубал дорогу, и дальше Сэйл пройти не мог.

В эпоху автоматизации и безделья, Сэйл имел обыкновение ходить по бесконечным городским улицам, проявляя таким асоциальным способом свою неумную тягу к свободе самовыражения. Его тело было натренировано множеством миль, которые прошагали его ноги – двадцать миль в день, квест через столичное чистилище.

Поскольку на площадках пустых парковочных мест бродили полубезумные животные, он был вооружен; поскольку ночью холодало, он был одет; поскольку ни один нормальный человек не открыл бы проход на наземный уровень, он был уверен в себе.

Это была суровая территория. Собаки были маленькими, но стаи были большими, и не все убегали при виде оружия. Здесь даже огромные крысы вели себя настороженно и держались в тени. Что-то сдерживало их, и Сэйл сомневался, что это страх перед человеком.

Чтобы выжить в открытом пространстве города, страннику требовались хитрость и смекалка. Сэйл выжил. Вооруженный тяжелым стальным посохом, он до сих пор ничего не боялся на улицах, но бывали ситуации, когда целесообразнее отступить, а он не был дураком. Сейчас же, пройдя по Омеге четыреста миль на запад, он столкнулся с феноменом, который бросил ему вызов: тупик.

Он изучил стену и обнаружил, что она была высокой: отвесная скала из камня, стали и строительного раствора. На такую просто так не забраться. Она была так же высока, как здание, протянувшееся так далеко, как мог видеть глаз. Окруженная пустой мостовой, стена была недостижима с любой соседней крыши.

Сэйл не мог задержаться здесь; недалеко позади бродила стая тощих и голодных собак. Он должен был найти относительно безопасное место для сна.

Он повернул за угол на юг, продвигаясь вдоль стены. В квартале от него другой странник повернул за угол на север, и так они столкнулись, застав друг друга врасплох. Другое существо оказалось представителем семейства кошачьих огромных размеров. Не так распространенные, как собаки, и всегда одиночки, кошки не представляли для него угрозы. Фактически, с их забавами над грызу-

нами, они были больше другом человеку, чем свора собак, от которых ему неоднократно приходилось отмахиваться спасительными ударами загнанного в угол человека. Но это — конечно, это был король кошек. Это было потрясающе.

Кот двинулся вперед, и Сэйл тоже. Если пройти станет проблемой, стальной посох будет говорить за него. Против собачьей стаи Сэйл готов был отступить, но не против одного животного. И все же он задавался вопросом, почему полосатый представитель кошачьих отказывался уступить дорогу. Почему он встретился ему посреди улицы, а не лежал в засаде? Что двигало им?

Его глаза следили за животным; но он заметил, что все крысы исчезли. Одна загадка была раскрыта; крысы тоже не были дурами. Это был не обычный полосатый кот.

Они не уступали друг другу, кошка двигалась плавно, огромные мышцы свободно играли под кожей; Сэйл с эффективным оружием, посохом, который он держал обеими руками. Они сблизились; кот сделал финт, одна лапа врезалась в посох, но Сэйл был настороже. Даже сейчас он не боялся; было радостное возбуждение от единоборства, которое будоражило его тело, зажигало его воображение.

Всегда бдительный к опасности позади, Сэйл внезапно напрягся. Он знал, не оборачиваясь, что приближается идущая по следу стая; он мог слышать многоголосие лая и рычания. Это отрезало его побег; ему придется быстро убивать соперника и сразу уходить, прежде чем клыки проткнут его.

Позади кота еще больше собак вышли из-за угла. Он подумал, что стая была необычайно большой, чтобы перекрыть оба квартала. Но нет — те, кто был впереди, были другого вида. Коренастые и волосатые, с длинными мордами — вовсе не собаки, а свиньи! Бородавочники, дикие свиньи или что-то в этом роде. Действительно странно.

Сэйл ни на мгновение не забывал о непосредственном противнике; он опознал как собак, так и свиней, осторожно кружа вокруг большой кошки. Теперь две мысли сошлись воедино: свиньи не были североамериканской породой, также как и кошка. Он имел дело с настоящим тигром! Как он оказался здесь, у Сэйла не было времени задуматься; если он не расправится с ним в ближайшее время, собаки разорвут их на куски.

— А ведь свиньи преследовали тебя, — сказал он коту в кратком перемирии. — Ты убил одну из них, и после этого твою жизнь назначили расплатой. Ты знал, что отступить передо мной бесполезно!

Шум позади него рос. Собаки собирались напасть. Одновременно свиньи продвигались вперед, короткие ноги и копыта цокали

по асфальту. Каждая группировка была грозной; вместе они несли гибель. Он должен был сбежать.

Его взгляд привлек люк в центре улицы. Он закричал на кота, удивив его мимолетной передышкой, и отскочил, пока тот нервно глядел на сходящиеся стаи. Он втиснул свой посох в край углубления, подняв тяжелую крышку. Нехотя, она поддалась; Сэйл откинул ее в сторону и прыгнул в темную дыру, рука автоматически потянулась к ступеням лестницы, которая должна была находиться там. Он поймал ступень, рывок чуть не сломал запястье, и крепко зацепился; невозможно было понять, насколько глубоко простирается яма или что может ожидать ниже. Грозный перестук копыт пронесся выше; вокруг были злобные звери, которые теперь сражались между собой.

Лестница закончилась десятью футами ниже поверхности скользкой и грязной площадкой. Сэйл встал на ноги и огляделся.

Ослепляющие желтые глаза встретились с ним взглядом.

Он замер у лестницы, ожидая, пока его зрение привыкнет, не осмеливаясь двигаться, даже в целях самозащиты, пока не узнает, с чем столкнулся.

Через несколько мгновений у него появился ответ. Это был тигр.

Каким-то образом он последовал за Сэйлом в яму, в то время как тот был слишком занят, чтобы заметить это. Его посох остался выше, даже если бы здесь хватило места, чтобы использовать его. Он мог полагаться только на свой нож.

И все же он ждал, не решаясь спровоцировать атаку. Он сомневался, что сможет ее отразить, насколько он мог понять, тигр весил столько же, сколько он сам, а зрение тигра в темноте точно работает лучше. Сэйлу пришлось бы держать одну руку на лестнице для опоры и сражаться другой. И если бы мог, он бы не хотел убивать тигра.

Минуты шли, но атаки все не было. Тигр молча смотрел на него. Когда глаза Сэйла полностью привыкли к темноте, он увидел, что это было вовсе не враждебно; тигр просто сидел там, наблюдая.

Конечно!

-Ты пришел сюда не для того, чтобы напасть на меня – ты пришел, убегая от общего врага!

Кот не двигался, но Сэйл чувствовал, возможно, нелогично, что отсутствие отрицания представляет собой согласие. В беде любой выход хорош; от безжалостных свиней тигру было так же страшно, как и ему от собак. И он был уверен, что любой из вышеперечисленных противников с радостью уничтожит беглецов по отдельности или совместно. Лучше делить укрытие с одним врагом, чем быть уничтоженным стаей.

– Перемирие? – спросил он, и тигр не отрицал этого.

Выше гвалт достиг критического уровня. Тени носились с шумом мимо дыры; клочки меха летели вниз. Затем грохнуло, и тяжелое тело упало на площадку между беглецами. Это была свинья, ее горло уже было разорвано.

Сэйл понял, что он голоден. Двигаясь осторожно и не спуская глаз с кота, он схватил нож и подошел к туше. Тигр разомкнул челюсти, но не вмешался. Сэйл кромсал, пока, наконец, не отрубил ногу; поставив ступню на кусок ноги, он сильно толкнул его своему компаньону. Они поели.

Сверху стало темно и тихо; но было бы безрассудно пытаться уйти сейчас. Им придется провести ночь там, где они были. Сэйл обнаружил, что он все еще мог смутно видеть; в двух шагах от него скользкая площадка спускалась в открытую канализацию, вещество, покрывающее стены, фосфоресцировало, освещая воду. Воздух был спертый, но не зловонный; они смогут здесь задержаться.

Смирившись с присутствием кота, но, не расслабляясь ни на миг, Сэйл заговорил, чтобы не уснуть. Утром он сможет подняться по лестнице и уйти безнаказанно, но не сейчас.

– Как ты попал на улицы Мид-Атлантика? – спросил он кота. – Ты – азиатское животное, Тигр. Ты не возражаешь, если я назову тебя Тигром? Хорошо. А как насчет этих свиней? Дикие свиньи – южноамериканцы, если я правильно помню свои уроки природоведения. Здесь бегают дикие собаки и крысы; они помеси того или иного рода. Но ты...

Тигр зевнул и потянулся.

– Не делай этого! – запротестовал Сэйл. – В следующую минуту ты заставишь меня сделать то же самое, хотя я не собираюсь сдаваться из-за твоих доводов...

Тигр проигнорировал его, и Сэйл продолжил свою историю.

– Ты видишь эти пустые здания, Тигр, и думаешь, что вся страна опустела. Но хочешь узнать кое-что? Население одного только этого субконтинента составляет более миллиарда. Я имею в виду людей, а не тигров. Они живут в зданиях, и у них легкая жизнь. Они могли бы ходить из одного здания в другое, если бы захотели, но им просто неинтересно. Видите ли, все, что кому-то нужно или хочется, доставляется в его собственную квартиру – все, что угодно. Никому не нужно работать. Даже те немногие, которые путешествуют – например, ремонтники роботов – используют метро, никто не ходит по улицам. Все здания имеют лестницы и двери – строительные нормы, знаешь ли, устарели, но все еще в силе, – однако практически все они запечатаны.

Тигр встал и ткнулся в текущую воду.

— На твоём месте я бы не стал пить здесь, — предупредил Сэйл.

Затем он увидел ее: длинную, злую морду аллигатора. Аллигатор подобрался ближе, люминесцирующая мягкая рябь в воде давала представление о его длине: восемь-девять футов. Если эта тварь нападет...

Аллигатор поднялся на узкую площадку и направился прямо к тигру. Его челюсти были огромными. Сэйл переместился, поставил один ботинок на незащищенную шкуру и толкнул; с всплеском она беспомощно соскользнула в воду. Следуя вдохновению, Сэйл затем пнул грязный остаток свиньи в канализацию вслед рептилии; аллигатор мелькнул в воде, ухватил кусок в зубы и исчез.

Сэйл оказался рядом с большой кошкой. Он поспешно отступил на свою сторону. Зачем он это сделал? Бой между Тигром и аллигатором мог быть ему только на пользу; зачем было мешать?

— Ему нужно было только подкрепиться, как и всем нам, — объяснил он. — Часть крови, должно быть, попала в воду...

Тигр снова лег, казалось, невозмутимый.

— И что я здесь делаю, борюсь с крысами, когда у меня есть уютная квартира в доме, ты полубопыствуешь, — сказал он, продолжая свой предыдущий ход мыслей.

Тигр выглядел необычайно бесстрастным.

— Это все потому, что было так спокойно, что мне пришлось покинуть свою квартиру. Человек не приспособлен для рая; он становится дряблым, теряет чувство собственного достоинства. Человек с силой воли должен сражаться; он должен преодолевать. Итак, я выбрал приключение, я открыл дверь на наземном уровне и увидел перед собой дикий мир. Я приготовился, я отправился на поиски западной части Омеги. — Теперь же я нашел эту стену — и я недоволен. Я хочу знать, что находится с другой стороны стены.

Наконец Сэйл заснул. Он проснулся, несколько удивленный тем, что остался невредимым, от тусклого света, распространяющегося через дыру наверху. Было утро. Он схватился за лестницу и поднялся. Он осторожно высунул голову из люка. Мертвые собаки и свиньи были повсюду; но это было все. У стены крысы были в своих правах и грызли останки.

— Все чисто! — Сэйл позвал Тигра, задаваясь вопросом, сможет ли животное подняться по лестнице. Но рыжеватое-коричневое тело появилось без труда.

Теперь, когда общая угроза миновала, Сэйл настороженно посмотрел на кота, не зная, сохранилось ли перемирие.

Он забрал свой посох и обтер его, теперь держа его наготове, но Тигр это проигнорировал. Порычал, чтобы распугать крыс; а затем ушел, побежав вприпрыжку на юг вдоль стены.

На юг? До сих пор кот шел на север, спасаясь бегством от свиней. Сэйл последовал за ним.

Через две мили кот исчез. Сэйл двигался осторожно, чтобы найти проход в стене. Камень откололся от нее, и появилась дыра, ведущая на другую сторону. Заглянув через нее, он увидел, что Тигр ждет.

Он пролез через отверстие и остановился, пораженный. Город заканчивался стеной, здесь же был только запущенный лес, в изобилии росли деревья, кустарники и высокая трава. Он понял, что здесь тоже обитали животные – на земле валялся помет. Он слышал, что где-то шумела река, а воздух был сладким и прохладным.

Как это случилось? Последние настоящие леса давно погибли, пропали в то время, когда правительство еще только обсуждало охранный законодательство.

Больше не было дикой природы, во всей Северной Америке не было. Но здесь...

– Зоопарк!

Теперь до него дошло. Дикой местности не осталось; но остались парки и искусственные сады, созданные как образец настоящей природы. Тигр, дикие свиньи: существа из зоопарка, теперь свободные и разбредшиеся без присмотра. И кусты со всех концов света выросли и распространились. То, что раньше имитировало природу, стало настоящим.

Тигр коснулся его и пробрался обратно через щель в город.

Сэйл уставился на величественного кота в замешательстве.

– Конечно, для тебя это рай, – сказал он. – Почему же ты хочешь уйти?

Но когда он произнес эти слова, он понял. Тигры не созданы для рая. Только на суровых улицах, среди враждебных собак и крыс, существовало настоящее испытание для создания с независимым духом.

Он задался вопросом, не столкнулся ли Тигр с той же проблемой: охотиться и находить безопасные места для сна в одиночестве. Безлюдная территория также была территорией без тигров, по крайней мере, время от времени. Индивидуализм – это прекрасно, но индивидуализм не исключал необходимость общения.

Тигр тоже нуждался в товарище по духу?

Сэйл выбрался из зоопарка и опять очутился на улице. Там его ждал кот.

– Пойдем, – сказал Сэйл, направляясь на север.

И Тигр пошел.

Encounter, (Fantastic Stories of Imagination, 1964 № 10), пер. Евгения Толстикова

PIERS ANTHONY

ANTHONY ADVERSE. ANTHONY UNIVERSE—

ANTHONOLOGY

**FIRST
TIME
IN
PAPERBACK!**

US \$314.00 + \$3.50
CAN \$315.99 + \$3.50

С МАЛЕНЬКИМ РТОМ И НЕВКУСНЫЙ

— **ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ** с маленьким ртом, — сказала мисс Кончер, когда грузовик остановился. — Он был менее успешен в джунглях, чем обезьяны и стал плотоядным, чтобы набить свой живот. Поскольку он не мог эффективно использовать глубоко расположенные зубы для охоты, ему пришлось пользоваться передними конечностями. Что, в свою очередь, заставило его принять двуногую стойку, а у него даже не было хвоста для противовеса. — Она глубокомысленно кивнула. — Мы можем быть уверены, что первый, бросивший камень, был не без греха; он был без еды и пребывал в отчаянии. Скажите мне, что вы видите.

Миссис Родос была готова к резкому изменению темы. Она слегка развернулась на сиденье и посмотрела на пейзаж.

— Я вижу разрозненные кусты, растущие в грязи или в гравии, такую местность я бы назвала бесплодными землями. По дну долины бежит извилистый мутный ручей, а вдали виднеются серые горы.

Мисс Кончер улыбнулась.

— Прекрасно.

Она была маленькая и древняя с волосами белесого цвета, похожими на проволоку, а ее глаза, казалось, внимательно смотрели, хотя она уже давно ослепла. В тонких линиях ее лица, покрытого сетью морщин и «гусиных лапок» чувствовалась личность.

— А что видите вы? — спросила миссис Родос.

Она знала, что такие прямые вопросы не оскорбляют старую леди, которая вела себя так, словно ее физические недостатки давали ей преимущество.

— Я вижу обширную зеленую долину, более прохладную и влажную, чем сейчас. На ее склонах растут разнообразные деревья, богатые фруктами и орехами, а река широкая и чистая, несмотря на близкий конус вулкана. От легкого ветра колышутся высокая трава и яркие цветы. В изобилии птицы, от красочного фламинго до огромного меланхоличного стервятника. Я называю эту долину Эдемом, а вдобавок здесь, помимо растительности, есть животные для захватывающей охоты. Бабуины, свиньи, газели, зайцы, носороги, халикотерии...

— Кто, прошу прощения?

– Халикотерии. Большие пожиратели деревьев, теперь вымершие. О, да, здесь было очаровательно, два миллиона лет тому назад.

– Ваша реальность намного приятнее моей, мисс Кончер.

– Мое видение принадлежит прошлому, как мне и положено. Я на добрые тридцать лет ближе к нему, чем ты.

Старые серые глаза снова устремились на нее.

– Давайте посмотрим карту.

Миссис Родос достала лист с изображением Восточной Африки.

– Мы находимся в Танганьики* – я имею в виду, в Танзании – немного южнее озера Виктория и чуть западнее.

Мисс Кончер снисходительно улыбнулась:

– Теперь посмотрите на природные особенности.

Миссис Родос изучала карту, не понимая, зачем это.

– Конечно, здесь имеется озеро Виктория, а всего в нескольких милях от нас находится озеро Танганьика. И еще одно длинное, тонкое озеро южнее, Ньяса. И горы, среди них на востоке – Килиманджаро, самая высокая гора Африки, почти двадцать тысяч футов. И реки, Нил течет на север, а Конго на запад.

– Очень хорошо, – голос старой женщины звучал разочарованно, как будто способный ученик упустил из виду очевидное.

– И в трехстах милях от нас находится Олдувайское ущелье, где доктор Лики обнаружил человеческие кости.

– Кости! – Мисс Кончер все еще не была удовлетворена. – Моя карта показывает могучий африканский материк, огромный тропический резервуар жизни. В двух тысячах миль от его побережья протянулся грандиозный Срединно-океанический хребет, самая длинная непрерывная горная цепь во всем мире. И в центре этого хребта – рифт**, петляющий в Индийском океане, тянущийся вверх, чтобы отрезать Аравию и отделить Израиль от Иордании, а его ответвление ведет вниз, в саму Африку, чтобы образовать Великую рифтовую долину, в которой мы сейчас и находимся. А посреди этого рифта – кратер, как будто там свалился чудовищный метеорит и разбил его на прерывистый круг. И начались дожди, какие в

* *Танганьика* (англ. Tanganyika) – название восточноафриканской территории (с декабря 1961 г. до апреля 1964 г. – независимого государства), ныне часть Танзании между Индийским океаном и озерами Виктория, Ньяса и Танганьика. (*Прим. перев.*)

** *Рифт* – огромная вытянутая впадина в земной коре, возникающая в месте разрыва земной коры, когда на нее действуют силы растяжения либо продольного смещения двух плит. (*Прим. перев.*)

наше время не увидишь, настоящий потоп, и начали заполняться водой обломки Рифта и кратера...

– Озеро Виктория! – воскликнула миссис Родос, внезапно увидев, как все это оживает на карте. – Танганьика! Ньяса!

– Да. Что за катастрофа! Но ставшая благословением для Человека, потому что все произошло в этом безумно разрушенном регионе, на этой зеленой земле, оказавшейся защищенной своей новой географией – именно здесь Человек нашел Эдем.

Мисс Кончер снова улыбнулась.

– А мы ищем здесь змея.

– Змея? Конечно, вы не имеете в виду того, кто соблазнил Еву...

– Конечно, моя дорогая, именно его я и имею в виду. Без этого змея человек никогда не покинул бы Эдем, и это, поверьте мне, кончилось бы слишком плохо.

– Мисс Кончер, я понимаю, что вы говорите метафорически. Но что значит – слишком плохо? Разве изгнание, описанное в библии, не было божьим наказанием за...

– Наказание может быть очень поучительным. Посмотрите, каков Эдем сейчас.

Миссис Родос снова посмотрела на мрачную, иссохшую землю. Конечно, все изменилось по сравнению с пышными садами прошлого. Но она чувствовала, что упускает суть.

– Вываливай эту штуковину, и посмотрим, что нам удастся разнюхать, – бодро сказала мисс Кончер.

Температура колебалась около ста градусов по Фаренгейту, но это не слишком сдерживало энергию старушки.

«Штуковина» вряд ли походила на устройство, которое можно было бы вывалить. Это был массивный электронный инструмент, который занимал большую часть их переоборудованного армейского грузовика. Кроме того, имелась также складная башня для миниатюрной буровой установки. Ее генератор работал от двигателя грузовика.

– Это место не хуже любого другого, – сказала мисс Кончер, указывая на склон.

Может, она и была слепой, но землю она чувствовала.

Миссис Родос, маневрируя грузовиком, аккуратно разместила его задним бортом к нужному месту. Это было в ее компетенции и стало одной из предпосылок для такой работы. Немногие дипломированные медсестры смогли бы управлять трехосным транспортным средством, движущимся по пересеченной местности. Ей стоило бы поблагодарить мистера Родоса за такое наследство.

Мистер Родос. Ее юридически оформленному расставанию с ним едва исполнилось три месяца, но она поняла, что скучает по сварливому старому инженеру. Был он слишком требовательным, или она была слишком независимой? Теперь, когда она работала на мисс Кончер, она начала осознавать тот факт, что ряд черт, против которых она возражала, считая их признаком мужского высокомерия, были на самом деле естественным следствием самоуважения. Определенно, ее муж, как и другие, вел себя не хуже, чем мисс Кончер.

Тем временем она умело управляла лебедкой и вышкой, настраивая буровую установку, закрепляя ее и подключая генератор. К тому времени, когда работа была закончена, миссис Родос сильно вспотела, но радовалась, что она не хрупкая невинная красавица. Двигатель грузовика загудел, генератор включился, и тонкий стержень быстро ввинтился в землю, брызгая водой и выплевывая грязь. Когда колонна проникла в горную породу, установка автоматически отключилась: пришло время для алмазного долота. Миссис Родос произвела замену и снова включила бур. Понадобится некоторое время.

Они всухомятку пообедали, пока бур делал свое дело. Миссис Родос снова посмотрела на унылый пейзаж, спрашивая себя, получится ли что-нибудь толковое из этого проекта. Она все еще удивлялась, когда думала об этом, как ее угораздило попасть в страну туземцев, которые с удовольствием пили свежую кровь и носили головные уборы, сделанные из грязи и навоза. Конечно, их сотрудничество придавало путешествию смысл, а это было только частью истории...

— Животное с маленьким ртом, — повторила мисс Кончер. — Это отверстие, похожее на дыру — одна из немногих отличительных черт человека. Маленький рот, объемные ягодицы и голая кожа. Похоже на список превосходного вооружения для завоевания мира, не правда ли?

Миссис Родос привыкла к саркастическим высказываниям своей спутницы.

— Я всегда считала, что мозг человека...

— Мозг? У китов и слонов мозг больше, а у морских свинок весьма впечатляющие извилины. В нашем мозге ничего уникального нет.

— Или специализированные руки...

— С противопоставленным большим пальцем? Забудьте — у любого лесного жаворонка есть такой. Хваленая рука человека — одна из наименее специализированных конечностей в природе. Она

сохраняет примитивные пальцы – плохо вооруженные, толком не подходят ни для боя, ни для рытья земли. А вот мясистые ягодицы более значимы, они дают человеку возможность держаться вертикально и способность шагать, а это освобождает его от необходимости жить в лесах. А голая кожа дает ему большую тактильную поверхность. Но самое главное – его маленький рот, за которым скрыто пропорционально большое воздушное пространство, обеспечивающее резонатор, акустическую камеру, а это делает возможной настоящую речь.

– Я никогда не думала об этом с такой точки зрения...

– Но акустическое оборудование бесполезно, если не реализован его потенциал для общения. Нужен стимул говорить. Найди его – и найдешь человека.

– Понятно, – сказала миссис Родос, обнаружившая, что пытается отслеживать движения своих губ и языка.

До этой экспедиции она никогда не проявляла особого интереса к таким исследованиям, но жизнелюбие и энергичность старушки подогревали ее любопытство. И действительно, почему же человек начал говорить?

– Смотрите так, как я, – серьезно сказала мисс Кончер. – Смотрите вниз, в долину, и не моргайте, пока не придет видение.

Миссис Родос засмеялась.

– Это так по-детски!

– Конечно. Это же детство человечества. Смотрите.

Глаза мисс Кончер были устремлены вдаль, и миссис Родос не вполне охотно посмотрела в ту же сторону.

– Смотрите – всюду зелень, а мы находимся на естественном пастбище на недавно возникшем склоне Великой рифтовой долины. Мы видим величественное дерево с густой листвой и слышим, как в листве щебечут птицы. Нет, шум, скорее, производит животное за деревом – тот халикотерий, которого мы уже видели, ошипывает листья. Солнце то сияет, то исчезает за облачками, возможно, собирается дождь. Да, начинается дождь, нам придется искать укрытие под ветвями...

Миссис Родос продолжала смотреть, желая, чтобы пришло и какое-то не воображаемое облегчение от жары. Все в поле ее зрения начало расплываться, а цвета появлялись и исчезали. Наконец ей пришлось моргнуть, и бесплодная земля снова обрела резкость, но вскоре опять все поплыло. Проще было просто слушать про приятный мир, который описывала мисс Кончер, и воображать его изо всех сил.

Она закрыла глаза, позволяя пожилой женщине описывать сцену. Когда миссис Родос это сделала, воздух показался прохладнее, и ей показалось, что она слышит, как на ветвях дерева шелестят листья, и как рядом низко пролетела маленькая птичка в поисках насекомых. И да, начался дождь.

А потом появился человек – грубое существо с огромным животом. Он наклонялся вперед при ходьбе, колени были постоянно согнуты. Он был голым, но волосы на теле росли так густо, что фактически служили ему хорошим покровом. Его лицо больше походило на морду обезьяны: коричневая кожа над массивными надбровными дугами, сморщенный нос с вывернутыми ноздрями, выпяченный рот с большими желтыми зубами. Волосы, плотно обрамлявшие лицо, начинались от бровей, спускаясь дальше по щекам перед ушами и вокруг подбородка.

Это был парантроп, *Paranthropus*: *Para* (родственный) + *anthropus* (человек) на заре плейстоцена, два миллиона лет назад.

Дождь усиливался, поблизости с громким треском вспыхнула молния. С другой стороны появился еще один человекоподобный, а вместе с ним и волосатая самка, несущая детеныша. Но они были меньше, их волосы были тоньше, носы длиннее и прямее, а надбровные дуги менее выражены. Все еще с обезьяноподобными чертами лица, они были ближе к современному человеку, чем тот, что у дерева. Это были австралопитеки.

– Ав-стра-ло-пи-тЕ-ки, – сказала мисс Кончер, подчеркнув ударение.

Противостояние: парантроп почувствовал запах пришельцев и взревел от негодования. Самец австралопитека колебался, словно собирался отстоять свое право находиться здесь. Но когда парантроп двинулся вперед с угрожающим рычанием, семья пришельцев испугалась и враскачку побежала прочь сквозь ливень. Миссис Родос их пожалела.

– В этом регионе на лесной низменности царил парантроп, – сказала мисс Кончер. – Пяти футов ростом, с мощным телосложением, он был выше кузенов-австралопитеков на свою небритую голову. Ему принадлежали лучшие кормовые угодья. Неудивительно, что австралопитека, фактически нашего ближайшего родственника, отеснили на задворки саванны.

– Неудивительно, – повторила миссис Родос, пораженная силой захватившего ее видения.

– Тем не менее, это изгнание стало для него благословением. Парантропу не требовалось развиваться, поэтому он пережил

миллион лет без изменений – и вымер. Австралопитек, которому приходилось взрослеть в самых разнообразных условиях, всегда борющийся за жизнь на границе Эдема, продолжал превращаться в Homo Erectus, Человека Прямоходящего, становясь истинным человеком. То есть, он стал первым невкусным гоминидом.

– Простите?

– Вам не нравится такое определение? Но это оказалось одной из основных адаптационных особенностей человека, позволивших ему выжить в жестоком мире. Ему не всегда удавалось убежать от крупных плотоядных животных, но вскоре убежать ему стало не нужно. У его мяса был настолько отвратительный вкус, что ни один уважающий себя хищник не стал бы к нему притрагиваться, если можно было добыть для пропитания что-то более подходящее. Вот так он и выжил, подобно некоторым гусеницам.

На буровой установке прозвенел звонок и обе женщины поспешили перейти к следующему этапу.

Головка бура глубоко погрузилась в слои земли и породы, оставившись на приблизительной границе между плейстоценовыми отложениями и отложениями более раннего плиоцена. Грунт, как здесь, так и в других местах, был своего рода концентрированной историей – превратившиеся в землю останки, то, что оставалось после того, как стиралась память о сиюминутных бедствиях. Здесь были записаны все события, не хватало только способа интерпретации этих записей.

Миссис Родос извлекла керн: цилиндр из камня, на который не воздействовали другие силы, кроме естественных, в течение почти двух миллионов лет. Она вставила его целиком в бункер анализатора и подождала, пока эта штукавина отработает, потом считала данные с индикатора.

– След присутствует, – сказала она.

– Да, так я и думала. Великая рифтовая долина – естественный коридор, пересекающий восточную часть Африки. В этом вся прелесть. Но где-то след должен отклониться; тогда мы и найдем то, что найдется.

Миссис Родос покачала головой. Работа анализатора была основана на предположении, что запах живого существа более стойкий, чем считалось до недавнего времени. Мелкие частицы, дрейфующие в воздухе, впитывались в близлежащие предметы, закреплялись в них. Гончая могла обнаружить этот запах через часы или через дни, но полностью он не исчезал никогда. Когда объекты оказывались погребенными и, в конечном итоге, спрессованными,

образовав довольно внушительные пласты, этот крошечный обонятельный след остался. Инструмент с достаточной чувствительностью и настройкой мог бы вынюхать его десятки и сотни тысяч лет спустя, так как время очень мало влияло на глубинные слои.

Но в каждом фрагменте были миллионы следов, и многие настолько похожи, что перекрывали друг друга. Инструмент не мог распознать их все. Он просто отмечал наличие показаний, соответствующих шаблону, на который был настроен. Он не давал информации о сущности обнаруженного объекта или о продолжительности его пребывания в данной точке; прибор был слишком груб даже для того, чтобы определить, был ли это след млекопитающего, птицы или рептилии, большим или маленьким был объект. Объект либо соответствовал шаблону, либо нет.

Мисс Кончер никогда не рассказывала, как она выделила этот конкретный след, но миссис Родос подозревала, что на это она потратила годы кропотливой работы. Каким-то образом она обнаружила присутствие объекта, которое нельзя объяснить нормальной фауной того времени и региона, и убедилась, что оно значимое. Теперь, два миллиона лет спустя, они шли по следу.

— Что вы ожидаете найти? — не в первый и не во второй раз спросила миссис Родос.

— Смотри — охота на динотерия!

Она автоматически настроилась смотреть, прежде чем поняла, что это снова видение — и что снова мисс Кончер уходит от ответа. Старушка так ясно видела живое прошлое, что это оказалось заразным.

— Дино — это животное? Или большая рептилия?

Динотерий оказался млекопитающим. Обитая в болотистых джунглях, он не искал конфликтов с другими существами и мало кто собирался его беспокоить. Походивший на слона с бивнями, направленными прямо вниз и с коротким хоботом, он являлся самым большим существом в этой долине и вполне мог позволить себе быть безмятежным. Конкретно этот выбрался на твердую землю, не обращая внимания на опасность.

К нему подступили человекоподобные существа. Динотерий, хоть существ и заметил, подцепил еще одну зеленую ветку, не обращая на них внимания. Он зафиксировал ветку своими большими бивнями и обдирали хоботом листья.

Люди подошли ближе, издавая звуки, похожие на собачий лай. Недовольный динотерий немного отодвинулся, стараясь оставить

их позади. Но люди следовали за ним, крича еще громче, окружая сзади и сбоку.

Динотерий несколько встревожился и перестал ошипывать дерево. Эти жестикулирующие двуногие вряд ли могли повредить ему, но их близость и настойчивость казались ненормальными. Он неспешно побежал, желая только избавиться от странной ситуации, чтобы спокойно закончить свой обед. Он забирал влево, подальше от толпы австралопитеков.

Внезапно он понял, где оказался. Впереди был глубокий овраг, результат сезонных внезапных наводнений, а отвесные склоны оврага были небезопасны даже для существа его размеров. Он повернул еще левее, но там тоже оказалось множество людей.

Теперь ему приходилось выбирать между оврагом и людьми. Овраг, по крайней мере, был известной опасностью. Но в людской линии оказался разрыв, возможность выхода, туда-то и устремился динотерий.

Шум усилился. Люди с криками побежали отрезать ему путь. Но ближайший к промежутку стоял в нерешительности и вовремя не успел. Динотерий проскочил через пустое пространство и направился к болоту, куда за ним следовать было бы глупо.

– Он ушел, – сказала миссис Родос с облегчением.

– Потому что один не выполнил приказ, – сказала мисс Кончер.
– Вождь явно кричал дураку, что надо перекрыть дорогу, но тот вовремя не понял.

– Да, я видела. Но как это связано с тем следом, по которому мы сейчас идем? Это же не охота на динотерия.

На этот раз она собиралась добиться своего.

Слепые глаза сосредоточенно смотрели на нее.

– Как вы думаете, сколько потеряло племя из-за ошибки одного?

– Я полагаю, что они остались голодными – во всяком случае, до новой охоты.

– Голодать в те дни было не слишком весело, не так ли?

– Конечно, нет, – согласилась миссис Родос, представив примитивный лагерь, плачущих детей и мрачно стоявших женщин. – Что сделали с человеком, который...

– Вождь изгнал его из племени, поэтому, вне всяких сомнений, он вскоре погиб. Если вы собираетесь охотиться на динотерия, нельзя допускать ошибки в организации охоты.

– Кроме того, я уверена, остальные пришли в бешенство, и ему пришлось отбиваться. Но как ...

– Общение, – сказала мисс Кончер. – Теперь у австралопитека появилась веская причина выбрать именно это направление. Обратите внимание: первый искусственный отбор в истории жизни на Земле и свойство, не связанное с физическими особенностями. Теперь австралопитеку нельзя терпеть соплеменников, которые не могут или не хотят отвечать на устные инструкции, даже если они в форме повелительного лая. Для групп с тупыми членами nastанут тяжелые времена, и их дети будут голодать, в то время как прошедшие отбор станут хорошими охотничьими отрядами. Они будут способны завести динотерия в овраг и, пока он спотыкается на крутом песчаном склоне, забить его там камнями, и они будут хорошо питаться и процветать. Общение – это ключ, так маленький рот способствует выживанию!

– Я это допускаю, – сердито сказала миссис Родос, получившая новые знания, но не ответ. – Но что...

– Как только вы окажетесь на этой беговой дорожке, вам с нее не свернуть. Вам нужно играть по-крупному, чтобы прокормить все большее число сородичей, поскольку белки и воробьи не смогут долго обеспечивать пищей целое племя и, конечно, диких фруктов недостаточно. Вы становитесь зависимыми от организации, от специализации, которую требует охота. И вы начинаете бороться с соседними племенами за лучшую охотничью территорию, стремясь захватить ее, и потому теперь цель вашего общения – организовать человека против человека. Это грубая игра, но если вы из нее выйдете, то умрете. Современная армия становится беспомощной, когда нарушаются коммуникации. Ваши размеры увеличиваются, а ваш мозг расширяется, поскольку он должен справляться с обработкой все большего количества лингвистических концепций, необходимых для проведения эффективной охотничьей кампании. Лай, означающий «беги», «стой», «убей», уступает место более утонченным звукам, означающим «беги быстрее», «останавливайся там» и «убивай только по команде». И вот, наконец, вы не просто австралопитек, вы – человек прямоходящий. Животное с единственным специализированным органом, сформировавшимся в результате жесткого отбора, и этот орган – мозг.

Миссис Родос не захотела отвлекаться.

– Что касается этого следа...

– Я полагаю, – кротко продолжала мисс Кончер, – что не случайное совпадение или быстро преходящая благоприятная возможность побудили ступить австралопитека на непростой путь вербальной коммуникации. Шансы на такое кажутся запредельно

малыми. Какое-то внешнее воздействие подтолкнуло его. Что-то принудительно заставило его говорить или почему-то случилось так, что ему пришлось общаться ради выживания. Что-то, что знало, к чему приведет этот процесс. И то, что мы сейчас вынюхиваем – след пришельцев, воздействие которых на австралопитека привело нас к господству на этой планете.

Наконец-то миссис Родос поняла. Если какие-то люди или какие-то существа – потому что тогда не могло быть настоящих людей – если они смогли оказать такое воздействие, что оно открыло потенциальному человеку путь к успеху...

У человека имеется долг в два миллиона лет.

И теперь две женщины, одна средних лет, а другая уже пожилая, шли по древнему следу этого посещения, этого феноменально важного воздействия. Что смогут они найти?

Мисс Кончер кивнула.

– Выглядит слегка пугающе, не так ли? Правда нам может и не слишком понравиться, но разве сейчас можно говорить о том, чтобы повернуть назад?

Находясь так близко к ответу на загадку причины человеческого прогресса? Нет, конечно, повернуть назад они не могли.

Они путешествовали по Великой рифтовой долине, вынюхивая древний след. Туземцы полностью их игнорировали – какой вред могут причинить две сумасшедшие старухи с их грудой металлолома? Они обогнули озеро Танганьика и прошли вдоль озера Ньяса, а тропа продолжалась. Наконец они оказались в устье реки Замбези. След исчез.

Они стояли на берегу и смотрели на восток, живые глаза миссис Родос видели не больше, чем мертвые глаза мисс Кончер. Изнурительные недели путешествия и буровых работ прекратились, потому что вода не хранила древние запахи.

– Нет, – сказала мисс Кончер. – Это просто еще одно препятствие. След не может закончиться здесь.

Но на сей раз в ее словах не хватало уверенности. До этого момента она была энергичной пожилой женщиной, расходующей энергию с ужасающей скоростью, но весело. Теперь же она казалась старухой, неспособной найти свое вязание.

– Морское существо? – предположила миссис Родос, смущенная слабостью, проявленной ее спутницей.

Она пыталась увидеть мысленным взором достаточно достоверный объект, но без руководства мисс Кончер эта попытка обернулась пародией: древний осьминог, ревматически ковыляющий из

глубин, надевающий солнечные очки и шествующей по рифту под звуки флейты и барабана, чтобы дать наставления австралопитеку. Чушь!

– Вряд ли, – сказала мисс Кончер.

Но ее мозг, цепкий, как бульдог, снова заработал.

– Хотя источник мог быть на морском дне, или приплыть поверху. Море – это настоящее шоссе для цивилизованных видов. Проверьте карту.

Миссис Родос с радостью это сделала.

– Здесь длинная береговая линия. Забавно, что они приехали в это конкретное место, а затем совершили путешествие за тысячу миль по суше, когда могли высадиться на берегу много ближе к озеру Виктория... – она сделала паузу. – Если только они не прибыли прямо с Мадагаскара.

– Я думаю точно так же! – Мисс Кончер пыталась скрыть свою ошибку или и в самом деле так думала? – Давайте найдем лодку.

Да и какая разница? Их путешествие продолжалось.

Переправиться оказалось сложнее, чем просто «нанять лодку», но через две недели они, справившись со всеми физическими и политическими проблемами, ехали на своем грузовике вдоль западного побережья Мадагаскара. Еще через две, они снова обнаружили след. Поход возобновился: на восток, в сердце огромного острова.

Пальмы береговой линии уступили место рисовым полям и холмам, которые походили на острова. Иногда попадались глинобитные дома, крытые соломой. Однажды в сумерках миссис Родос подняла взгляд и увидела пару больших глаз.

– Кто-то наблюдает за нами, – изумленно прошептала она.

– Опиши его, – невозмутимо сказала мисс Кончер.

Миссис Родос вгляделась, начиная различать в сумраке очертания существа.

– Маленькое, пушистый хвост, голова скорее как у лисицы, но лапки как у обезьяны, ими оно цепляется за ветку.

– Лемур, – сказала мисс Кончер. – Мадагаскар – их родина. Немногочисленные виды, существующие сегодня, являются жалким остатком тех, которые обитали в прошлые времена.

– Тогда он не опасен, – сказала миссис Родос, расслабляясь.

– Сейчас не опасен. Один из видов, мегаладапис, был больше, чем горилла, – фактически, он был самым крупным известным приматом. А другой вымерший представитель лемуровых, а именно – археолемур, возможно, был удивительно хитрым, если судить по развитию височных долей...

— Боюсь, что я за вами не успеваю, — мягко прервала ее миссис Родос.

Старушка улыбнулась, не скрывая своего удовольствия. У них это стало своего рода игрой. Понятно, что миссис Родос, опытную медсестру, не могли огорошить анатомические подробности. Она просто хотела сократить начинающуюся лекцию.

Современный город, название которого они и не собирались узнавать, уничтожил часть тропы, по которой они следовали, но она продолжилась на другой стороне. Сейчас они пересекали пересохшую саванну, утыканную пальмами.

— На этом острове, еще в исторические времена, — сказала мисс Кончер, — водилась самая крупная птица из когда-либо известных — эпиорнис.

— Звучит как название примата!

— Его яйцо весило двадцать фунтов, а вес взрослой птицы доходил до полутоны. Разумеется, человек его уничтожил.

— Вы не очень высокого мнения о человеке, не так ли?

— Вот поэтому я и не замужем.

Но мисс Кончер снова улыбнулась, слишком увлеченная ходом поисков, чтобы быть по-настоящему циничной. Она знала фауну гораздо лучше, чем миссис Родос, идентифицируя по описанию все, от закамуфлированной под цвет листьев лесной ящерицы до лесной кукушки. Она опознала и одинокий баобаб, дерево с сильно распухшим стволом, у которого, казалось, в воздухе вместо ветвей висели корни, и рассказала забавный миф о его происхождении. Она знала, как пройти через тернистые дидиеривые* джунгли, разросшиеся относительно недавно, словно для того, чтобы сохранить секреты тропы.

Они двигались с нарастающим волнением, день за днем, пока, наконец, тропа не спустилась в уединенную долину. Повторные зондирования подтвердили: да, два миллиона лет назад здесь находился дом таинственного путешественника. Сегодня здесь была дикая местность, населенная только робкими лемурами и любопытными птицами. Куда пропал древний наставник человека?

— Если я правильно оцениваю положение этого участка, — сказала мисс Кончер, — тут должны находиться погребальные пещеры. Тогда они, возможно, были заняты.

* *Дидиерея* — крупное древовидное растение, напоминающее американский кактус, в природных условиях достигают 10 м. (*Прим. перев.*)

Миссис Родос покачала головой, снова поражаясь талантам старой девы. Если она предположила наличие погребальных пещер, то найдутся погребальные пещеры.

В поисках пещеры они бурили и снова бурили. На третий день бур пробил стену подземного разлома. Его возраст попадал в требуемый диапазон, а след внутри был очень заметным.

– А теперь, – оживленно сказала мисс Кончер, – мы станем копать.

Копать приходилось вручную, поскольку буровая установка не была приспособлена для пробивки туннеля и, в любом случае, мощная техника типа бульдозера вряд ли подходила для археологических раскопок. Две женщины вырыли длинную неглубокую траншею, при этом частоту пауз на отдых им диктовали пол, возраст и неопытность. Вклад мисс Кончер не был просто символическим – ее безжалостно подгонял энтузиазм. На следующий день они углубили траншею, выбрасывая грунт на одну сторону. Углубляя траншею, они перетаскивали массу суглинка, песка и гравия, используя колесную тележку для образцов, никогда не предназначавшуюся для таких грубых маневров.

Работа шла медленно, у них болели мышцы, и у обоих, несмотря на толстые перчатки, на руках появились ужасные пузыри. Каждый день раскоп углублялся и их нетерпение росло. Внизу, возможно, были реальные свидетельства культуры двухмиллионнолетней давности – культуры, которой человек, вероятно, был обязан своим нынешним возвышением. По сравнению с близкой разгадкой такой тайны волдыри казались пустяком, не заслуживающим внимания.

Наконец они добрались до скалистой внешней стены пещеры. Бур пробил стену из рыхлого камня толщиной в ярд.

– Либо мы можем продолжать копать, пока не наткнемся на естественный вход, – сказала миссис Родос, прикоснувшись к отверстию усталыми пальцами, – либо мы станем пробиваться с помощью кувалды. В любом случае, я вовсе не уверена, что у меня хватит сил.

– Молоток и зубило справятся, – сказала мисс Кончер, отказываясь сдаваться под давлением обстоятельств. Обычный камень – не та преграда, которая смогла бы ее остановить. Она продемонстрировала, как можно справиться с преградой, умело откалывая каменные клинья.

– Вариант техники, используемой в олдувайской культуре* в течение миллиона лет или около того, так что она подойдет и нам. Из технологий каменного века многое можно почерпнуть.

Старушка знала, как обломать камень! Процесс был медленным, но он давал возможность выполнить работу с минимальным ущербом для всего, что может находиться в пещере.

Они работали по очереди, зрячая женщина неуклюже трудилась большую часть дня, а слепая продолжала работать до глубокой ночи. Мисс Кончер казалась неустойчивой, а освещение ей было не нужно. Миссис Родос, уставшая до мозга костей, слишком отупела, чтобы удивляться такой работоспособности своей спутницы. Большинство женщин в ее возрасте сидят в безопасных креслах-качалках, вяжут крючком и наблюдают, как подрастают их внуки. Наличие цели воодушевляло мисс Кончер, служило для нее движущей силой – но что произойдет, когда миссия завершится? Не наступит ли тогда катастрофическая расплата?

Но миссис Родос знала ответ. Мисс Кончер не сломается; она найдет другую миссию, другой след, по которому надо будет пройти. На самом деле не тропа дала ей цель, но как раз ее цель открыла тропу там, где никто и не думал искать. Достаточно взглянуть на мисс Кончер, чтобы это понять.

И, возможно, в этой погребальной пещере находится ответ на причины, что положило начало такой целеустремленности, на причины внутренней мотивации человека. Нечто, подсадившее два миллиона лет тому назад в мозги едва появившегося гоминида тараканов, рвущихся к знаниям и беспощадно тащившим хомо к величию. Качество, делавшее мисс Кончер настоящим ученым и отличавшее ее от прочих. Интеллектуальная мотивация.

Приближался момент прорыва, и миссис Родос чувствовала, как, несмотря на жару, ее руки покрываются гусиной кожей. Дыра расширялась, но мисс Кончер отказывалась действовать поспешно из-за риска повредить то, что находится внутри. Что-то ведь там было. Сломанные куски там, куда пришелся удар? Кости? Керамика? Оружие? Книги? Или что-то более зловещее?

* *Олдувайская культура* – наиболее примитивная культура обработки камня, когда для получения острого края камень раскалывался обычно просто пополам, без дополнительной доработки. Возникла около 2,7 млн лет назад, исчезла около 1 млн лет назад. Первые галечные орудия могли создавать еще австралопитеки, последние – представители вида «человек прямоходящий». (Прим. перев.)

Наконец, не пытаясь угнаться за энергичной старой женщиной, продолжавшей работать ночью, миссис Родос уснула под ритмичный стук молотка. Было бы бесполезно убеждать ее остановиться, отдохнуть, поспать, потому что мисс Кончер жила ради этого откровения. Лучше отдохнуть и быть наготове на случай, если за перенапряжением последуют серьезные осложнения.

Ночью, в непонятное из-за темноты время, она на мгновение проснулась и снова слышала тук-тук-тук. Независимо от результата этого похода, подумала она, она знает, что сделать после того, как все закончится. Она уже достаточно узнала о происхождении и наследии своего вида, чтобы принять некоторые вещи, которые отвергла прежде. У нее было лучшее замужество, чем она полагала, и еще не слишком поздно...

Утром она обнаружила, что мисс Кончер так и не возвращалась в грузовик поспать. И было тихо.

Встревоженная миссис Родос вскочила и побежала к траншее. Ей не надо было ложиться спать, надо было проследить... если эта замечательная старушка поранилась или упала, или...

Можно было не волноваться. Мисс Кончер стояла по пояс в дыре, пробитой в пещеру, вытаскивая оттуда разные предметы и выкладывая их в основную траншею, как на витрину. Там были аккуратно разложены неправильной формы предметы и части скелета какого-то животного.

– Мисс Кончер! Вы не спали всю ночь?

Но вопрос был явно риторическим.

Женщина, устало улыбаясь, подняла белую голову.

– Да, мы нашли ответ. Мы знаем, кто толкнул человека на его путь. Артефакты убедительны, – она погладила испачканный грязью предмет в своей руке. – Соответствует, я бы сказала, мезолитической культуре* – есть обработанные орудия, но нет земледелия. Они, очевидно, могли плавать по рекам и океанам, хотя бы и на плотках, и одомашнивать определенных животных.

– Вы узнали, кто обучал австралопитеков...

– Да, гоминиды были одним из прислуживающих им видов. Они распознали у австралопитеков потенциал для действительно эф-

* *Мезолит* – средний каменный век – период между палеолитом и неолитом, в Европе закончился около 5 тыс. лет до н. э. Археологически мезолит был выделен по преобладанию в этот период микролитической каменной индустрии, в которой применялись каменные орудия с составными лезвиями из кремня или обсидиана. (Прим. перев.)

фективного служения и увидели перспективу. Несколько тысяч лет отбора и обучения – более чем достаточно, чтобы глубоко преобразовать породу. Так человек оказался на своем пути. Он даже...

Миссис Родос была в шоке.

– Вы имеете в виду, что человек начинал как... как домашнее животное, как собака?

– Скорее как лошадь или слон. Его обучали подчиняться простым командам, нести своего хозяина, брать вещи и, наконец, охотиться на динозавров под руководством нескольких надзирателей. Видите ли, тогда материковая Африка была слишком дикой для утонченных и цивилизованных видов, как, по различным причинам, и в наши дни. И все же они нуждались в определенных товарах, таких, как слоновая кость...

Миссис Родос увидела среди экспонатов осколок бивня и вспомнила, что ни слоны, ни динозавры никогда не обитали на Мадагаскаре. Слоновая кость могла быть только привозной. Но что за культура существовала на Земле до возникновения человеческой цивилизации?

– Кто... – но она не смогла правильно сформулировать вопрос, боясь ответа.

– Как кто? Лемуриды, конечно же. Разве я не рассказывала о археолемурах с почти гоминидным черепом? Здесь, в этой пещере, у нас имеется новый для палеонтологии вид со сравнительно большой черепной коробкой и характерным строением. Не меньше тысячи кубических сантиметров, если меня не обманывают мои морщинистые старые пальцы. Безусловно, способные использовать мезолитические технологии, – она подняла сломанный череп. – Посмотрите сами на этот изумительный образец! Явно происходит от археолемура, но расположение *foramen magnum**...

– Вы хотите сказать, что лемуры цивилизованны? Что они...

– Лемуриды. Не теперешние лемуры, а их продвинутые родственники. Да, они были цивилизованными. Они умели обращаться с огнем, у них было искусство, – мисс Кончер ласково погладила череп. – Но, выбирая прислугу, они допустили роковую ошибку. Не в первый раз ученик превзошел учителя, я уверена, что и не в последний. Австралопитек даже тогда был почти таким же ум-

* *Foramen magnum* – большая дыра (лат.) В анатомии – большое затылочное отверстие, отверстие между частями затылочной кости, через которое полость черепа сообщается с позвоночным каналом. (Прим. перев.)

ным, как этот лемурид, — и у него был большой потенциал, из-за его размера и вполне сформировавшегося прямохождения. Все, что ему требовалось, так это хороший пример и немного дисциплины. Лемуридам, чтобы развиваться, потребовалось несколько миллионов лет, человек прошел тот же путь за сотни тысяч.

Миссис Родос перестала пытаться возражать.

— Где же сейчас этот археолемур? Имевший такое преимущество на старте...

— Вымер, конечно. У него был слишком большой рот, слишком маленькие ягодицы, слишком волосатая кожа, он был слишком хорош на вкус. Увы, на Земле археолемура заменил его прислужник. Человек вряд ли может оставаться послушным и преданным домашним животным, если он обучен как охотник.

Small Mouth, Bad Taste, (Science Against Man / ed. Anthony Cheetham. — USA, Avon Publ., 1970), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова

THE MAGAZINE OF
Fantasy AND

Science Fiction

OCTOBER 60c • UK 5/- (25p.)

21st Anniversary
ALL-STAR ISSUE

ROBIN SCOTT WILSON
BARRY N. MALZBERG
AVRAM DAVIDSON
ISAAC ASIMOV
LARRY NIVEN
PIERS ANTHONY
ZENNA HENDERSON
MIRIAM ALLEN DeFORD

Chesley Boner Will

ЧТО РУБИТЬ?

Бадди был единственным ребенком в семье из восьми человек. Собственно говоря, у него было пять взрослых сестер в возрасте от десяти до шестнадцати лет, причем самая младшая из них имела куда более командирские привычки, чем то было возможно предположить. Где-то вдали за ними маячил то ли один, то ли два измотанных родителя, которые почти всегда либо отсутствовали, пребывая на работе, либо присутствовали дома – спящие, а из них двоих мужчиной был только папа. Невыносимая ситуация для юноши, и Бадди старался держаться ото всех как можно дальше.

Когда ему было два года, он нашел под раковиной длинный и острый кухонный нож и гордо похвастался находкой. В результате поднялась необычайно неприятная суматоха, и потенциальная диверсия была пресечена на корню.

Когда ему было два с половиной года, он обнаружил в грязи под ступенькой сломанный ржавый складишок. Так как глупым Бадди не был, то сохранил находку подальше от чужих глаз. Когда за ним не смотрели – а так по большей части и было, поскольку взрослых сестер занимали их многочисленные пустышные собственные проблемы – он на досуге изучал ножик. На вкус лезвие ему не понравилось, но им можно было замечательно копать и постепенно коричневатая поверхность лезвия, покрытая мелкими язвочками каверн, становилась все более блестящей.

Довольно далеко за домом стояла огромная колода, где папа периодически орудовал тяжелым топором, пытаясь превратить сучкастые чурки в растопку для камина. Вокруг валялись щепки и кора, а земля была в любопытных рытвинах. Это оказалось захватывающе интересным местом, и ему нравились запах и ощущение леса, а также толстые жуки, разбегавшиеся из-под коры. Из наблюдений Бадди уяснил, что это была работа для Мужчины и поэтому, взяв свой нож, он начал свое личное обучение в качестве Древокола.

Сначала он порезался, но у него хватило присутствия духа, чтобы спрятать нож до того, как над ним принялась хлопотать женская часть семьи. Во второй раз ему удалось сдержать крик, а через некоторое время кровь загустела и засохла. Предусмотрительно намазанная грязь скрыла рану, и рука не слишком болела. Вскоре он научился избегать таких неудач, держа лезвие подальше от руки. Он стал экспертом по настругиванию растопки.

Когда ему исполнилось три, он умел расщеплять деревянную щепку на лучинки, которые были едва ли толще спичек. Все сводилось к следованию за структурой древесных слоев и осторожности.

Затем в гараже он наткнулся на весь побитый зазубренный топорик. Это оказалось великолепной находкой, хотя махать топориком было ужасно тяжело. Как только Бадди его освоил, он смог раскалывать большие чурки и делать это по-настоящему быстро. Здесь расположение слоев и точность были еще важнее, потому что, если он ударял по чурке неправильно, топорик мог отскочить и вырваться из его маленьких пальцев. Он также выяснил, что некоторые чурки были тверже, чем другие, а некоторые более сырыми, а в некоторых слои сильнее закручены. Для каждого типа он разработал специальную технику.

В три с половиной года Бадди обнаружил, что может расколоть даже самые большие бревна, вбивая похожий на клин железный обломок, пока дерево не уступало и не раскалывалось. Но его клин был хрупким и кривым, а молоток, которым он пользовался, болтался на рукоятке, поэтому Бадди приходилось быть очень осторожным. Он должен был не только изучить расположение слоев, но и проанализировать общую конфигурацию чурбана, выявить любые естественные трещины и определить тип древесины. Между мягкой, прямой сосной и твердой, закрученной желтой березой* огромная разница! Ему также приходилось работать вокруг сучков, а иногда и отшелушивать внешние участки вдоль круглых годовичных колец. Но, так или иначе, со временем у него получалось расколоть любую чурку.

К тому времени, когда достиг Бадди солидного возраста в четыре года, он реально стал опытным дровоколом. Его взрослые сестры давно сдались и позволили ему играть со своими инструментами, потому что, если ему мешали, он мог затеять настоящую битву. Они не понимали тонкостей работы с древесиной и всегда неоправданно пренебрежительно относились к тому, что они называли его глупой болтовней о слоях и типах дерева. «Он несносен!» – восклицали сестры, не подозревая, что несносны все мальчики его возраста, но немногие были столь же целеустремлены, как Бадди.

И вот однажды полевого агента-фрилансера из Конфедерации Снурптеж, привлекло размеренное постукивание молотка с болтающейся рукояткой по хрупкому кривому клину. Существо убедилось, что взрослые тут не присутствуют (поскольку у них, как правило,

* *Береза желтая, или Береза аллеганская* – дерево высотой до 30 м, растет на территории Северной Америки: (Прим. перев.)

имелись какие-то замшелые предубеждения по поводу инопланетян), подошло к месту действия и вежливо подождало, пока Бадди не завершит инцизию*. Финальная серия ударов, точно выверенный удар ножом, и полено развалилось на ровные половинки.

Браво! воскликнул агент Снурп. *Работа мастера.*

Бадди был озадачен. Он не заметил, как появился посетитель, к тому же никто никогда прежде не хвалил его за такой талант.

– Да ну, – сказал он застенчиво.

Ты мастер, кто воистину совершенен в этом искусстве, сказал Снурп. *Каких высот может добиться мастер с совершенным оборудованием?*

Бадди посмотрел на существо. У Снурпа были уши как у жука, глаза как у червя и ноги как у слизня, но все остальное казалось довольно странным. Бадди понимал не все слова, но ему понравился тон.

Не согласится ли мастер посоревноваться на региональном дровораскалывательном турнире-чемпионате юниоров?

Бадди не знал, что означает «соревноваться» или «региональный», а последние три слова были за пределами человеческого понимания, но он, безусловно, понял самую важную часть: «раскалывание дерева».

– А это хорошо? – спросил он, зная, что это хорошо.

Очень хорошо, подтвердил инопланетянин. *Все, что нужно сделать – так это быстро и хорошо наколоть дрова. Для лучших есть призы.*

– А это весело?

Очень весело, особенно для победителей.

Бадди знал, что сестры станут возражать, поэтому он согласился пойти со Снурпом. Он собирался взять свой топор, молоток, зубило и складшок, но инопланетянин сказал:

Мастер должен использовать стандартное оборудование.

Бадди проследовал по блестящему следу, оставляемому Снурпом до сооружения, напоминающего гигантскую стиральную машину с верхней загрузкой. Они забрались наверх и внутрь, но на самом деле Снурп наверх не столько забрался, сколько заскользил. Крышка опустилась, их залила теплая пузырящаяся жидкость, и все быстро закрутилось.

Бадди испугался, потому что никогда прежде не бывал внутри работающей стиральной машины. Но Снурп успокоил его: *Ма-*

* Инцизия (лат. incisio) – надрез или разрез.

стеру очень недолго придется терпеть транспространственный переход.

И точно, вращение прекратилось, а у Бадди даже не закружилась голова. Вода для стирки слилась, оставив его замечательно сухим (надо будет рассказать об этом маме!), а крышка поднялась. Они выкарабкались, ну или выскользнули.

Солнечный свет был зеленым, а кусты – прозрачными, но во всем остальном пейзаж был необычным. Бадди это проигнорировал.

Мастер успел как раз вовремя, сказал Снурп. *Познакомьтесь с оборудованием, пока агент мастера участвует в регистрации.*

Бадди не обратил внимания на малопонятное предложение. Он пошел прямо к ближайшей колоде. Она была чудесна: большая и квадратная, с ячейками по бокам под замечательные инструменты для раскалывания. В ячейках находились первоклассный топор, топорик, кувалда, шесть градуированных клиньев – все гладкие, новые и блестящие. Верхняя часть колоды была прочной и плоской, без пятен или сколов. Конечно, топор и кувалда были слишком большими и тяжелыми для него, но смотреть на них было приятно.

Конкурсанты! призвал к вниманию голос, и Бадди, подняв взгляд, обнаружил металлический глаз, нависший над его колодой. *Займите позицию!*

Снова появился Снурп. *Вот маленькая кувалда для мастера. Будет ли ее достаточно?*

– Значит, я могу пользоваться вашим молотком? – нетерпеливо спросил Бадди. – Он что надо!

Снурп подал ему маленькую кувалду. *Отлично. Теперь нужно встать рядом с колодой как это делают другие. Соревнование начнется, как только появится первый образец.*

– Так где же дерево, которое надо расколоть?

Первый этап, сказал глаз. *Пурпурный Ясень, диагональная грань. Приступить.*

На колоде, поразив Бадди, появился чурбан. Но он увидел, что то же самое происходило на каждой колоде, и инопланетяне, одни похожие на птиц, другие на ящериц, третьи на крабов – и прочие – поднимали свои инструменты. Настало время раскалывать!

Древесина была прекрасна: глубокого сине-красного цвета, с блестящими черными волнистыми границами между слоями, лежавшими под странными углами. Она не походила ни на какую древесину, которую Бадди когда-либо видел и уж точно не на земной белый ясень. Но чурбан можно расколоть! В этом его заверило чутье, выработанное практикой со сложно переплетенными слоями.

Он поразмыслил, затем поместил самый маленький клин в критическую точку и стукнул по клину трижды, не больше и не меньше. Бадди не осмеливался бить слишком сильно, потому что это могло бы повредить внутреннюю трещину. Он не знал, откуда он это знает, но знал. И, конечно, сказывался большой опыт работы с трудными чурками. Затем он приставил следующий по величине клин к соответствующей точке напряжения и ударил его четыре раза, на сей раз сильнее.

При последнем ударе бревно распалось, точно пополам.

Готово! закричал Снурп.

Металлический глаз снова появился и подмигнул. Бадди не видел, на чем он держится; глаз просто висел в воздухе. *Принято*, сказал глаз и исчез.

Отлично! Мастер досрочно завершил первый этап! ликовал Снурп.

Расколотые куски исчезли. Бадди огляделся по сторонам, все равно делать больше было нечего. Было весело, но он начал чувствовать, что проголодался.

На соседней колоде петух с осьминожьими щупальцами стучал по большому клину. Место для клина было выбрано неправильно, дерево сопротивлялось и ломалось в неверном направлении. Бадди видел, что оно, в конце концов, расколется, но случайным образом, а не напополам.

С другой стороны бобр с четырьмя обезьяньими лапами использовал топор, чтобы разрубить свою чурку. Летели щепки, но раскалываться дерево не собиралось.

Дисквалифицированы! сказал официальный голос, эхо прокатилось по линии колод, где чурки остались неразделенными. Все, кто потерпел неудачу, с сокрушенным видом ретировались. Однако в конкурсе все еще оставалось очень много забавно выглядящих существ.

Второй этап. Виноградный Клен, петляющие слои.

Появилась еще одна чурка. Бадди сразу понял, что это действительно противная штука. Слои шли в разные стороны, неровно складывались, а сама древесина была очень твердой. Она пахла салатной заправкой, вызывая у него желание чихнуть. Но и эту чурку можно было расколоть. Его голова кружилась от смутно понимаемых вычислений, но, наконец, он увидел правильное решение. Он разместил пять клиньев, каждый на свое место, тщательно обдумывая каждую точку, так, чтобы клинья торчали повсюду. Затем начал стучать по ним в том порядке, который считал правильным. В бревне послышались прерывистые щелчки. Бадди еще немного

постучал, добившись того, что щелчки стали громкими и равномерными. Наконец, он взял топор и вонзил его в сердцевину, между двумя самыми большими клиньями, разорвав самый запутанный слой.

Чурбан перестал щелкать. Он вздрогнул, выпустил потрескивающий залп щепок, треснул и развалился вдоль извилистой щели, намеченной клиньями. Потек сок – кровь дерева – и, сопровождая эту агонию, усилился запах салата.

Готово! закричал Снурп, не обращая внимания на сцену, напоминавшую бойню.

Принято! сказал надзирающий глаз. Дерево исчезло. Бадди вздохнул с облегчением; чем-то этот раскол ему не понравился.

Он снова посмотрел вокруг. Петух и бобр, исключенные на первом этапе, исчезли. Соседние колоды теперь занимали рыба с шестью плавниками, похожими на руки и гигантская божья коровка. Божья коровка расколола свой чурбан; рыба неверно расположила один клин и не смогла добраться до сердцевины, и из чурбана доносился мучительный плач.

Дисквалифицирован! объявил глаз над рыбой. Та печально уплыла, но Бадди радовался, что ее чурбан выжил.

Сейчас осталось только дюжина древоколов, включая Бадди. Он наслаждался этим, хотя был голоднее, чем когда-либо. Время летело быстро, когда он работал над заданием, но он пробыл он здесь уже довольно долго.

Третий этап. Обожженная Гнилушка, слабо прожаренная.

Огромная, почерневшая и лишенная слоев масса появилась на его колоде. Бадди не нужно было переживать, что ее придется убить; она была уже более чем мертва. И у него появились проблемы, потому что он понимал – клинья просто утонут в губчатом гнилье, не расколов его. А что до топорика...

Он увидел, как у своей колоды божья коровка размахнулась топором. Лезвие вонзилось прямо в центр, но дерево зажалось топор и не отпускало, как бы сильно божья коровка не дергала. Словно гнилушка окаменела, замуравив инструмент.

У Бадди появилась блестящая идея. Он, не используя клин, ударил по дереву своей кувалдочкой. Чурбан затвердел при контакте и не сразу снова размягчался. Бадди ударил сильнее, потом снова и снова. Он стучал, пока не затвердел кусок поверхности на вершукше, а потом ударил топориком – и чурбан треснул по этой жесткой линии!

Чурбан оказался взломан, но не расколот. Теперь Бадди начал быстро вставлять клинья в щель, постукивая по каждому, чтобы

придать твердость внутренней части, а затем эти клинья удалять, прежде чем они оказывались зажатыми в ловушке. Он снова рубанул, углубив трещину – и она раскрылась шире.

После третьего раунда весь чурбан раскололся пополам – как раз в тот же миг, как появился глаз и объявил: *Дисквалифицирован!*

Мастер закончил вовремя! закричал Снурп. *Не должен быть дисквалифицирован!*

Глаз посмотрел вниз. *Поправка: Принято.*

Снурп облегченно расслабился.

Бадди надеялся, что все закончилось. Раскалывать разными способами было забавно, но его живот рычал.

Осталось всего шесть участников.

Завершающий этап. Окаменелый Тополь, шпон.

Появился кусок дерева. Он был чудовищным: диаметром в ярд и твердый, как камень. Бадди нашел три подходящие точки, но они оказались непроницаемыми для его клиньев. Потребовалось бы гораздо больше сил, чем он имел для того, чтобы вбить их, а было похоже на то, что для разблокирования этого сложного валуна нужно одновременно вколотить три клина.

На соседнем участке мускулистый, похожий на собаку, участник обхватил валун передними лапами, поднял его, поставил на колоду своим цепким хвостом три клина остриями вверх, перевернул чурбан и уронил его сверху. Валун, разбрызгивая гальку, разбился на три части,.

Готово! торжественно объявил его секундант.

Бадди с тревогой смотрел на свой чурбан. Он никогда не сможет такое повторить! Валун весил раз в двадцать раз больше, чем он сам.

Он попробовал ударить маленьким топориком, надеясь на лучшее. Топорик отскочил, лезвие оставило только царапину. Он попытался взмахнуть большим топором, но вышло еще хуже – Бадди никуда не попал, а время шло.

Мастеру надо повернуть... начал Снурп.

Дисквалифицирован! немедленно отреагировал надзирающий глаз. *Во время этапа не разрешаются никакие советы со стороны.*

И чурбан исчез, а Бадди, разочарованному и униженному, пришлось отступить. Он по-настоящему хотел расколоть этот тяжелый чурбан – самый большой кусок дерева, который он мог себе вообразить.

Почему мастер не перевернул тополь, чтобы добраться до критической точки шпона? яростно спросил Снурп. *Мастер оказался невыносимо глуп!*

Бадди воспринял это как упрек. Он стойко молчал, этому он научился, постоянно попадая под обвинения своих сестер, но глубоко внутри он был несчастен.

Появился надзирающий глаз.

Этот участник по приблизительным оценкам занимает шестое место, сказал глаз. Соотношение премий сейчас подсчитывается. Каков индекс взрослости участника?

Мастеру нужно предоставить информацию, обратился Снурп к Бадди.

– Теперь мне можно отправиться домой? Я есть хочу.

Мастер, насколько вы взрослый? Каково физическое/умственное развитие относительно взрослой особи вашего вида?

Бадди недоуменно посмотрел на Снурпа.

– Что?

Ваш возраст?

– Ну, мне четыре года.

Это составляет четыре звездных оборота планеты вокруг ее звезды, пояснил Снурп. Его вид созревает на пятнадцатый-двадцатый оборот.

Металлический глаз сфокусировался на Бадди. *Четвертая или пятая часть от срока зрелости? Стандарт для нашего турнира составляет половину. Это обстоятельство повышает количество полученных участником очков вдвое. И он становится первым по индексу, несмотря на провал на заключительном этапе.*

Победитель! радостно вскричал Снурп.

Однако для участников младше турнирного возраста требуется наличие позволения. Предоставьте родительское разрешение.

Под давлением обстоятельств я не успевал...

– Теперь мне можно отправиться домой? Все взбесится, когда увидят, что меня нет.

Обстоятельства чересчур давили? Вы нарушили правила, Снурп-тежианский агент. Ваш вид получает за негодное рекрутирование запись XXXNJ ZYT.

Непреднамеренно! Прошу пересмотреть! Недоразумение!

– Теперь мне можно отправиться домой?

Все эти разговоры слишком сильно напомнили Бадди ссоры его сестер.

Немедленно, мрачно сказал глаз. А здесь будет проведено полное расследование.

И вдруг Бадди оказался стоящим за своим домом рядом с колодой. Получилось реально быстро!

– Вот ты где, маленький негодник! – воскликнула одна из его средних сестер. – Ну, ты получишь! Ты опоздал на ужин и мама вне себя!

Что означало возможность получить взбучку, чем радостно и воспользовались сестрички. Бадди сумел укусить два пальца, но так получилось даже хуже. Впрочем, потом его все-таки покормили.

Перед сном к нему пришел папа.

– Во что ты сегодня влип, сынок? – спросил он в своем стиле «разговор мужчины с женщиной».

– Колол чурки.

Вообще-то, папе можно было рассказать все, не опасаясь последствий.

– И какие чурки ты колол, сынок?

– Пурпурный Ясень. Обожженная Гнилушка. И другие забавные штуки, но последняя была слишком большой. И твердой. А я есть хотел.

– Это очень интересно, сынок. У тебя прекрасное воображение.

– Туда меня отвез Снурп. В стиральной машине.

– Но если ты попытаешься рассказать такую сказку маме...

Бадди понял, что ему делают мягкий выговор. Папа не поверил.

– Папа, видишь мой клин?

– Конечно, сынок, – папа потянулся к маленькому красному куску металла. – Где ты его нашел?

– Я стащил его там, где колол чурки.

Лицо папы стало серьезным.

– Сын, тебе придется его вернуть. Прямо сейчас. Воровать нехорошо.

Папа, когда хотел, мог становиться столь же неразумным, как и сестры Бадди. Неохотно Бадди вышел в темноту и направился к колоде.

– Снурп был здесь, папа. Он отвез меня колоть чурки. Туда, где я стянул клин.

– Ты уверен, сынок?

Тон папы внушал опасения.

– А обратно меня отправил глаз. Вот сюда.

Папа вздохнул.

– Сынок, это не совсем такая история, которую я мог бы принять.

Прозвучало подозрительно похоже на возможность получить очередную порцию шлепков. Бадди не знал, что еще сказать.

Вдруг над колодой появился свет. Глаз!

Сожалею о непродуманном решении, сказал он. Расследование выявило вину Снурптежианского агента. Юного участника не следовало дисквалифицировать.

Рука папы на плече Бадди сильно, до боли, сжалась.

— Это владелец клина?

— Да, папа.

— Тогда верни его.

Бадди протянул клин.

— Вот. Я его стащил.

Невозможно задним числом изменить решение, сказал глаз. Неискушенного юнца использовал полевой агент Снурптежа. Руководство турнира лучших древоколов сожалеет. В связи с этим предлагается утешительный приз: разрешение на участие в следующем региональном турнире-чемпионате юниоров, а также соответствующий набор образцов.

В тусклом свете, исходящем из дома, или, возможно, то было свечение вокруг глаза, Бадди увидел, как из ничего появилась куча чурбанов. Некоторые чурки отражали свет, как металл, а некоторые светились сами по себе. Изящное дерево, волшебное дерево — и все это он мог расколоть. Пурпурный Ясень, Виноградный Клен, Обоженная Гнилушка и даже чудовищный Окаменелый Тополь. И множество других экзотических сортов, не меньше полутора сотен кубических футов. Тут были и инструменты инопланетян — топор, кувалда, топорик, клинья.

На все это смотрел пораженный папа.

— Моего сына отшлепали — за то, что он говорил правду.

Снурптежианский агент тоже был отшлепан, сказал глаз. Наказание утешительно адекватно.

— Нет, — сказал папа. — Мой мальчик не примет товар, который не заработал. Заберите свой груз.

Как пожелаете, сказал глаз и дерево исчезло. Мое почтение.

— Наше почтение, — ответил папа.

Глаз подмигнул и исчез.

Бадди остался ни с чем. Он начал плакать.

— Это был подкуп, — мягко объяснил папа, когда они шли обратно к дому. — В твоей жизни будет много возможностей честно зарабатывать. Ты же не захочешь отказаться от будущего, приняв сейчас что-то в этом роде, врубаясь?

— Врубаюсь куда? Что рубить? — повторил Бадди, не в состоянии уразуметь.

Тогда он этого уразуметь не смог...

Wood You? (The Magazine of Fantasy and Science Fiction, 1970 № 10), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова

ИСТИННАЯ ПРИРОДА

К СОЖАЛЕНИЮ, бездушные военные правила гласили, что в настоящее время многопользовательские станции экономически нецелесообразны. Было опубликовано множество научных статей, ставящих под сомнение обоснованность такой политики, но их писали гражданские и поэтому военными игнорировались. Вот почему Лео Мак-Генри был одиноким человеком.

Его предупредили о том, что воображение может призвать из вакуума компанию, просто чтобы разрушить монотонность четырнадцатимесячной изоляции. Такие предостережения Лео считал ненужными; у него были занятия поинтереснее, чем поддаваться галлюцинациям. Миллион долларов за один тур – хорошая зарплата, даже при учете безудержной инфляции во время холодной войны, однако деньги мало помогли бы ему в психушке. Следовательно, Лео не слишком доверял тому, что видел.

Тем не менее, он видел нечто, похожее на человека. Живого.

Фигура плыла прямо к станции, ярко освещенная безымянным солнцем этой системы. За фигурой были звезды, яркие даже в этот условный день из-за отсутствия затемняющей атмосферы. Из костюма вырывалась прерывистая струя газа, напоминавшая хвост кометы, когда лучи света на мгновение подсвечивали ее. Явно торможение; невесомость вовсе не означает отсутствие массы, и столкновение со станцией на скорости расплющило бы посетителя до безобразия.

Лео наблюдал за ним через небольшой телескоп. То, что он видел, походило на скафандр типа стандартного для ООН. Такой скафандр годился для выживания в глубоком космосе до четырех дней в нормальных условиях и несколько дольше в ситуации, когда имеется некоторая дополнительная защита. Этого было достаточно для спасения в большинстве случаев, если эвакуация проходила в соответствии с инструкциями и вообще была возможна. Видимо, в космосе произошла авария, а выживший оказался достаточно близко.

И это было подозрительно. Станция Лео была смонтирована на планетоиде, который вращался вокруг пронумерованной звезды вдали от Солнца. Люди здесь появлялись редко. В этой системе имелась потенциально ценная недвижимость, и Земля хотела взять ее в аренду, опередив другие звездные расы, но пройдут годы, прежде чем начнется нормальное развитие. Шансы на то, что здесь и сейчас потерпел крушение человеческий корабль, и при этом остался единственный выживший – ну, это совсем невероятно.

И все же это было слишком убедительно для галлюцинации. Его инструменты засекли посетителя, и Лео не был склонен думать, что неправильно истолковывал их показания. Он дежурил только две недели; новизна обстановки только начинала приедаться и, в любом случае, прошло слишком мало времени для серьезных сдвигов в сознании. Так что довольно разумно предположить – то, что он видел, было физически реальным.

Однако шансы на хороший исход остались плохими. Лео не хотел думать о следующей наиболее вероятной возможности, но теперь пришлось. То, что он увидел, могло оказаться Депо.

Депы были инопланетным видом, чьи звездные амбиции соответствовали амбициям Человека. Их технологии несколько отставали от земных, но они компенсировали это отставание другими способами. Поскольку они населяли кислородную планету типа Земли у солнечноподобной звезды типа G, их потребности в основном совпадали с потребностями человека, а это означало жесткую конкуренцию за избранные миры. В настоящее время люди и депы не находились в состоянии войны, но мир, если можно так выразиться, был неустойчивым.

Скафандр выпустил последнюю струю газа из того места, где у него находился центр тяжести – шуточка распространенная и очевидная, – столкнулся с поверхностью планетоида, упал и отскочил. Владелец явно не был спецом в такого рода маневрах. Затем он выпрямился и попытался идти к станции.

Лео мрачно улыбнулся. Ходить по скале с низким уровнем гравитации – это не то же самое, что ходить по гладкому металлическому корпусу. Здесь магнитным ботинкам не к чему было цепляться, а трение о поверхность было практически нулевым. Фигура медленно поднималась в черное небо, а не шла вперед.

Почему он не заметил катастрофу? Она должна была произойти в пределах досягаемости его инструментов и контрольные панели должны были сиять как рождественская елка. Это еще одно свидетельство в пользу предположения о злоумышлении со стороны депов: приземлился шпион. Хотя не могли же они упустить из виду такую важную деталь, как имитация фальшивого крушения?

Депы: жаргонная замена слова Адепты, которое, в свою очередь, являлось неофициальным названием вида, способного по своему желанию изменять свои физические характеристики так, чтобы соответствовать таковым у любого подходящего животного. Человек подходил. К тому же они обладали силами, позволявшими воздействовать на личность так, что, как рассказывали, наблюдатели переставали замечать незначительные расхождения с действитель-

ностью. Поэтому деп-шпион может оказаться пугающе эффективным. Он выглядел как человек и, похоже, его фальшивый идентификатор мог подтвердиться. Даже машинная проверка не всегда могла служить доказательством ошибки. Были зарегистрированы случаи, когда идентификация депа успешно проходила, несмотря на возражения механики. Оператор был уверен, что устройство работает со сбоями, поскольку объект, совершенно очевидно, являлся человеком.

Потребовались энергичные меры, чтобы искоренить шпионов Депа в окрестностях Земли, в ходе этого процесса были ликвидированы и некоторые невинные люди. Но работа была выполнена. Компьютеризированные лаборатории оказались способны выявлять подозреваемых и выносить приговоры, на них не влияла субъективная аура. Хотя угроза проникновения депов все еще присутствовала, она утратила свою остроту.

Находящийся в скафандре, наконец, восстановил равновесие и добился значительного прогресса в продвижении в направлении входного люка. Лео должен был принять решение в ближайшее время.

Космос был большим, а скафандр маленьким. Сколько шансов было у человека, выжившего в незамеченной катастрофе? Один на тысячу? Или один на миллион?

С другой стороны, как насчет попытки проникновения депа, здесь и сейчас? Может быть, только один к десяти.

Лео мог уничтожить фигуру, похожую на человеческую, там, где она стояла. Под его пальцами было больше разрушительной силы, чем человек мог вообразить на протяжении большей части своей истории. Он мог уничтожать людей, корабли и даже маленькие планеты. Он был стражем этой системы, вооруженным для того, чтобы вторжение пришельцев обошлось им слишком дорого.

Но предположим, что визитер настоящий? Несмотря на мизерные шансы, такое было возможно. Не окажется ли так, что он станет убийцей?

Посетитель уже добрался до люка, и Лео не мог его игнорировать. Если там человек, то он скоро умрет, когда скафандр вырабатывает свой ресурс; если там инопланетянин, то он может устроить диверсию на станции.

Безопаснее уничтожить визитера. Обязанности Лео требовали, чтобы он действовал с учетом шансов. Ничто не должно ставить под угрозу безопасность Земли.

Однако здесь он был одинок. Две недели сильно впечатлили его, и он уже представлял, каковы будут полные четырнадцать месяцев.

Если сейчас Лео уничтожит пришельца, то не узнает, правильно ли он поступил или нет. И не будет знать тринадцать с половиной месяцев, пока корабль со сменой не соберет замороженные поджаренные куски и не проанализирует плоть.

Одиночество плохо, но эта ужасная неопределенность стала бы еще хуже. А если тело окажется человеческим...

Физически он был в относительной безопасности. Он мог впустить пришельца и провести собственное расследование. Конечно, он получит выговор. Не его дело рисковать.

Он был одинок, и его сопротивляемость искушению оказалась не слишком хорошей. Лео нажал на кнопку, которая открыла замок.

Фигура вошла внутрь. Люк закрылся, сработал запор. Шлюзовую камеру наполнил воздух, и теперь Лео мог разговаривать со своим гостем непосредственно, не используя радиосвязь, которую можно было мониторить.

– Идентифицируйте себя, – сказал он. – У вас есть пятнадцать секунд, прежде чем я поджарю вас высоким напряжением.

Пришел нервный ответ, приглушенный шлемом:

– Я мисс Невада Браун, колониальный корабль «Экспо-99». Пожалуйста, не жгите меня!

Женщина!

В замешательстве он убрал руку с пульта управления деструктором. Он не блефовал. На каком бы языке ни говорил визитер, будь он человеком или инопланетянином, смысл ультиматума он понял бы совершенно ясно. Никто не попадал в космос, не понимая, насколько параноидальны рефлексy оперативников станции.

И, к сожалению, эти рефлексy сейчас оказались в смятении! С мужчиной он не стал бы церемониться. Но женщина – разве мог он ее убить? Даже если б она оказалась депом – а это было вполне вероятно – вряд ли он смог бы сделать то, что казалось необходимым. Космический корабль он решил бы уничтожить, но женщину – нет. Его подготовка была не настолько хороша.

– Снимите скафандр и положите любое имеющееся оружие на полку, – сказал он, стараясь говорить суровым голосом.

Оружие? Женское тело само по себе являлось оружием.

– Я слежу за вами.

И Лео запоздало вспомнил, что надо включить экран. Он и в самом деле был выбит из колеи.

Она покорно снимала громоздкие сегменты скафандра. Процесс занял некоторое время, поскольку ооновский скафандр создавался, чтобы обеспечить безопасность, а не удобство. С некоторым разочарованием, испытывая легкое смущение, Лео отметил, что под

скорлупой скафандра она была должным образом одета. Некоторые, чтобы облегчить циркуляцию воздуха и тепла, залезали в свои скафандры обнаженными.

Женщина! Человек или Деп? От вердикта зависело, предстоят ему замечательные месяцы или мучения, худшие, чем если бы он выбрал одиночество и возможную вину. Если она и вправду с колониального корабля...

Дрожащими руками Лео вбил запрос для получения информации из реестра.

– Экспо-99: ВСЕМИРНАЯ ЯРМАРКА, МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: МАДАГАСКАР, 1999 год. КОЛИЧЕСТВО ПОСЕТИТЕЛЕЙ, СОВОКУПНЫЙ ДОХОД 42 000 000. ВАЖНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ...

Он остановил выдачу и внес поправки. Он хотел получить не эти данные, а сведения о корабле.

За это время девушка освободилась от скафандра. Она оказалась молодой брюнеткой, скорее стройной, чем полненькой, а помятый комбинезон скрывал ее формы. Ее волосы были довольно короткими, как и у большинства женщин, которые отправлялись в космос – кроме так называемых представительниц шоу-бизнеса – а ее уши немного топорщились. На такую Лео, после возвращения на Землю с пенсионом в миллион долларов, вряд ли бы вообще посмотрел.

Но здесь была не Земля. Здесь была изоляция еще на тринадцать с половиной месяцев, пока его станция прокрутится по орбите вокруг своего пронумерованного солнца и, наконец, вернется в точку, удобную для randevu с кораблем со сменой. В безлюдный период любая женщина прекрасна, особенно молодая.

Любая человеческая женщина.

Он посмотрел на сообщение реестра: ДАННЫЕ НЕДОСТАТОЧНЫ.

Лео запросил уточнения, но он уже знал, что это означает. Такого корабля не существовало. Девушка оказалась поддельной.

Сжечь ее?

Взъерошенная, часто дышавшая от нервного напряжения, она казалась трогательно хрупкой. Она хорошо знала о грозящей ей опасности.

В его голове мелькнула мысль, что даже женщина-деп может стать компаньоном.

Лео открыл внутренний замок и впустил девушку на станцию.

Он встретил ее в уютной комнате отдыха. Девушка все еще чувствовала себя неуверенно в гравитационном поле после долгого свободного падения. Ее груди и плечи слегка обмякли, как будто

в космосе они потеряли свой тонус. Она пыталась поправить свой наряд, чтобы сделать себя попрезентабельней, но немногие минуты на прихорашивание едва ли могли отменить дни заключения в скафандре. Особенно, если природные данные были скромными. Как модель для картин в стиле пинапа она была не слишком хороша.

— Садитесь, — коротко велел он, отказываясь называть по имени.

— Спасибо.

Благодарно, но не очень грациозно, она села на одно из мягких кресел. Станция была маленькой, но и на такой комната отдыха должна была быть настолько домашней, насколько это возможно, чтобы смягчать тяготы дежурства.

— Я считаю, что вы агент инопланетян, — сказал он. — Точнее, что вы деп-шпион.

Ее рот открылся. Девушка не пользовалась помадой или другим макияжем, такие вещи не способствуют выживанию в космосе. Ее глаза были затуманены непритворной усталостью, зубы были слегка неровными. Он знал, что перед ним инопланетное существо, но каждая деталь казалась мучительно человеческой.

— Придержите свои комментарии, — продолжал он, не давая ей возможности ответить.

Лео знал, что должен сделать это быстро, иначе его нервы не выдержат. Он не был военным, хотя на время этого единственного контракта он должен был подчиняться военным правилам. Солдатская дисциплина для него была скорее концепцией, чем реальностью.

— Меня зовут Лео Мак-Генри, и у меня нет шотландских или ирландских предков, о которых я бы знал. Я гражданский, нанят на четырнадцатимесячное дежурство, и большая часть этого срока впереди. Мне хорошо платят за эту службу, потому что личностные тесты показывают, что я, обладая острым умом, выживу с большей вероятностью, чем обычный солдат. Я хочу достойно завершить свое дежурство, выйти в отставку, жить припеваючи и крутить интрижки еще полсотни лет.

— Я подключен к этой станции так, что я не могу покинуть ее даже для прогулки по поверхности планетоида, не уничтожив станцию и себя. Только у корабля-сменщика есть оборудование, которое можно перенастроить для следующего дежурного. Главный компьютер постоянно мониторит волны, излучаемые моим мозгом. Если волны исчезнут, что произойдет, если я умру или перенесу какие-то серьезные психические изменения, типа наркотического опьянения, то компьютер немедленно взорвет эту станцию. Радиус полного разрушения далеко превышает расстояние, которое какой бы то ни было человек может пройти в скафандре без угрозы по-

пасть под разлетающуюся шрапнель осколков и смертельную радиацию. Есть и другие меры предосторожности, более коварные, но не менее эффективные. Я хочу сказать, что здесь я во всех отношениях неуязвим. Я заставил вас оставить свое оружие, – у нее были лучемер и нож, и то, и другое стандартно для ооновского скафандра, – только для того, чтобы вы не пытались сделать какую-нибудь глупость, прежде чем у меня появится возможность поговорить с вами. Я могу выглядеть обычным, но любое серьезное нападение на меня приведет к вашей гибели или к нашему взаимному уничтожению. Что, в свою очередь, повлечет вызов компетентного земного флота, готового справиться с проблемами и стремящегося это сделать.

– Я управляю этой станцией. Благодаря электронному и нейронному кодированию никакой другой человек не сможет открыть дверь, кроме как по моему указанию. Вы не сможете уйти, вы не сможете получить пищу, вы даже не сможете пользоваться санузлами без моего сотрудничества. Я намерен либо казнить вас, либо задержать здесь до прибытия корабля со сменой, после чего я передам вас в соответствующие органы для допроса и возможной ликвидации.

– Я, однако, дам вам шанс на свободу, так как ваше присутствие здесь может оказаться серьезным пятном в моем послужном списке. Если вы пожелаете уйти прямо сейчас, вы можете это сделать; я позволю вам надеть скафандр и вернуться к вашим соотечественникам с новостями о том, что моя станция работает, и будет работать в течение продолжительного времени. Я предлагаю, чтобы вы согласились на это; так будет проще для нас обоих.

Лео отвернулся от нее, чтобы скрыть свою нервозность. Он сделал это. Он произнес свою речь, и все это было правдой, за исключением того, что его решимость на крайние меры была не так уж сильна. Не очень хорошо. Он мог ее отпустить, но если бы она вдруг решила остаться, пусть, даже если она была депом-шпионом...

Лео здесь был одинок и, как внезапно оказалось, желал женщину. Он мог бы попытаться удержать ее в плену, но неизбежно придет время, когда он станет относиться к ней не как к подозреваемой, а как к той, кем она кажется, как к настоящей женщине. Искушение уже овладевало им. Возможно, именно на это и рассчитывала команда депов. Сейчас он разгадал уловку, но устоит ли перед постепенно нарастающим эмоциональным и гормональным давлением? Год – изрядное время, достаточное, чтобы обработать человека. Год соседства, и ему будет уже все равно. Его верность... У него появится новая привязанность. После этого...

Она посмотрела на него.

— Я... Я не знаю, что сказать, мистер Мак-Генри. Кроме того, что я не... Я не то, что вы сказали. Я не знаю, почему вы мне не верите. Но я не могу уйти. Моего корабля здесь больше нет. Я не хотела говорить, потому что из-за этого у меня будут проблемы, но я выпрыгнула из корабля, и он ушел без меня. Я знала, что нарушаю закон, но это был мой единственный шанс вернуться назад на Землю. Наверное, если вы так хотите, вам лучше меня запереть.

Она собиралась продолжать игру, и играла она безупречно! Как ни странно, он почувствовал облегчение. Ее уход стал бы признанием вины, а ему пришлось бы сбить инопланетный корабль в тот момент, как он определил бы его местонахождение. Значит, хотя бы появился шанс, что она настоящая. Шанс, на который, Лео знал, глупо надеяться. Возможно, женщина шустро запутывала его, но он колебался, не в силах решиться на крайние меры.

— Разве ваш корабль не потерпел крушение? — спросил он. — Ваш «Экспо-99»?

— Я так сказала? — радостно удивилась она. — Я имела в виду «Экстон-99». Мы называли его «Экспо», но это просто сленг. Да, он не мог остаться торчать здесь из-за единственного дезертира и...

Не дослушав ее, Лео направился в диспетчерскую. Он ввел исправленное наименование.

ЭКСТОН-99: ОДИН ИЗ СЕРИИ КОЛОНИАЛЬНЫХ КОРАБЛЕЙ, ОТПРАВЛЕННЫХ К ТАК НАЗЫВАЕМОМУ ПЕРИМЕТРУ СФЕРЫ, ПЕРСОНАЛ НАБРАН НЕДОБРОВОЛЬНОЙ ЖЕРЕБЬЕВКОЙ...

Ого! Так это был один из флотов, которые заполняли свои штаты рабочей силой из числа насильно завербованных по псевдослучайному жребию. Добровольно отправляться в малоприятные места желали немногие, так что процветал легализованный пиратский промысел, аналогичный призыву на воинскую службу до конца войны в старые времена, времена частых войн. Почему-то богатых или влиятельных призывали редко: еще одна проверенная временем коррупционная схема, под девизом «Гони взятку или тяни спичку». Вытянуть жребий и попасть в такую экспедицию означало для несчастного рекрута всю оставшуюся жизнь тянуть лямку на тяжелой службе в каком-то пограничном мире, а потом там же и умереть.

И все же с политической точки зрения это имело смысл. Это уменьшало безработицу на Земле, одновременно усиливая галактические позиции планеты. Новые миры должны были быть освоены и развиты, и такая система позволяла это делать, пусть и такой

ценой. Космическое пространство, которое стережет станция Лео, в конечном итоге будет колонизировано именно так. Большинство избирателей не подходили для жеребьевки по возрасту или по состоянию здоровья, поэтому ничем не рисковали, голосуя за этот проект.

Демократия, как обнаружило экспортируемое меньшинство, не всегда была справедливой. Лео, пройдя отбор на нынешнюю службу, получил освобождение, но не проникся симпатией к системе, которая стала просто еще одной формой принудительного рабства.

Неудивительно, что Невада Браун прыгнула с корабля, когда у нее появился шанс! Жизнь на Земле, пусть и переполненной, была насыщенной; жизнь где-нибудь еще, была мрачной. Должно быть, она искала удобный случай и поймала его, когда корабль замедлил ход для коррекции курса. Колониальные корабли редко направлялись непосредственно к своим пунктам назначения, поскольку существовала опасность выдать их координаты вражеским наблюдателям. «Врагом» считались возражающие семьи насильно завербованных, а также конкурирующие инопланетные расы.

Лео должен извиниться перед своей гостьей. Она была человеком.

Хм. Вот так и работает деповское внушение, его на этот счет хорошо проинформировали. Пока Невада находилась в шлюзовой камере, он выяснил, что ее идентификация ложная. Теперь же, поговорив с ней напрямую, он передумал. Оказалось слишком легко признать его первую оценку ошибочной. Сначала он имел объективное суждение, а вот следующее было, скорее всего, субъективным. Он хотел верить в ее рассказ и вспомнил название настоящего корабля вместо того, что она придумала.

Хотя почему она не дала ему правильное название сразу, ведь разведка Депа наверняка обладала нужной информацией...

Лео, весь в сомнениях, вернулся в комнату отдыха. Невада оставалась на прежнем месте. Она по-прежнему была взъерошена, с кривоватыми ногами, слишком длинным носом, да и вся она казалась довольно невзрачной и не слишком красивой. Не помогла даже ее молодость; она еще не овладела отточенной грацией опытной женщины, талантом акцентировать желаемое и скрывать нежелательное.

Все это служило аргументами в ее пользу. Деп-куртизанка стала бы красавицей, ведь она могла бы контролировать все детали ее внешности. Она не оставила бы ничего, раздражающего взгляд.

Однако: он был готов столкнуться с совершенством депа. Следовательно, становится очевидным, что его подозрения лучше всего развеять, если добавить некоторое несовершенство...

Но еще одно однако: девушка могла быть настоящей. История Невады казалась правдоподобной, и сходу он не мог ее опровергнуть. Лео рассчитывал вероятность кораблекрушения недалеко от станции. Но преднамеренное дезертирство колониста, имеющего все основания для недовольства, совершенное рядом с пилотируемой наблюдательной станцией гораздо менее невероятно. Шансы, возможно, только один к десяти. Такие же, как, по его грубым прикидкам, и на проникновение депа-шпиона. Это уравнивало шансы; девушка с одинаковой вероятностью могла оказаться как человеком, так и депом.

Если не задумываться о том, что деп, естественно, преподнесет ему убедительную историю.

Во что ему поверить? Он хотел принять ее как человека. Так было бы намного проще и намного приятнее. Но если он ошибется, то может потерять удачу, жизнь и провалить миссию. Это в случае неправильной ошибки.

Конечно, правильной ошибкой было бы убить девушку, а впоследствии обнаружить, что она все-таки была человеком. В данных обстоятельствах он не будет признан виновным.

Она продолжала сидеть, не говоря ни слова, наблюдая за ним своими карими глазами. Шансы складывались в пользу казни – убийства – но он просто-напросто не был настолько рациональным.

Давая новые запросы, Лео мог уточнить шансы для каждого варианта, но он предпочитал все решать сам. Последствия решения падут на его голову и душу, а не на компьютер.

– Я не уверен в вас, – сказал он наконец. – Возможно, вы человек, но точно так же вы можете оказаться депом.

Снова он задумался, не получит ли вследствие ошибки любовницу-депа. В ней была определенная прелесть и неуловимое обаяние...

– Я могу рассказать о себе, – поспешно сказала она. – Где родилась, кто мои друзья и родственники, все, о чем не может знать ни один инопланетянин.

– Забудьте. Я об этом тоже ничего не знаю. Вы можете придумать все, что угодно.

– А вы не могли бы поискать это на вашем компьютере? Разве в нем не содержится все, что...

– Регистр энциклопедический, а не всезнающий, – резко прервал он. – В нем есть все факты, которые мне могут понадобиться или

которые мне необходимо знать, но в нем не может быть списка всех девочек-подростков нашего перенаселенного мира.

— Мне уже двадцать два, — сказала она обиженно. — Тебя не включат в списки на жеребьевку, пока не исполнится...

— В любом случае, имя, даже если оно найдется в списке, ничего не доказывает. Деп мог изучить такие списки, прежде чем отправиться сюда.

— Ой, — она задумалась, по-прежнему — не обосновательно — нервничая. — Но, наверное, есть то, что я знаю, и что инопланетянин знать не может, а вы можете такое проверить. В конце концов, я провела всю свою жизнь на Земле. Может быть, мы знаем одних и тех же людей, и...

— Нет. Я могу проверить только то, что знаю сам. Возможно, мне показалось бы, что вы сказали мне об этом, но на самом деле я бы выбирал такие факты из своей собственной памяти.

Девушка смотрела на него, ее маленький подбородок дрожал, словно она собиралась заплакать.

— Вы имеете в виду — я не могу использовать то, что вы не знаете, потому что я не могу доказать это, и я не могу использовать то, что вы знаете, потому что...

— Именно так. Поэтому я боюсь, что мне придется, — девушка напряглась, — держать вас в плену, пока не придет корабль.

Он оказался жалким слабаком; ему следовало просто пристрелить ее. Фактически, если окажется, что она деп, то он потерпел поражение. Это может повлечь уничтожение станции или предательство им своего мира, но Лео просто не хватило смелости сделать то, что необходимо. Он оказался плохим стражем.

— Ой, а я подумала, что вы собираетесь... Наверное, это имеет смысл. Я имею в виду, передать меня властям, так как вы не уверены.

Ее явное облегчение вызывало сострадание. Теперь она знала — как оно там дальше не обернется, сейчас ее убивать не станут.

Она встала.

— Депы захотели бы узнать вражеские секреты и все такое. Поэтому так будет правильно. Наверное, мне пора отправиться в камеру. Надеюсь, что она чистая.

— Тут нет камер. Вам придется использовать эту комнату.

И наверняка депы тоже об этом знали.

Она оглянулась, начиная понимать.

— Ой...

— Я перепрограммирую оборудование для систем жизнеобеспечения, чтобы обеспечить ваши потребности. Вы можете попросить у меня любые материалы для чтения, которые захотите, и я сделаю

для вас распечатки. Однако большинство из того, что здесь имеется – техническая литература. Станция создавалась не для развлечения.

– Но что будете делать вы? – спросила она с робкой заботой. – Я хочу сказать, вы же не можете оставаться все время в пункте управления, или в кладовой, или где-то еще.

Он пожал плечами.

– Но, получается, что вы будете в большей степени заключенным, чем... – воскликнула она, не закончив фразу.

Что да, то да, сестричка!

– Невада, было бы здорово, если б нашелся способ точно определить, кто вы, – сказал Лео. – Пусть даже неприятный или неприличный. Но такого способа нет, так как у меня здесь нет лаборатории. Поэтому мы просто должны сделать то, что я предлагаю, если только вы не пожелаете уйти.

– Наверное, я должна уйти, – сказала она. – Но тогда я умру, а на это у меня не хватит силы воли. И все-таки, разве нет способа... – внезапно глаза девушки блеснули. – Вы сказали, что корабля не будет больше года?

Лео кивнул.

– Запрет на частые посещения.

– И мне просто нужно оставаться здесь, пока меня не смогут точно идентифицировать? И если я человек, то все в порядке, но если я инопланетянин, пытающийся проникнуть в оборонные секреты Земли, то меня убьют?

– Достаточно верно. Я объяснил все это раньше. Если вы шпион, то вы ничего не добьетесь, так что можете и уйти. Если уйдете сейчас, то сможете спасти свою жизнь и мою репутацию.

На самом деле он блефовал.

– Так что на самом деле не имеет значения, что будет происходить, пока не прибудет корабль, – взволнованно сказала она. – За исключением того, что было бы намного приятнее, если б я смогла доказать вам, что я человек.

Она начала оглаживать свою одежду движениями, скорее соблазнительными, чем практичными.

– Да. Но если вы подумали о классическом «доказательстве», то оно не годится. Депы тоже могут заниматься сексом. Говорят, даже, что лучше, чем настоящие женщины. Секс ничего не меняет.

– Вы неправы, – убежденно, с вновь обретенной уверенностью, сказала она. – Дайте мне несколько дней, чтобы узнать вас. Тогда я... Я докажу. Действительно докажу. Это будет трудно, но вы увидите.

КАПИТАН КОРАБЛЯ со сменой был шокирован.

– Вы впустили незваного гостя? Здесь, возле границы с Депом? Вы понимаете, что это значит?

– Понимаю, – сказал Лео. – Это была случайность, но я с готовностью предстану перед военным судом за то, что сделал. Однако для своей защиты я намерен представить доказательства того, что я внимательно следил за обстановкой и даже отразил инопланетный налет, который в обычных условиях мог бы уничтожить станцию и сделать всю эту звездную систему неблагоприятной для проживания Человека. Видите ли, они собирались с помощью бомбы создать повышенную радиацию, и мы смогли бы начать освоение только через столетия. Я думаю, что они очень сильно хотят это сделать. Это должно что-то значить.

– Отразил налет?

Капитан, казалось, зацепился за эти слова.

– Флот депов, знающий свое дело. Меньше месяца назад. Они выпустили массу ракет, пытаясь сначала вывести из строя станцию. Должно быть, они стояли им целое состояние. Я бы никогда не сбил их всех, если бы не Невада, действовавшая как дополнительный корректировщик огня. Она давала их координаты, а я смог, не отвлекаясь, их расстреливать. Эффективность получилась выше раза в четыре. То, что нужно для перехвата снарядов, мчащихся как метеорный поток. До своей внезапной атаки депы не ожидали встретить скоординированную оборону.

– Конечно, нет, – сказал капитан. – Это же явный акт войны, если только им не удастся как-то от этого отмазаться. Это меняет всю картину. Но почему деповская шпионка стала вам помогать, очевидно же, что ее заранее прислали вывести вас из строя.

Лео усмехнулся.

– Я мог бы сказать, что мое обаяние перетащило ее на нашу сторону, но это не прокатит. Она – человек. Я убедился в этом. Я знал, что могу ей доверять, и нам было за что сражаться.

– Мистер Мак-Генри, вы никак не могли бы быть в этом уверены. У вас нет лаборатории, а депы не имеют себе равных в маскировке и умении пользоваться окольными путями.

– Наоборот. У нас есть самая лучшая лаборатория. Ту, которую не сможет обмануть ни один инопланетянин. Все, что нужно, так это...

Его прервал звук голоса плачущего ребенка.

До капитана дошло не сразу.

– Я же сказал, что депы слишком хороши в...

Тут он замолчал и замер с открытым ртом.

— Не очень хороши, капитан. Они не могут имитировать истинную природу, — сказал Лео, улыбаясь чему-то, что значило больше, чем победа. — И это мне кое-что напомнило. Теперь, когда моя работа здесь завершена, прошу вас провести церемонию для Невады и меня. Я хочу, чтобы у маленького Нева была правильная фамилия и, естественно, моя жена будет иметь право остаться со мной на Земле.

The Whole Truth, (Nova 1 / ed. Harry Harrison. — USA, Delacorte Press Publ., 1970), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова

ПОШЕЛ ТЫ К СОБАКАМ

БОЛЬ ПОЯВИЛАСЬ в моей груди внезапно. На мгновение я оказался не в состоянии дышать. Я упал на диван, задыхаясь, бесполезно прижимая ладони к груди.

Уолдо подошел, лизнул руку, с беспокойством глядя на меня своими желто-серыми глазами и виляя подрезанным хвостом. Это был красивый мышино-серый веймаранер* с шелковистыми ушами. Мы нашли его бездомным, изможденным и одиноким, и к тому времени, как мы прекратили пытаться найти его дом, мы уже привыкли считать его нашим. Он набрал двадцать фунтов и стал гладким, сильным и ласковым псом.

Но откуда эта боль у меня в груди – я еще слишком молод, чтобы перенести инфаркт, не может этого быть! Если б только моя жена была здесь! Но она и дети отсутствовали, уехав на выходные с ее родными. Я остался один.

Мне надо обратиться к врачу. Я двинулся к телефону, корчась всякий раз, когда боль снова обжигала грудь и, наконец, добрался до цели. Я уронил телефонную книгу прежде, чем набрал номер, встал над ней на четвереньки – и, само собой, Уолдо смачно чмокнул меня в лицо.

Откуда появился этот пес? Я часто спрашивал себя об этом. У него были прекрасные манеры, но никто не научил его приходить на зов. Как будто его воспитали как хозяина, а не как домашнего любимца. Но он исключительно благосклонно отнесся к тому, что в нашем доме его держали за равного, и даже снизошел до того, чтобы разрешить пользоваться на прогулках поводком.

Когда я наконец-то набрал номер, то попал на автоответчик. Это был воскресный день – самое плохое время, чтобы поймать доктора! Я мог умереть до того, как он покинет гольф-клуб и перезвонит, чтобы посоветовать мне принять две таблетки аспирина и прийти к нему в понедельник утром.

Все-таки кое-что от этого опыта я получил – я стал лучше понимать животных. У больного бродяги не было никаких ресурсов, и он всю свою жизнь зависел от сомнительных подаваний незнакомцев – как и я сейчас. Что в такой ситуации остается от гордости?

* *Веймаранер*, или веймарская легавая – охотничья собака, рост до 70 см, вес до 40 кг. Ее предков использовали в охоте на крупную дичь. Далее в рассказе упоминаются различные породы собак, некоторые довольно редкие. (Прим. перев.)

Я пробовал дозвониться до других врачей, но понял, что это бесполезно. Мне нужно внимание сейчас, а не в рабочее время! Я даже не был уверен, что смогу без опаски управлять автомобилем – приступ может случиться и на шоссе...

Уолдо несколько нервно бегал по полу. Потом он схватил меня зубами за рукав.

– Не сейчас, песик, – сказал я. – Я заболел и мне нужен доктор. Любой доктор! Я не могу с тобой играть.

Тем не менее, он продолжал тянуть. Мне не хватало смелости сопротивляться.

– Ладно, я тебя выпущу, – сказал я и поковылял к двери.

Но Уолдо, как всегда общительный, не захотел выходить один. Он взял в рот конец поводка, висевшего на крюке, вбитом в стену.

Вдали послышался слабый, странный лай: Арф-арф-арф!

– Я не могу взять тебя на прогулку! – воскликнул я. – Моя грудь...

Я вернулся в гостиную и рухнул на диван. Теперь я мог дышать немного лучше, но только небольших вздохами; что бы там не пошло не так, оно так и продолжало идти не так. Если мне не помогут в ближайшее время...

Уолдо снова потянул меня за рукав, умоляюще глядя на меня. Он скулил. Одно из его гибких ушей вывернулось наизнанку.

Что толку? Я не мог добраться до доктора. Если я уж собрался вырубиться от какой-то загадочной болезни, то, по крайней мере, я мог сначала порадовать свою собаку.

Я прицепил поводок к его ошейнику и выбрался за дверь, едва не поскользнувшись на ступеньках. К счастью, пока я шел, боль ослабла, видимо, помог свежий воздух и, возможно, адреналин. Я позволил Уолдо взять на себя инициативу, не обращая внимания на маршрут. Он повел меня извилистым путем, выискивая какой-то след, который только он мог воспринимать, и он казался странно нервным. Возможно, его беспокоил этот необычный лай. Теперь он казался громче. АРФ-АРФ-АРФ! Что это за арфганская борзая?

У меня началось головокружение. Если эта боль не сердечный приступ, не может ли она быть признаком коллапса легкого? Что будет написано в моем некрологе: умер от изношенного желудка под АРФанье гончих?

Что-то привлекло мое внимание, и я поднял глаза. Я не узнавал окрестности, а ведь мы гуляли всего пять минут или чуть больше. Уолдо тянул вперед, словно знал, что он делает и куда идет, только рассказать мне не мог. Что могло встревожить его собачий разум? Боль-то испытывал я!

Дома здесь были не только незнакомыми, но и странными. Они выглядели как огромные, причудливые собачьи будки. Во дворе дома, мимо которого мы проходили, находился мужчина, и я с ужасом увидел, что он был прикован цепью. У него на шее был тяжелый ошейник, а цепь была надежно прикреплена к дереву.

Я остановился.

— Что за черт? — спросил я, повернувшись лицом к нему.

Уолдо потянул за поводок, поторапливая меня. Но я задержался, ожидая ответа от человека. Он оказался шустрым: быстро домчался до конца своей привязи и резко дернул цепь.

— Держись подальше от моей территории, незнакомец! — прорычал он.

Он был большим, волосатым, мускулистым и грязным. Я вдруг понял, что он совершенно голый.

— Да-да, конечно, — сказал я, ошеломленный всем этим.

Я не искал неприятностей. Даже без боли в груди я бы поостерегся связываться с таким уродливым типом, как этот. Кроме того, я увидел, как дверь дома открылась, чтобы извергнуть чрезвычайно толстого пса-боксер, явно привлеченного шумом. Этот тучный пес вел себя так, как будто именно он владел домом! Я позволил Уолдо тащить меня дальше по улице, а человек, прикованный цепью, сел и принялся вычесывать блох.

Навстречу нам шла дама, выгуливающая собаку. Дама тоже была обнажена, а вокруг ее шеи был ошейник, украшенный кораллами. Она потянулась вперед, ко мне, хорошенькая маленькая салюки сжимала конец поводка своими изящными зубами.

Я шагнул к ним, не обращая внимания на попытку Уолдо меня предупредить. Что-то во всем этом было ужасно смешное!

— Леди? — начал было я.

Она повертела задом.

— Ну, давай! — сказала она, глядя на меня смущающе откровенно.

Салюки коротко гавкнула. Дружелюбная женщина отвернулась от меня, как будто я внезапно превратился в гадюку. Пораженный, я просто остолбенел.

Уолдо подошел к Салки и начал тявкать и лаять, а она ответила тем же. Почему-то казалось, что они разговаривали: он извинялся, она оскорбилась, но милостиво простила. Затем пара женщин — собака и человек — двинулись дальше.

Я в недоумении покачал головой. Здесь происходило что-то очень странное!

Уолдо снова потянул меня, а у меня как раз в груди снова начался приступ боли, поэтому я последовал за ним почти вслепую.

Через несколько минут по улице прошла троица собак. С ними не было людей, но животные шли так, словно имели полное право на свободу передвижения. Очевидно, что закон о привязи в этой части города совершенно не соблюдался! Первым шел черно-белый пятнистый далматинец примерно такого же сложения и размера, что и мой веймаранер. Вторым – длинношерстный бобтейл, на его морде был виден только черный нос. Третьей собакой была красавица колли, которую, очевидно, сопровождали оба кобеля.

Уолдо залаял им извиняющимся тоном, и далматинец остановился. Они обменялись взрыкиваниями, далматинец повернул голову и коротко ею взмахнул в сторону юга. Уолдо еще раз гавкнул, что прозвучало как «Спасибо» и повел меня на юг.

У меня появились фантастические подозрения, но они казались слишком глупыми, а, кроме того, я не очень хорошо себя чувствовал, так что выбросил это из головы.

Через некоторое время мы подошли к сооружению, похожему на псарню. Небольшой пятнистый бигль лаял у входа, пока Уолдо не выдал несколько пояснительных взрыкиваний. Мы вошли на территорию.

Внутри стояли скамейки, на которых сидели разные собаки. У каждого был поводок, и каждый поводок вел к ошейнику на шее человека, сидевшего на полу – сидевшего на корточках и голышом.

Уолдо занял последнее свободное место и небрежно пихнул меня. Никогда прежде он не обращался ко мне таким образом! Моя грудь снова вздрогнула от боли, поэтому я просто присел на корточки среди обнаженных людей, пытаясь выглядеть понезаметнее, несмотря на наличие одежды и отсутствие ошейника. Что еще мне оставалось сделать?

Я огляделся. Хорошенькая скотч-терьер сидела за столом, как будто она работала в приемной, а стоявший рядом крупный пес с квадратным носом походил на санитаря. Собаки и люди в зале ожидания представляли из себя странное собрание.

Эlegantная пуделиха держала на поводке блондинку с пушистыми волосами, в других обстоятельствах с такой блондинкой мне захотелось бы познакомиться поближе. Но у этой девушки на коже проступала сильная сыпь. У короткошерстного бассет-хаунда был коротконогий человек со сломанной рукой. У жесткошерстного шнауцера – маленький мальчик с сильной простудой. У маленькой пушистой чау-чау была еще одна длинноволосая женщина, которая выглядела так, словно ее жевали. А у фокстерьера был мужчина, который, по всей видимости, болел чумой.

И в самом деле, все собаки выглядели ухоженными и здоровыми, а все люди больными. Уолдо и я не были исключением.

Время от времени санитар авторитетно лаял, и одна из собак уводила своего человека в другую комнату. Иногда оттуда раздавались ужасные крики — человеческие крики — и все люди сжимались от страха. И точно также сжимался и я! Куда и как я попал?

Вошла немецкая овчарка, волочащая за собой косматого человека. Похоже, с этим человеком не было ничего плохого, поэтому я предположил, что его просто привели на прививку от бешенства.

Настала и моя очередь. Уолдо привел меня в другую комнату. Здесь смутно чувствовалось что-то ужасное, и все мое тело дрожало от предчувствия. Там был высокий стол, мне пришлось вскарабкаться на него и неловко усесться на липкую поверхность в ожидании Ветеринара.

Вошел Доктор Пес — и я чуть не намочил штаны. Он оказался огромным мастиффом с челюстями, как у акулы, и весил он, должно быть, фунтов двести. Но еще больше, чем его размеры, меня напугал его взгляд. Я хотел спрыгнуть со стола и убежать, но мастифф показал зубы, и я окаменел. Я тяжело дышал, и моя грудь болела сильнее, чем когда-либо прежде.

Мастифф ухватил зубами мою рубашку и сорвал ее с моего дрожащего тела. Я скрючился, не в силах пошевелиться. Он тщательно обнюхал меня, затем коротко и резко гавкнул. Ворвалась маленькая пекинес с огромной, лошадиных размеров пилюлей в зубах. Она положила ее на стол рядом со мной и умчалась. Когда дверь распахнулась, выпуская ее, я увидел за дверью черного лабрадора, проводящего лабораторные тесты. Это место оказалось хорошо оборудованным!

Мастифф подтолкнул пилюлю ко мне. Эта штука в диаметре, должно быть, была не меньше дюйма!

— О, нет! — воскликнул я, мой голос звучал фальцетом так, что скорее напоминал визг. — Я задохнусь от такого булыжника!

Уолдо попытался меня успокоить, но я уже дошел до предела из-за криков, которые я слышал из этой комнаты перед тем, как сюда вошел. Я соскочил со стола и побежал к двери. Не слишком встревоженный Доктор лениво гавкнул, и передо мной нарисовалась гигантская фигура.

Это была Огромная Драма, я хотел сказать — Огромная Дама, самая большая сука, которую я когда-либо видел. Она даже не стала рычать. Она грузно шагала вперед, улыбаясь всеми зубами, а я отступал шаг за шагом. Когда я отступил до самого стола, то схватил эту лошадиную пилюлю и заглотил ее одним махом. Гранд-Дама

одобрительно рыкнула и повернула всей своей массой в сторону, продолжая обход вверенного ей участка.

Они определенно, знали, как поддержать порядок в очереди этих странных людей! Я радовался, что Уолдо здесь, чтобы следить за моими интересами. Я только надеялся, что он не оставит меня в питомнике.

Наконец Уолдо вывел меня. У входа мы встретили красивого рыжего сеттера, с ирландцем на буксире.

— Эй, я никогда не был здесь раньше, — крикнул мне мужчина. — Тут плохо?

— Ничего подобного, — ответил я, выпячивая грудь — и знаете, она больше не болела!

Пилуля как-то все исправила, и чувствовал я себя прекрасно.

Потом Уолдо подтолкнул меня, оставляя ирландца и сеттера на произвол их судьбы. Я почти резво побежал в сторону дома, игнорируя цепных человек, которые охраняли участки, принадлежащие их собакам-хозяевам. Но Уолдо оставался странно нервным. Чего он боялся? Это был его мир, ведь так? Мир, где правят собаки?

К нам подскочили две полицейские собаки. Уолдо заскулил — и вдруг я понял. Это был его мир, но у него тут возникли какие-то проблемы с собачьим законом! Поэтому ему пришлось бежать, голодать в чужом мире, пока я его не подобрал. Чтобы помочь мне, он снова рискнул отправиться в это собачье царство и привел меня к квалифицированному ветеринару. Но какая-то мерзкая шавка, должно быть, проверила его регистрацию, и теперь полиция его выследила.

Человек я невысокий, но зрение у меня лучше, чем у обычной собаки. Моя рубашка была изодрана, и я знал, что выгляжу свирепым. Я сделал угрожающий шаг в сторону полицейских собак и увидел, как они притормозили, увидев, что я не на поводке.

— А ну, убрать свои хвосты отсюда! — яростно взревел я.

Это было для них чересчур. Их обучали, как обращаться с незаконопослушными собаками, но перед диким человеком они испытывали патологический ужас. Они отступили.

Мы побежали по переулку, а полицейские псы следовали за нами на достаточном расстоянии и лаем сообщали о нашем местонахождении. Скоро мы окажемся окружены и схвачены!

Внезапно перед нами появилась невзрачная кошка. Это тоже было странно, мой веймаранер никогда раньше не гонялся за кошками.

Тут я увидел, что кошка не убегает, а ведет нас. Она увернулась от болвана пойнтера, лающего у дома, нашипела на стройную гон-

чую и прыгнула прямо на спящего бульдога. Она показывала нам путь к спасению!

Может, именно это и было преступлением, которое совершил здесь Уолдо? Помог кошке? Теперь она или одна из ее подруг платили за услугу?!

Внезапно мы оказались у моей двери, и кошка исчезла. Я остановился, чтобы оглянуться назад – и окрестности были знакомыми. Никаких больших собачьих или кошачьих домиков в поле зрения, никаких заросших голых людей. Просто обычный человеческий пригород.

Я знал, что не стоит возвращаться назад; я бы никогда не нашел собачье царство. Уолдо не посмеет снова показать там свою морду; за ним будут следить. Но теперь все счета закрыты, а я, наконец, понял, откуда появился мой пес.

Я наклонился и потрепал его гибкое серое ухо.

– Идем, дружище, – сказал я, глубоко и безболезненно вздохнув.

– Мы разделим с тобой стейк.

Gone to the Dogs, (Anthonology / Piers Anthony. — USA, Tor Publ., 1995), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова

КЛЮВОМ К КЛЮВУ

КОГДА ГУМБЕРТ со вздыбленными жесткими волосами и в тапочках выбрался из дому, чтобы взять утреннюю газету, он увидел, что на почтовом ящике сидит красная птица. Порыв ветра распахнул за ним входную дверь, и изнутри донесся вопль.

Красный посетитель оживился. Он перелетел через лужайку и вцепился в решетку на двери.

Гумберт, державший в руке свернутую газету, остановился.

– Потерялся, паренек? – спросил он. – Ну... ты не кардинал*. Ты попугай!

Гумберт посмотрел на птицу повнимательней.

– Красивый, кроваво-красный, самец, паракит**. Я никогда раньше не видел ничего подобного.

Изнутри снова раздалось сердитое щебетание.

– Моим питомцам не нравится сквозняк, – объяснил Гумберт. – Мне надо закрыть дверь.

Красная птица подпрыгнула к порогу и запорхала перед закрывающим дверь экраном, потом отлетела назад.

– О, так вы – ручная птица! – сказал Гумберт. Он присел на корточки и протянул руку, но птица тут же отскочила. Он засмеялся. – Но, вижу, не настолько ручная!

Когда он открыл экран, птица снова прыгнула вперед.

– Вы хотите войти? А где ваш дом?

Он придержал дверь открытой и позволил птице влететь в гостиную.

Его жена выскочила из кухни с кружкой растворимого кофе.

– Гумберт, ты снова забыл закрыть дверь? Ты же знаешь, что Сияняя не... – она замерла. – Гумберт – здесь птица!

– Мета, здесь несколько птиц, – заметил он, осторожно закрывая дверь.

– Я говорю о дикой птице. Посмотри на этот цвет!

Красный попугайчик подлетел к высокому декоративному торшеру и, усевшись на абажур, посмотрел на нее.

* *Красный кардинал*, или виргинский кардинал – вид птиц из семейства кардиналовых, обитает преимущественно в восточных штатах США. Красная птица с хохолком средних размеров. Длина 20-23 см, размах крыльев 25-31 см. (Прим. перев.)

** *Паракит* – (англ. Parakeet) – название волнистых попугайчиков, принятое в США. (Прим. перев.).

– Кажется, он сам захотел войти, – сказал Гумберт. – Он замечательный экземпляр и наполовину ручной.

Ее отношение сразу изменилось.

– Какая прекрасная птица! Я никогда не видела паракита такого цвета.

Птица заметила большую клетку и полетела к ней. Три попугайчика внутри испуганно зашевелились, натываясь на стенки.

Гумберт подошел поближе и снова предложил незнакомцу руку.

– Позвольте мне взглянуть на вас, Красный. Я не могу принять вас в нашу семью без хороших рекомендаций. У вас могут быть клещи.

Но птица от него отскочила.

– Посмотри газету, – сказала Мета. – Может быть, есть объявление о пропаже. Такая примечательная птица должна быть ценной.

Она скрылась в спальне вместе со своим кофе.

Гумберт опустил в кресло. С тех пор, как он пережил сердечный приступ, он старался двигаться медленно и не нервничать. Он развернул газету.

В глаза бросился черный заголовок:

ЧУЖОЙ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ НА ЗЕМНОЙ ОРБИТЕ.

– Мета! – позвал он.

– Дорогой, я тороплюсь в офис, – услышал он ее приглушенный ответ.

Она активно участвовала во многих волонтерских организациях, к тому же занимала должность клерка на полставки. Теперь, когда их дети женаты и живут своей жизнью, она предпочитала оставаться занятой, хотя деньги не были проблемой.

Гумберт пожал плечами и не стал настаивать. Возможно, заголовок только расстроит ее. Он прочитал статью и нашел, что информации слишком мало. Газете действительно было известно ненамного больше, чем сам факт: странный корабль появился в тысяче миль над Землей и теперь висел на наклонной орбите. Приводилась статистика: сколько минут ему требовалось, чтобы облететь Землю, в какое время он пройдет и над какими городами и тому подобное, но ничего более существенного. Не было ни попыток установить коммуникацию, ни угроз. Просто наблюдение?

Выбежала Мета. Она всегда торопилась и никогда степенно не прогуливалась.

– Есть какое-нибудь объявление?

Он совсем забыл про птицу!

– Я не видел, – ответил он, но она уже выскочила за дверь, а вскоре он услышал, как заводится машина.

Она ушла не меньше, чем на несколько часов. Гумберт взглянул на красного паракита, который снова очутился на вершине клетки в поисках способа туда проникнуть.

— Ну ладно, Красный, — сказал он, улыбнувшись. — Я представляю вас.

Он открыл дверцу клетки и протянул руку, чтобы поймать птицу. Поднялась обычная суматоха, поскольку птицы, какими бы они ни были ручными, не очень-то любили, когда их брали в руки.

Гумберт поймал одного и вытащил.

— Успокойся, Желтый, — сказал он.

Этот попугайчик был самым молодым и энергичным в их семье: эффектный желтый арлекин с зеленым брюшком. Гумберт поместил птицу на верхушку клетки.

— Желтый, это наш гость Из Внешнего Мира. Красный, это Желтый.

Желтый попугайчик взъерошил перья, расправил одно крыло и чихнул. Демонстративно выразив свое возмущение тем, как с ним обращаются, он осторожно посмотрел на другую птицу. Так бывало всегда — паракитам требовалось время, чтобы познакомиться.

Гумберт потянулся за Синей. Она была робкой, уже немолодой птицей, склонной к нервным приступам и поносу, но ее расцветка была очень красивой. При правильном освещении над темно-синей грудью появлялся зеленый отлив, словно желтый цвет ее головы разбавил синий. Она ущипнула палец, но несильно и не сопротивлялась, когда рука Гумберта сомкнулась над ее крыльями. Иногда птицы садились ему на палец, но специально тренировать их он не пытался. Он посадил Синюю рядом с Желтым, но она сразу же, опасаясь незнакомца, взлетела вверх и села на карниз, с которого свисали занавески. Успокоившись, она начала чистить перышки на крыле.

— Вот, это была Синяя, — сказал Гумберт извиняющимся тоном.

Он не пытался поймать Зеленую, просто выгнал ее, взмахнув рукой. Зеленая была самой старшей и сменила много владельцев. Это была обычная самочка с зеленым телом и темными крыльями, с аккуратным желтым нагрудником, отмеченным четырьмя-шестью черными пятнышками — их количество могло меняться — и она злилась, когда ее пытались взять в руки. Однако если в руках будет немного угощения, то она быстро к ним подскочит.

— А это Зеленая, — сказал Гумберт, когда та полетела, чтобы согнать Синюю с карниза. — Вы, в свое время, узнаете их всех лучше.

Зеленая довольно клевала край занавески.

Желтый, редко чего боящийся, уже сделал первый шаг. Он подошел к Красному и клюнул его. Красный отскочил в сторону.

– Вот так, Красный, – сказал Гумберт, залезая рукой в клетку, чтобы убрать с пола грязную газету. – Очень важно установить, кто кого имеет право клевать, не то чтобы здесь этому уделялось особое внимание.

Желтый теперь смелее преследовал недовольного пришельца.

– Просто стукните ему хорошенько по клюву, – посоветовал Гумберт Красному. – Вы должны поставить себя как надо.

Он положил новую газету, наполнил чашечки под лакомства овсом, добавив четвертую чашку для новичка и отошел от клетки.

– Кушать подано!

Зеленая, как всегда, бдила, и тут же стрелой промчалась через комнату, ветерок от ее крыльев скользнул по лицу мужчины. Она запрыгнула в клетку и села на кормушку. Семена шумно посыпались на свежую газету, когда она энергично заклевала.

Желтый услышал этот звук и переполз с верхней половины клетки на нижнюю, используя обе лапки и клюв, чтобы удержаться. Синяя, понявшая, что она далеко от кормушки, подлетела к дверце одновременно с ним. Они столкнулись, забарахтались и оба свалились внутрь. Через мгновение они оказались на кормушке, а Зеленая сердито ругалась, пытаясь отстоять свою охотничью территорию.

– Это игра, которую мы называем «Царь насеста», или, иногда, «Музыка Кормушек», – объяснил Гумберт Красному, тревожно смотревшему сквозь прутья. – Цель состоит в том, чтобы склевать как можно больше семян, не допуская до кормушки никого другого. Вы скоро освоите эту игру.

Гумберт вернулся в свое кресло и стал наблюдать, как Зеленая и Желтый, захватившие крайние чашки, сходятся к Синей, клевавшей посередине. Никто из троих не подступился к новой чашке. Пока внимание Синей отвлекал Желтый, Зеленая, подбравшаяся с другой стороны, клюнула ее в шею. Синяя закричала и перелетела на другую сторону клетки.

– Это ничего не значит, – сказал Гумберт успокаивающе, – это просто игра во время еды, а в большом блюде достаточно обычных семян на случай, если кто-нибудь проголодается. Смотрите.

Конечно же, Синяя немедленно вернулась к чашкам, хлопанье ее крыльев заставило Зеленую взлететь. Теперь Желтый и Синяя забыли о своих разногласиях на срок, достаточный для того, чтобы основательно разбросать семена, выбирая твердые зерна и ловко обшелушивая их клювами. Зеленая вскарабкалась по боковой

стенке клетки, пользуясь лапками и клювом, как это делал Желтый, и вернулась на свое место перед чашкой. Поели все трое.

— Вы разберетесь, Красный, — сказал Гумберт. — А пока я оставляю вас.

Не похоже было, что птица его услышала.

Гумберт вошел в свой кабинет, включил радио и уселся за свои модели из зубочисток. Художественные конструкции, которые он выполнял из самых простых материалов, были по всему дому: лодки и статуи, а также геометрические фигуры, сделанные из тонких деревянных прутиков и капелек клея.

Шум крыльев заставил его взглянуть вверх.

— Это ты, Желтый?

Но это был новичок.

— Еще не готов к общению, да, Красный?

Птица уселась на сделанную из зубочисток скульптуру Меты.

— А... Ты хочешь узнать, что я делаю? Ладно. Я делаю что-то вроде того бюста моей жены, на котором ты сидишь. Не волнуйся — он достаточно прочен, чтобы выдержать сотню таких, как ты. Ну, возможно, не сотню, но полсотни точно. Но давай, если не возражаешь, не будем заморачиваться по этому поводу? Знаешь ли, вопрос личного достоинства.

Он внимательно изучал птицу. Перья у попугайчика на груди и хвосте были светлее, чем на спине и крыльях, но тоже красные. На розовом горле выделялись четыре темно-красные точки, во всем остальном его окраска была почти равномерной. Восковица* над клювом была синего цвета, признак, что этот представитель своего вида — самец, и это синее пятнышко было единственным отклонением от общего красного цвета.

— Ты странный, — сказал мужчина. — Не только из-за твоего цвета, но и из-за твоего поведения. Ты недостаточно ручной, чтобы позволить взять себя в руки, но тебя больше интересует, чем я занимаюсь, чем твой сородичи. Почти как если бы ты...

Гумберт замолчал, прислушиваясь к новостной радиопередаче.

— ...Находится на орбите уже десять часов без подтверждения получения наших сигналов и вообще без каких-либо видимых попыток вступить в коммуникацию. Эксперты разделились в том, следует ли считать его дружелюбным, равнодушным или враж-

* *Восковица* — участок утолщенной кожи у основания надклювья некоторых птиц (соколообразные, совообразные, голубиные, попугаеобразные), на котором расположены наружные отверстия ноздрей. (*Прим. перев.*)

дебным. В настоящее время предполагается, что его цель – просто наблюдение. Однако...

Гумберт перестал слушать.

– Так трудно доверять друг другу, тем более неизвестному количеству других. Мы не знаем, что этот корабль делает в наших небесах и, вероятно, он тоже не знает, что с нами делать. Но, держу пари, это не так уж сильно отличается от любой встречи между незнакомцами. Например, ты и я: я никогда не видел такой птицы, как ты, а ты мог бы оказаться опасным пришельцем из какой-то другой звездной системы. И ты не можешь позволить себе поверить мне, потому что моя рука может раздавить тебя в один миг. Но, как видишь, пока мы ладим. Через некоторое время мы получше узнаем друг друга, вот тогда и придет взаимное доверие. На некоторые вещи просто нельзя давить.

Он разложил зубочистки и нагрел клей.

– Знаешь, Красный, я думаю, что сделаю корабль – космический корабль, похожий на тот, что в небе. В газете есть фотография... Нет! Держись подальше от этого клея. Он горячий, потому что с ним трудно работать, когда клей не разогрет, а считается, что пары могут вызывать галлюцинации. Если ты сунешь туда клюв, то мне придется соскребать застывавший клей наждачкой. Поверь мне, Красный, тебе это не понравится.

Гумберт встал, чтобы взять газету, и испуганная птица полетела впереди него в гостиную. Трое местных жителей все еще сидели в клетке, хотя дверца была открыта. Зеленая уцепилась за одну из лесенок, старательно клюя ее пластиковые перекладки, в то время как Желтый незаметно тянулся вперед, чтобы дернуть Синюю за неохраняемый хвост.

– Это еще одно, Красный, что тебе стоит изучить, – сказал человек с улыбкой. – Дерганье за перышки. Держи крылья и хвост вне досягаемости, иначе получишь согнутое перо. Не в природе паразитов упускать возможность хорошенько подергать перышки, – он на мгновение задумался. – Надеюсь, что никто не попытается дернуть за хвост тот космический корабль, не познакомившись с ним получше.

На этот раз Красный его не сопровождал. Радио переключилась на популярную музыку, играла мелодия «Потягивая сидр»*.

– О!.. Я помню эту песенку! – довольно сказал Гумберт.

Он принялся подпевать себе под нос:

* *Потягивая сидр* – Sippin' Cider Through a Straw, популярная американская шуточная народная песня. (Прим. перев.).

*Так, к щеке щекою и губами к губам,
Через соломинку сидр пили мы там.*

На какое-то время он сбросил прожитые годы.

Вернувшись в гостиную, Гумберт обнаружил, что Красный внутри клетки вместе с остальными. Желтый проявлял дружелюбие, но Синяя все еще держалась на расстоянии, а Зеленая спала на верхней жердочке, поджав одну ногу и спрятав голову под крылом. Согласно справочнику, спящая птица никогда не поджимает ногу и одновременно прячет голову, но Зеленая, очевидно, мало читала.

Красный посмотрел на него.

— Верно, — сказал Гумберт. — «Тюрьма — отнюдь не камень стен и не железный прут». Так сказал мистер Лавлейс*. Наши птицы летают по дому, но знакомая клетка удобнее, чем странный мир. Я запираю клетку только на ночь, чтобы никто не пострадал в темноте.

К тому времени, как Мета вернулась домой, Красного, в основном, уже признали. Уже не так спешащая, она снова принялась им восхищаться.

— Он как раз то, что нам нужно, чтобы заполнить набор. Четыре птицы, четыре различных цвета. Но ты уверен, что он никому не принадлежит?

Гумберт признался, что забыл проверить газету. Впрочем, не имело значения — не было никаких объявлений о пропавших красных паракитах ни в этот день, ни в последующие. Красный принадлежал им, пока соглашался тут оставаться.

Проходили недели. В то время как росла тщательно продуманная модель космического корабля, которую делал Гумберт, Красный изучил все аспекты существования местных попугайчиков. Он усердно разбрасывал семена как из основного кормораздатчика, так и из чашек для лакомства, потом спускался на пол, чтобы подобрать упавшие кусочки и проглотить маленькие камешки. Он клевал пластмассовые игрушки и швырял их, словно они были врагами. Он метался вверх-вниз по лестницам и раскачивался на висящей веревке. Он дергал за хвостовые перышки и играл в перетягивание каната, где канатом служил стебелек проса. Когда его выгоняли из клетки на время уборки, он весело перелетел к занавескам, чтобы расклеивать болтающиеся нитки.

* Строка из стихотворения «К Алтею, из тюрьмы» английского поэта Ричарда Лавлейса (Richard Lovelace, 1617-1657) в переводе Александра Лукьянова. (Прим. перев.)

В нем было три необычных качества. Первое – его цвет; второе – его почти интеллектуальный интерес к человеческим делам, и третье – он был немой. Гумберт никогда не слышал, как он щебетал или ворковал. Но так как во всех других отношениях Красный казался совершенно здоровым, это не вызывало беспокойства. Он стал одним из членов семьи.

По-прежнему необщительный космический корабль оставался на орбите. Гумберт помнил, что корабль появился в тот же день, что и Красный, поэтому ему было легко это отследить. Через некоторое время эта тема перестала появляться в заголовках. Гумберт не был уверен, почему ни одно земное судно не было отправлено для связи с межзвездным посетителем и попытки прямого контакта; были только слухи – что-то о зашедшей в тупик сессии ООН. В условиях демократии легче ничего не делать, чем пытаться договориться о любом позитивном курсе действий. Однако это не объясняло, почему космический корабль также не пытался общаться. Ведь не прошел же он весь этот путь только для того, чтобы молча вращаться вокруг Земли?

Красный подружился с застенчивой Синей. Они разглаживали перья друг у друга на шее и делили чашку с лакомствами.

– Как ты думаешь, они могут спариться, если мы устроим им местечко для гнездования? – поинтересовалась Мета. – Если эта мутация устойчивая...

Гумберт согласился, что стоит попробовать. Раньше они никогда не занимались разведением своих птиц, так что он прочитал о процедурах гнездования паракитов и купил подходящую закрытую коробку.

– *Так, к когтю когтем и клювом к клюву*, – напевал он на мелодию «Потягивая сидр».

Но трагедия случилась прежде, чем все было готово.

Птицы расселись, как обычно по любимым местам на самых высоких качельках, когда Гумберт выключил свет. Днем они лазили повсюду, но ночью всегда забирались повыше.

Раздался стук. Встревоженный Гумберт включил свет и увидел, что Синяя бьет крыльями по полу. Что-то было не так: она не могла взлететь!

Красный быстро спустился и заботливо подскочил к ней, но Синяя не осознала его присутствие. Она поднялась на ноги, вскарабкалась на самый низкий насест и сжалась там, ее маленькое тело дрожало.

Прибежала Мета.

– Что такое с Синей?

– Боюсь, что это... Сердечный приступ, – сказал он.

Он слишком хорошо знал симптомы и знал, что с паразитами, как и с людьми, такое случается.

Синяя попыталась взлететь обратно на качельку, но снова упала на пол. Гумберт открыл клетку и протянул руку, чтобы поднять ее. Она боялась его и сопротивлялась, но не имела сил, чтобы сражаться. Он взял ее и погладил пальцем по шее, зная, что ничем не сможет помочь.

Через некоторое время она затихла, и Гумберт вернул ее в клетку. Он посадил ее на самый низкий насест, опасаясь, что она снова упадет, но ее лапки надежно ухватились за жердочку. Он выключил свет в гостиной, но, на всякий случай, оставил свет в прихожей, достаточно, чтобы Синяя смогла разглядеть и найти верхний насест. Лучше бы ей оставаться на месте, но...

Захлопали крылья. Гумберт с Метой отправились проверить, но Синяя оставалась там же, где была. Это Красный спустился, чтобы присоединиться к ней.

– Как это мило, – сказала Мета.

Утром Синяя оказалась мертвой. Она лежала на спине на дне клетки, а ее глаза были открытыми и тусклыми. Двое других попугайчиков, казалось, ничего не заметили, но Красный нервно подпрыгивал рядом.

– Ты не знаешь, что делать, правда? – сказал Гумберт.

Он почувствовал непривычные слезы, жгущие его глаза, когда поднял хрупкое тело. Гумберт тщательно осмотрел Синюю, но вернуть ее было невозможно. Он нежно обернул ее в свой носовой платок и отнес тело на задний двор для захоронения.

Красный летел рядом с ним.

– Нам всем когда-нибудь придется уходить, – сказал Гумберт, выкапывая неглубокую могилу рядом с розовым кустом.

Он положил тело в ямку и укрыл его землею.

– Я знаю, что ты должен чувствовать, – сказал он Красному, сидящему на кусте. – Но ты сделал все, что мог, чтобы успокоить ее. Я уверен, что ты сделал ее жизнь ярче, до самого конца. Я думаю, что она умерла, зная, что ее любят.

Красный полетел к забору и посмотрел на него. Гумберт знал еще до того, как птица снова взлетела, что это конец их знакомства.

Мета была слишком расстроена, чтобы идти на работу. Она посмотрела на клетку, внезапно ставшую слишком большой для двух птиц, и отвернулась, чтобы через мгновение снова взглянуть, как будто на что-то надеясь. Гумберт включил радио и сел перед своим

космическим кораблем из зубочисток. Модель была почти завершена, но он не мог работать.

– Мы прерываем эту программу для специального новостного бюллетеня, – быстро заговорило радио. – Инопланетный корабль исчез. Всего несколько минут назад...

Гумберт слушал с удивлением. Вот просто так? Корабль ушел, не вступив в контакт с Человеком? Столько сил, чтобы добраться сюда, а потом – уход, столь же загадочный, как и прибытие.

Он улыбнулся. Возможно, они проявили мудрость, избегая контактов с чиновниками, потому что те могли быть представителями Земли только по названию. Тем не менее, на месте пришельцев он, по крайней мере, послал бы своего представителя, возможно инкогнито, чтобы попытаться узнать характер обычного человека. Вот где неизбежно заключается истина – в отношениях простых людей. Как только они проясняются, мало что еще нужно для принятия решений.

Да, так. Сам бы он тихо спустился, и не ради однодневной стоянки. Он наблюдал бы в течение разумного времени, и если стандарты этого мира несколько отличались бы от его собственных, все равно, имея достаточное время, нашелся бы способ вынести справедливое суждение.

Рука Гумберта замерла перед моделью. Представитель инопланетян – возможно, существо, очень похожее на местное животное, ни дикое, ни ручное. Кто-то вроде паракита, обладающий свободой проникать в определенные дома, не опасаясь, что его там задержат; свободой наблюдать вблизи...

А также свободой полюбить туземку, которая, может быть, не такая умная, но красивая и ласковая. Свободой полюбить – и потерять?

Свободой бежать от горя – но никогда его не позабыть, пусть и будет забыт мир.

Beak by Beak, (Analog Science Fiction, 1967 № 12), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова

СОДЕРЖАНИЕ

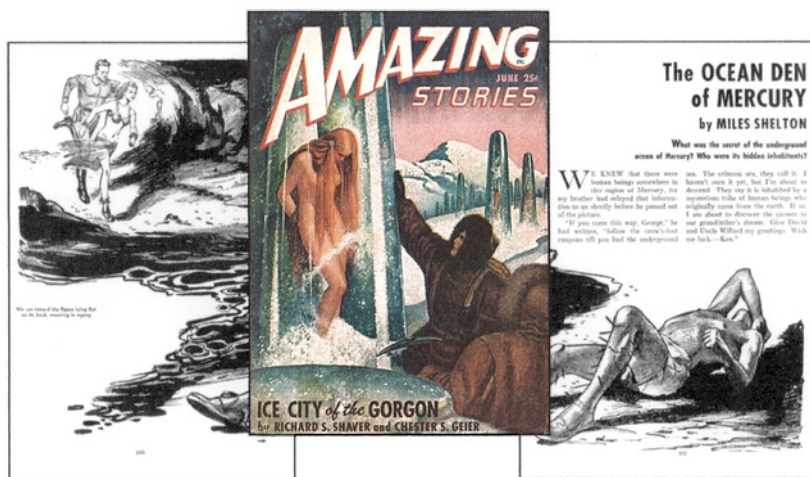
ЧЕЛАНДР. Повесть (В соавт с Робертом Маркгрофом и Эндрю Оффутом)	7
Mandroid, (If, 1966 № 6,), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова	
СООБЩЕНИЕ (В соавт. с Френсис Холл)	69
The Message, (Analog Science Fiction, 1966 № 7, пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова	
КВИНКВЭПЕДАЛИАН	105
Quinquipedalian, (Amazing Stories, 1963 № 11), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова	
ШЕОЛ (В соавт. с Джеймсом Хоталингом)	125
Sheol, (Analog Science Fact, 1964 № 9), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова	
ВСТРЕЧА.....	141
Encounter, (Fantastic Stories of Imagination, 1964 № 10), пер. Евгения Толстикова	
С МАЛЕНЬКИМ РТОМ И НЕВКУСНЫЙ.....	149
Small Mouth, Bad Taste, (Science Against Man / ed. Anthony Cheetham. — USA, Avon Publ., 1970), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова	
ЧТО РУБИТЬ?	169
Wood You? (The Magazine of Fantasy and Science Fiction, 1970 № 10), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова	
ИСТИННАЯ ПРИРОДА.....	179
The Whole Truth, (Nova 1 / ed. Harry Harrison. — USA, Delacorte Press Publ., 1970), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова	
ПОШЕЛ ТЫ К СОБАКАМ	193
Gone to the Dogs, (Anthonology / Piers Anthony. — USA, Tor Publ., 1995), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова	
КЛЮВОМ К КЛЮВУ.....	200
Beak by Beak, (Analog Science Fiction, 1967 № 12), пер. Борис Толстиков и Евгения Толстикова	

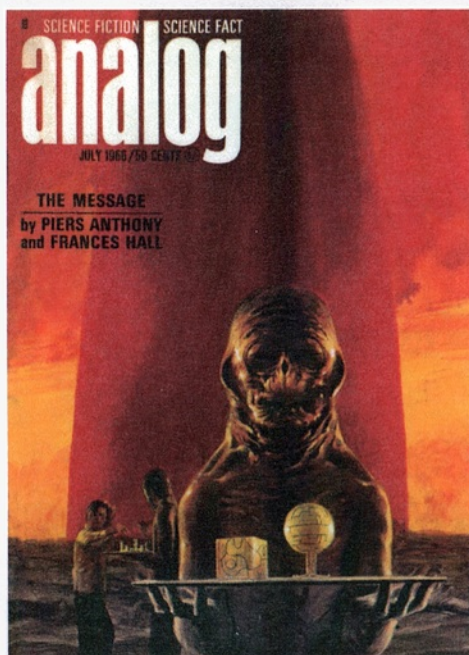
Читайте в
следующем томе:

«Угроза с Меркурия» (сборник фантастики о Меркурии)

В томе № 40 традиционно выходит очередной коллективный тематический сборник из подсерии «Дети Солнца». Этот том посвящен Меркурию – ближайшей к Солнцу планете Солнечной системы. Большое количество фантастических произведений о Меркурии дало возможность не ограничиваться одним томом. Аналогично сборнику о Сатурне, он выйдет в двух книгах: том 40а и 40б. В данном сборнике вы сможете прочитать произведения Реймонда Галлуна, Нельсона С. Бонда, Майлза Шелтона и других авторов.

Библиотека англо-американской классической фантастики

ПИРС ЭТНИ

Челандр